

ПИОНЕР 9

СЕНТЯБРЬ ● 1974 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
СЕНТЯБРЬ 9
Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

Рассказ о пионерском сборе в Вязниках и предложение журнала «Пионер» всем вместе пионерским отрядам и дружинам начать на страницах журнала всесоюзный сбор-поиск

«ОРДЕН

Л. СИМОНОВА

Рисунки
С. ТРОФИМОВА.

Вязники — город героев

Который уж день думаю и рассказываю о Вязниках. О вязниковцах.

Небольшой такой, истинно русский город во Владимирской области. Тихий, уютный, зеленый, пешеходы неторопливо идут по улицам. Старинные деревянные срубы с резными наличниками прячутся в вишневых садах, а вокруг строят и строят современные, похожие друг на друга дома с балкончиками, во дворах—горки, качели для ребят.

Сорок три тысячи жителей...

До войны было меньше. Во всем Вязниковском районе меньше ста тысяч человек.

Когда страна оказалась в опасности, эти люди отдали ей на военный заем шестьдесят миллионов рублей. Восемь миллионов собрали в фонд обороны, пять—на танковую колонну. Построили четыре самолета для четырех земляков—Героев Советского Союза. Из своих запасов, не таких уж богатых, выделили фронту миллион пудов зерна.

Сражаться с фашистами ушли без малого двадцать девять тысяч человек. Двадцать семь тысяч восемьсот шестьдесят—с войны не вернулись...

Фронт не прошел через Вязниковский район. Не было боев на улицах города и соседних сел, но эти села и этот город стали солдатами.

Маленький городок Вязники, но в годы Великой Отечественной войны двадцать один человек получил звание Героя Советского Союза, почти в каждой семье—двадцать, тридцать, пятьдесят орденов и медалей!

Пристально вглядись в эти цифры, вдумайся в них. И тебе станет понятнее, как вы-

В ТВОЕМ ДОМЕ»

стоял и победил страшного, очень сильного врага — гитлеровский фашизм—твой героический, твой бесстрашный, беспредельно преданный Родине советский народ.

Своими делами и поступками ты продолжаешь историю своего народа. Чтобы быть достойным своих отцов и дедов, ты должен знать, за что они сражались и погибали, какой ценой завоевали Победу.

В мае семьдесят пятого мы будем праздновать тридцатилетие разгрома гитлеровской Германии. Ты, юный гражданин Страны Советов, пройди дорогами минувшей войны, и пусть приведут они тебя в твой собственный дом, в твою семью. Расспроси своих родных и близких, за что они получили ордена и медали, и ты увидишь: герои, люди, совершавшие прекрасные подвиги, живут в каждом нашем доме, в каждой семье. И в твоей тоже.

Орден в твоем доме
— так назвали сбор-поиск пионеры дружины имени Зои Космодемьянской 3-й вязниковской школы.

Орден в твоем доме
—так предлагаем мы назвать Всесоюзный сбор-поиск, который с этого номера поведет на своих страницах журнал «Пионер».

Мы уверены: и ты станешь его участником!

И каждый вспомнил о своем...

Городской оркестр, который ради такого торжественного случая горисполком попросил отправиться в 3-ю вязниковскую школу, во всю мощь своих духовых инструментов играл военные марши и песни военных лет. А в узеньких коридорах школы радовались встрече фронтовые товарищи: обнимались, знакомили друг друга с внуками и вспоминали войну...

После сбора Анфиса Павловна Соколова сказала: «Я слушала своих боевых товарищей и наших детей и внуков — пионеров и думала о том, какая хорошая, надежная растет у нас смена...».

— Скажите, вы папа Гали Тарасовой? Можно наш отряд приедет к вам в леспромхоз?

Прямо напротив кричащего трубами оркестра примостились, облокотившись на перила, две женщины. Высокая, худощавая, немолодая—вся грудь в боевых орденах, и помоложе, с большими темными, чуть грустными глазами—и тоже ордена, ордена... только за трудовые заслуги.

— Странная я какая-то,—говорила та, что помоложе,—радостный день такой, а я как вспомню себя девчонкой: озябшие ноги в рваных бурках и голод—слезы катятся по щекам. Сестра ваша, Анна Павловна, я у нее ведь училась, подкармливала нас хлебом из своего пайка...

— Ты не странная, Фаина,—утешала ее пожилая женщина,—просто тяжко вам, детишкам, пришлось в войну. Но Анна, помнится, писала мне в госпиталь, держались вы молодцами: и учились хорошо, и в колхоз ездили работать, и для бойцов носки, варежки вязали...

— А нам Анна Павловна про вас рассказывала. Про то, как вы под Берлином спасли госпитальное имущество и получили орден Красного Знамени...

— Неужели рассказывала? Было такое дело, вот он, этот орден.—И она бережно погладила свой орден, потемневший уже от времени.

— До сих пор помню про молодого офицера, который умирал в вашем полевом госпитале в самом конце войны. Анна Павловна рассказала нам тогда, что у него были прострелены легкие... И перед смертью он сказал: «Сынишка остается у меня в Москве. Но мне не страшно умирать. Сын будет знать, что отец его отдал жизнь за Родину, и не сможет вырасти плохим человеком!..»

— Память, я так думаю, великое дело! Память о подвигах помогает расти героями...

— И я так считаю. И детям своим рассказываю, что помню. Я еще плачу, Анфиса Павловна, от радости... за детей наших...

Так они говорили. Медсестра Анфиса Павловна Соколова и знаменитая на всю страну ткачиха вязниковского льнокомбината Фаина Васильевна Коткова.

Рядом с ними о своем говорили другие люди. А вокруг, пробиваясь сквозь толпу, бегали туда-сюда взволнованные пионеры— заканчивались последние приготовления к торжественному сбору.

Папы и дедушки нашего отряда

В тот день на пионерской линейке они стояли вместе: пионеры и деды, седые, израненные, прошедшие всю войну—от Волги до Берлина. И командиры пионерских отрядов докладывали, что в их строю сегодня ветераны войны и труда—их бабушки, дедушки, папы, мамы, дяди —все, кто смог освободиться в этот час, и еще все родные и близкие, которые с войны не вернулись...

Мне казалось, что в этот момент на торжественной линейке и взрослые и ребята, как никогда, едины и думают об одном...

— Я верю,—сказал секретарь горкома партии Александр Александрович Борисов,—верю, что вы будете похожими на тех, кто в сорок первом ушел защищать Родину, храбро сражался и победил. Помните их подвиг, учитесь у них мужеству и стойкости, преданности делу Коммунистической партии и народа! Тогда стране нужны были воины, они стали солдатами. Сейчас мы строим. Вы видите, в нашем небольшом городке строится завод осветительной арматуры, расширяются завод текстильных машин, фабрики имени Карла Либкнехта и Парижской коммуны. Каждый год наши люди получают новые квартиры—двадцать тысяч квадратных метров жилой площади. На всех фабриках и заводах рабочие досрочно выполняют пятилетний план... Учитесь так, чтобы стать настоящими строителями коммунистического общества. И помните—богатство страны, ее могущество, ее судьба зависят и от вас!..

Ребята притихли. Перед пионерским строем пронесли пять знамен. Пионерское и комсомольское знамя школы. А еще знамя города! И знамя 59-го Краснознаменного полка, прославленное вязниковцами в гражданскую. И знамя шефов — хлебозавода, победившего в социалистическом соревновании.

Прославленные в бою и труде знамена на дружинном пионерском сборе! И несли их перед пионерским строем герои войны, лучшие в городе рабочие.

Ребята гордились и понимали: все это потому, что старшие хотят быть уверены—их знамена окажутся в надежных руках! И каждый пионер каждой дружины с честью пойдет с ними по пути отцов и дедов!

Я и не знал, что дед мой — герой!

Потом мы все собрались в актовом зале, и там сразу стало так тесно, что некоторым ребятам пришлось по двое сидеть на одном стуле. Лена Игнатьева, председатель совета дружины, прочитала Обращение пионеров двух дружин имени Олега Кошевого, московской и берлинской, они предложили в честь тридцатилетия Победы над гитлеровским фашизмом начать международную операцию «Салют, Победа!». Все хотели участвовать в этой операции, вот и придумали провести этот сбор-поиск «Орден в твоем доме». И теперь они поднимались один за другим, знакомили товарищей со своими дедами, отцами, мамами, а взрослые рассказывали, как они заслужили свои награды...

Я вспомнила, как два дня назад влетел в пионерскую комнату Виталик Забелин и

прямо с порога радостно закричал: «Привез из деревни деда! У него медалей—ух, много! Я и не знал, что дед мой—герой, он не рассказывал, а я не спрашивал...» Вспомнила, как волновалась Галя Тарасова, всегда такая спокойная: успеет ли вернуться к сбору из леспромхоза ее отец... Как пришли в школу Прошенковы посоветоваться, кому из них выступать,— у них в семье все орденоносцы, а семья не маленькая...

И вот теперь они все здесь, все вместе, все уладилось. И первыми встают перед залом дед и внук—Виталик Забелин и Алексей Васильевич Манаков.

ВИТАЛИК ЗАБЕЛИН. У дедушки две медали «За боевые заслуги», медаль «За отвагу», медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За освобождение Вены», «За освобождение Берлина»...

Мы и сами видим это. Видим, что старый солдат Манаков достал и надел свою военную форму, начистил до блеска медали и очень-очень волнуется, все расправляет складки на гимнастерке под широким ремнем...

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАНАКОВ. Надо было не дать фашистам форсировать Дон, оттеснить их сколько есть мочи на запад... В сентябре сорок второго Гитлер все свои войска стягивал к Сталинграду. Ну вот, наша дивизия и перешла в наступление...

Вокруг степь. Ковыль. Ни кустика. Не спрячешься, не укроешься. Трудно с боями идти вперед. Тяжелый был бой под Волчонками. Фронт ушел далеко вперед, а склады позади остались. Станут машины с боеприпасами к передовой пробиваться, а фашисты их из Волчонок шквальным минометным огнем косят. Что тут будешь делать?!

Пошло мое отделение в атаку—гитлеровцы и нас шквальным огнем встретили. Шесть человек сразу полегло. А выбить врага из той станицы Волчонки во что бы то ни стало необходимо. И мы идем вперед. В ногу меня ранило. Упал. Смотрю, с нашего наблюдательного пункта тоже огонь открыли, и подкрепление подоспело. Заняли наши ту станицу...

Товарищей только многих не стало. Сережки, Филиппа... И ранило шестерых. Я плачу. Простите меня, дети мои, внуки, я плачу, потому что вспоминаю своих товарищей. Столько их полегло в той степи... Но врага мы все-таки на восемнадцать километров отогнали! Тогда это было так много... Вернулся я из госпиталя в свой полк и получил медаль «За отвагу»...

ГАЛЯ ТАРАСОВА. Мой папа Василий Иванович тоже до Берлина дошел. На рейхстаге свою подпись оставил. У него два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени и медали...

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ТАРАСОВ. Помню, в боях под Берлином наскочила наша автоколонна на минное поле. Я механик, на войне командовал колонной машин—возили мы на передовую горючее, боеприпасы, продовольствие. В этот раз в цистернах горючее было. Горючее на минном поле! Беда, хуже которой не придумаешь. Осторожно стали искать путь, и вдруг.... у второй цистерны горловину оторвало...

Льется бензин на землю, а бои под Берлином жаркие, каждый грамм бензина на вес золота! Смотрю, шоферы из машин вышли, телогрейки сняли, передают тем, кто ко второй машине поближе. Двигаться на минном поле опасно! Забили телогрейками люк, спасли горючее. Потом удалось колею найти, вывели машины, вовремя поспели на передовую. За это и наградили меня орденом Красной Звезды. И товарищи мои получили награды...

ЮРА ПРОШЕНКОВ. В нашей семье все орденоносцы. Один только дядя отца Николай Иванович Прошенков имел двадцать орденов и медалей, стал Героем Советского Союза. У бабушки Марии Федоровны Самочадиной тоже Золотая Звезда Героя. У нее орден «Мать-героиня». Всего в нашей семье пятьдесят три награды. А расскажет папа Владимир Михайлович Прошенков про свою медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ПРОШЕНКОВ. Послали нас, мальчишек, на оборонный завод в Ковров работать. Кадровые рабочие уходили на фронт, мы заменяли их у станков. Работали по двенадцать часов, ели один раз в день. А работа сложная—пулеметы делали, автоматы, винтовки мелкокалиберные... Помню, как-то обрабатываю детали, а перед глазами все плывет... Наутро смотрю, все пятьсот штук у станка лежат. Вернули: отступил я маленько от чертежей, а с оружием ошибаться нельзя. После смены все переделывал.

Теперь иногда думаю: откуда силы брались? А в то время мы, комсомольцы, раз в неделю после смены еще три часа строили новый цех, за год построили! Понимали, как нужно фронту оружие.

Наловчились и план перевыполнять стали. Хорошо помню, как в первый раз мастер позвал меня, сказал, чтоб премию шел получать,—сто одиннадцать процентов выработал!..

Ну вот, потом наградили меня и товарищей моих медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»...

О тех, кто с войны не вернулся

Набитый до отказа, шумный зал в одно мгновение замер. Комсомольцы, создавшие лучший в городе музей Комсомольской Славы, пронесли между рядов награды тех, кто с войны не вернулся. Все встали. С минуту стояли молча—в память о погибших воинах-вязниковцах.

Рассказали о двоих. О Герое Советского Союза НИКОЛАЕ ДМИТРИЕВИЧЕ ХОРОХОНОВЕ, он учился в этой школе. И о ФАИНЕ ПАВЛОВНЕ ЯГОТИНОЙ, пионерской вожатой из 2-й вязниковской школы.

Несколько дней я провела в МУЗЕЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ СЛАВЫ. Видела дневник ребят, прошедших пять тысяч километров по боевому пути Николая Хорохонова. Прочитала груду писем—многолетнюю переписку с его боевыми друзьями. Просмотрела десятки документов, справок, фотографий, воспоминаний. Знаю, сколько труда, кропотливого, сложного, предшествовало рассказу Марины Кузнецовой на этом сборе.

МАРИНА КУЗНЕЦОВА. Самолет разлетелся в воздухе на куски. Люди и книги уверяли, что летчик и стрелок погибли. Но оба они остались живы.

Случилось это в Чехословакии. Гвардейский авиационный полк, в котором служил Хорохонов, получил задание уничтожить группировку фашистских танков у Дуклинского перевала. Звено Николая Хорохонова выводило из строя зенитки, прикрывало от обстрела два других звена, громивших танки противника. Показалось, должно быть, что с зенитками окончательно справились, развернулись над сторожкой лесника, хотели присоединиться к основной группе. Но у сторожки за кустами прятались еще четыре зенитки, не стреляли они—их и не заметили... Прямым попаданием самолет Хорохонова был взорван. Стрелок Федор Афанасьевич Дилов рассказал нам, что очнулся в воздухе. Одежда горела. Парашют не был раскрыт, и Дилов стремглав летел на землю. У самой земли успел раскрыть парашют. От силы падения пламя сбилось. Но, приземляясь, он стукнулся о подбитый танк, потерял сознание. Очнулся в каком-то сарае, понял, что попал в плен.

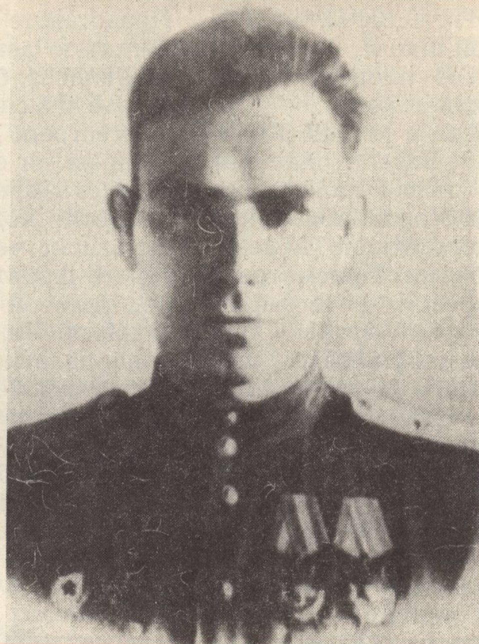
Много позже, когда удалось бежать из лагеря, добраться до нашей армии, вылечиться в госпитале, Дилов вернулся на место боя. Ему рассказали, что Хорохонов спустился на парашюте. Фашисты бежали к нему со всех сторон. Из пистолета «ТТ» он отстреливался сколько мог. Видимо, это было нелегко. Руководитель нашего исторического кружка Григорий Сергеевич Зудилов, на войне тоже был летчиком, он говорит, из пистолета «ТТ» далеко стрелять трудно. Хорохонов уложил наповал троих. Последнюю пулю оставил себе. Крикнул: «Смотрите, гады, как умирают коммунисты!»

Ему был всего двадцать один год. Он совершил 145 боевых вылетов. До присвоения звания Героя Советского Союза был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени. Он был отличным разведчиком, отличным летчиком и прекрасным человеком—так вспоминают о нем его товарищи.

ОЛЯ ГУСЕВА. Этот орден Отечественной войны II степени—награда Фаины Яготиной. Представьте себе веселую, озорную, быстроглазую девчонку, которая училась в десятом классе, была старшей пионервожатой в школе и успевала еще работать в госпитале медсестрой. Долго добивалась, чтобы направили ее на фронт, и добилась.

Рассказывают, она была удивительно храброй. Ходила с бойцами в разведку, восемьдесят человек вынесла с поля боя. Сестре с фронта писала: «Черт возьми, опять над головой кружат и кружат фашистские стервятники, вот гады... Лежу под кустом на плащ-палатке, рядом ребята немного «прифорсились», окружили баян. Какие это замечательные люди, здорово подсыпают перцу врагу, а вот в эти несколько свободных минут бичуют его песней. ...К бомбежке, к обстрелу давно привыкла, вначале, сознаюсь, мороз пробегал по спине и жуть

Фаина Яготина и Николай Хорохонов. Они были очень молоды и так много успели сделать для своей страны, для своего народа!

забирала... Я не боюсь смерти, нет! Умирать, защищая свою Отчизну,—счастье».

Пуля настигла ее, когда она несла через линию фронта раненого своего командира. Долго не могли добраться до госпиталя. У Фаины началась гангрена. Ногу отняли, но спасти девушку уже не удалось...

Мы шли к памятнику павшим...

Все вместе мы пели песни. Старые, фронтовые. И пионерские. И послевоенную— «На безымянной высоте». Когда пели, плакали. И не стыдились этих слез. Взрослые вспоминали товарищей. Ребята, растревоженные воспоминаниями старших, как никогда в другое время, чувствовали себя причастными к подвигу народа. Всем хорошо было вместе. И не хотелось расходиться. И снова возникал разговор.

Директор школы заслуженная учительница СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СКВОРЦОВА предложила ребятам собрать материал о всех выпускниках сорок первого года. Об учителях-фронтовиках... ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА РАЗНОСЧИКОВА, первый секретарь горкома комсомола, просила пионеров и комсомольцев 3-й школы помочь всем ребятам города провести в их дружинах сбор-поиск «Орден в твоем доме». Герой Советского Союза АНАНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ САБАШНИКОВ сказал, что хорошо было бы бросить клич пионерам всей страны,— пусть повсюду узнают ребята, что война коснулась каждой нашей семьи и во всех семьях —свои герои!..

Потом мы шли к памятнику воинам-вязниковцам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Большая колонна, несколько сот человек, медленно двигалась по улицам города.

Впереди знамена. Оркестр. Горнисты и барабанщики.

Перед памятником мы склонили знамена. Замер в салюте пионерский строй. Прозвучала торжественная музыка. Цветы, очень много цветов, выращенных ребятами в школьной теплице, легли к подножию памятника. Мы двинулись в обратный путь, к школе.

Из дворов, из домов выходили навстречу нам люди. Вывела из садика малышей воспитательница. Старушки украдкой смахивали краешком платков слезы. Тридцать лет! Это так много и так мало...

Все эти люди были с нами в те минуты, когда мы шли, чтобы почтить память воинов, отстоявших нашу с тобой счастливую, свободную жизнь.

Будь и ты с нами. Присоединяйся к нашему сбору-поиску «ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ»!

Как тебе принять в нем участие?

Провести у себя в отряде, дружине такой же сбор.

Пришли интересный, подробный рассказ об ордене или медали папы, мамы, дедушки, дяди—кого-нибудь из твоих родных, близких, старших друзей. Не позже дня Советской Армии—23 февраля 1975 года! Лучшие рассказы мы опубликуем. Авторы этих рассказов, пионеры—красные следопыты, которые собрали интересный материал и хорошо провели сбор-поиск, поедут в «Артек» летом 1975 года на международный праздник «Салют, Победа!».

Журнал «Пионер» ждет донесений пионерских отрядов и дружин, ждет твой рассказ!

ВО ВСЕСОЮЗНОМ ШТАБЕ ТИМУРА

ЗАДАНИЕ ВСЕМ ОТРЯДАМ, КОМАНДАМ, ШТАБАМ

Провести операцию «Красные звезды Тимура»: создать тимуровские посты помощи инвалидам войны и труда, семьям погибших воинов.

Провести трудовые десанты: заложить в городах и селах пионерские аллеи, сады и

парки имени Героев Великой Отечественной войны, собрать средства на строительство памятников и обелисков.

Провести конкурс «Мой подарок ветерану». Подарки и сувениры вручить в дни всенародных праздников и знаменательных событий в жизни участников войны.

О выполнении операции доложить штабу!

ПЕРЕСТРОИЛ СВОЮ РАБОТУ ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД...

(Из материалов школьного музея Комсомольской Славы)

Председателю горсовета тов. Батасову. 2. VII. 1941 г. от жителей улицы Красноармейской поступила жалоба: «Пионеры школы № 6 ходят вечером по улице, стучат по окнам и даже бьют стекла. Просим помочь».

Резолюция: «Вас надо судить за нарушение светомаскировки, а не жаловаться на пионеров».

(Из Владимирского областного партархива).

Перестроил свою работу пионеротряд средней школы имени Парижской коммуны. Меньше стали уделять внимания играм, экскурсиям. Больше заниматься военной подготовкой, работой в оборонных кружках, помогать семьям мобилизованных. Из пионеров и комсомольцев создано семь тимуровских команд по 10 человек.

(Из газеты «Пролетарий» от 2. VII. 1941).

С 15 по 25 июля 1941 года проходил призыв в ремесленное училище 14- и 17-летних. Всего по городу призвано 200 человек. Многие из них в заявлениях пишут о желании быстрее попасть на производство, чтобы стать полезными Родине.

(Из газеты «Пролетарий» от 19. VII. 1941).

На комсомольской конференции в декабре 1942 года говорили о том, что летом 1942 года на сельскохозяйственных работах в колхозах занято было 740 учащихся, они выработали 2 220 трудодней.

(Из Владимирского областного партархива).

ОПЕРАЦИЮ «КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ ТИМУРА» ВЫПОЛНЯЕМ!

(Из донесений тимуровцев 3-й вязниковской школы имени В. И. Ленина Всесоюзному штабу Тимура при редакции журнала «Пионер»).

Донесение первое. Очень хотелось помочь родственникам найти могилу нашего земляка Евгения Семеновича Ерина. Известно им было только то, что погиб он в 1943 году под Белгородом, северо-восточнее Прохоровки...

Мы писали в Белгородский областной военкомат, писали райвоенкому — точных сведений нам дать не могли. Под Прохоровкой в бою билось больше тысячи танков, сколько людей там погибло!

Летом мы шли походом по боевому пути 59-го стрелкового полка — он состоял в основном из вязниковцев и прославил себя в годы гражданской войны. Сражался полк и под Белгородом. Две войны прошли через эти места...

Из Белгорода мы специально поехали в Прохоровку. Директор народного музея Игнат Николаевич Ефименко показал нам семь братских могил, сказал, что в каждой из них похоронено не меньше ста тысяч солдат и офицеров... Вот какой бой был!

Мы подумали сначала: не найти нам Ерина!.. Но потом решили все-таки просмотреть все списки. Нас всего двадцать девять человек было, целый день просидели. Нашли!..

Сфотографировали могилу, место это, где сражался в Великую Отечественную наш земляк Ерин. Записали воспоминания местных жителей... Все привезли семье Евгения Семеновича Ерина.

Донесение второе. Прошли мы и по боевому пути полка особого назначения. Рассказали обо всем, что узнали по радио. В этот же день, только-только уроки кончились, смотрим, стоит у двери музея пожилой человек. Представился: Алексей Иванович Фомин. Рассказал нам, что воевал в гражданскую и в Отечественную, пятьдесят лет в партии. Собирается на пенсию, а документ, что служил он в полку особого назначения, найти не может. И товарищей не осталось в живых. Сняли мы копию с документов, которые нашли в архивах, и передали Алексею Ивановичу. Теперь он персональный пенсионер.

1945 год. Парад Победы. Через несколько минут фашистские знамена будут брошены к подножию Мавзолея.

Василий ФЕТИСОВ

ЦВЕТИ, СТРАНА, И СТРОЙСЯ!

А все же это здорово:
у солнца на виду
иду себе просторами,
раздольями иду!

Гляжу я с удивлением,
как Родина растет:
у нашего селения
возводится завод.

Труба — стальная свечка —
над стройкою встает,
колечко за колечком
приносит вертолет.

Опустит вниз к рабочим
кольцо,
как по шнурку,
и улыбнется летчик
дружку-крановщику.

А кран
большую стену
несет куда-то вверх.
Этаж растет
за смену.
В неделю вырос
цех.

Вот так работать стоит!
Я знаю,
кем мне стать:
заводы буду строить
и, может быть,
летать!

Свети мне ярче,
солнце!
Я —
юный пионер!
Цвети,
страна,
и стройся!
Расти,
СССР!

Мы поднимаем

Лидия СУХОВА,
лауреат премии Ленинского комсомола

Сама я детдомовская. После окончания восьми классов меня распределили в орехово-зуевскую школу ФЗУ. Так я и стала прядильщицей.

Теперь, проработав на фабрике почти десять лет, я оглядываюсь назад и думаю, что мой выбор профессии был в общем-то случайным. Сказали: поедешь в ФЗУ при хлопчатобумажном комбинате, и я поехала. Сказали: будешь прядильщицей, у тебя рост подходящий, и я стала... Ну хорошо, мне повезло — работа оказалась мне по душе. Но могло же и не повезти. Что тогда?...

Так я думаю иной раз, когда меня просят поговорить с молодыми девочками, со школьницами о выборе профессии. Что им сказать? Я свою профессию не выбирала. Мне ее как бы «поручили». И я это поручение стала выполнять.

Кто-то скажет: «Но это же совершенно неверно! У каждого человека есть талант и призвание». Да, это так, но слишком часто за талант мы выдаем свое неуемное, потерявшее скромность хотение. Прочитала девчонка стихи

ГОВОРИТ ДЕЛЕГАТ XVII СЪЕЗДА КОМСОМОЛА

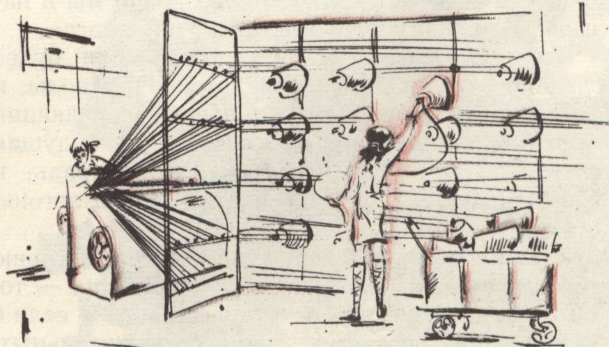
Знамя. Товарищи, сюда!

на школьном «огоньке», да ей еще похлопали чуть громче, чем надо, да из себя она симпатичная — и готово дело: открывается у человека «талант». Немедленно человек стремится пойти в Татьяны Доронины и в Юлии Борисовы.

Хоть и говорим мы, хоть и пишем, а все равно живет в нас это стремление — выбрать себе «красивую» профессию... Сколько же раз еще нам повторять придется, пока молоденькие девчонки наконец поймут, что красота, «интересность» профессии лишь в том случае откроются тебе, если дело свое ты делаешь хорошо, если ты мастер. Не профессия красит человека, а человек профессию. Всякая работа интересна, легка, радостна, только прежде стань умельцем в своем деле. И, наоборот, никакая золотая обертка не спасет, если внутри горечь, если о тебе говорят: «Растяпа, не умеет работать, не за свое дело взялась!..»

Когда нас, желторотых «фезеушниц», впервые привели в цех, поставили к прядильной машине и увидели, до чего же мы ничегошеньки не умеем, то, помню, старые работницы сказали: «Ну ладно, пусть они становятся по четверо на одну сторонку».

«Сторонка» странное слово. Я смотрела на узкую, длинную прядильную машину: вращают-

Рисунки А. ГРИШИНА.

ся здоровенные катушки, бежит ровница (это полуфабрикат нитки), как живые, летают десятки челноков. И этот вот пляшущий, крутящийся, скачущий ряд называется «сторонкой»!..

Позже я узнала, что это коренное текстильное слово. Только раньше сторонками называли не сторону машины, а... помещение для жилья. Например, в адресе писали так: «Казарма фабриканта Морозова, комната 126, левая сторонка, Петру Ивановичу такому-то».

Теперь в тех казармах, конечно, никто не живет. Но побывать там можно...

Заглядываешь в дверной проем — комнатка чуть больше железнодорожного купе. Слева и справа — по кровати. И на каждой из них жила семья: мать, отец, ребятишки! Вот эти кровати и звали «сторонками». Вся «жилплощадь» семьи — кровать. Теперь такого и представить себе невозможно. А между тем люди здесь жили, рождались и умирали. Вот как было прежде в Орехово-Зуеве...

В этом году отпуск у меня был летом. В первый же день взяла своего трехлетнего сына Мишку и ушла с ним прочь из города, на Клязьму, в наши заливные луга. Мне тишины хочется: только чтобы кусты над водой шелестели, пичуга какая-нибудь попискивала да Мишенька мой лопотал. И больше никаких звуков мне не хочется!

Мы, текстильщики (а вернее будет сказать, текстильщицы, потому что по традиции это все почти исключительно женская работа); мы, текстильщицы, от шума устаем... И не только от шума. Работа наша не очень-то золотая и не очень серебряная. Как говорится, на любителя наша работа: и жарковато бывает, и душновато, и пух хлопчатобумажный в нос лезет...

Нет, я не жалуюсь. Более того, я точно знаю: через несколько лет войдут в строй новые, бесшумные машины, резко изменится климат в наших цехах... Через несколько лет, а пока?..

Кое-кто скажет: «Ну вот подожду эти несколько лет, тогда и пойду в текстильное производство». Но кто-то рассудит по-другому: «Нечего ждать, когда станет полегче. Почему другие должны за меня отдуваться? Надо сейчас идти и работать!» Вот таких людей, которые не сидят сложа руки в ожидании хорошей жизни, а сами ее делают, таких людей мы и называем гордыми словами «рабочий класс».

Все, что есть на свете, сделано или будет сделано руками рабочего человека: и заводы, и фабрики, и станки, и машины, и сверкающий миллионами киловатт Усть-Илим, и будущая грандиозная Байкало-Амурская магистраль, и наимоднейшие туфли на платформе, и легонькое мини-платьице...

И самое важное свершение за всю историю человечества — Октябрьская революция — тоже сделана руками рабочего человека. И если б не было на свете этих крепких, решительных, мозолистых рук, которые держат серп и молот, то и сейчас бы, наверное, печи в деревнях топились по-черному, а в Орехово-Зуево продолжали бы приходить письма с адресом: «Казармы фабриканта Морозова, комната 126, левая сторонка...».

Однажды был у меня не очень приятный разговор с еще совсем молодой девчонкой, школьницей примерно ваших лет. Она мне сказала: «Ну что это за работа — прядильщица. Крути да крути нитку». Что ей ответишь? Вроде бы все верно сказала: крути да крути нитку. Сколько я ее накрутила? Сколько раз по экватору можно обмотать ею земной шар? Сколько раз дотянется до Луны и обратно? Не знаю, не считала. Да и не в том дело!

Я уверена, та самая девчонка, что небрежно надувала губы на мою профессию, любит в магазин «Ткани» ходить (это все женщины любят). Вот придет она и ахнет: и такая расцветка есть, и такая выработка, и ситчик, и сатин, и крепдешин, и павлинка, и чего только нет... И хочу я теперь узнать: в чем бы она ходила, та гордячка, если б не было на свете моей профессии?

Я и сама люблю в «Ткани» заглянуть, люблю смотреть на женщин, которые ходят от стенда к стенду и восхищенно ахают. У нас теперь много красивой материи выпускают. Вот она, в чем сила моей профессии. И хочется мне работать еще лучше, чтобы еще быстрее бежала нитка. Чтобы еще больше было у нас красивых, добротных, легких, нарядных тканей — для вас, девчонки!

Мне вручили премию Ленинского комсомола. Но, по существу, это награда всей нашей бригаде. По плану каждый из нас должен обслуживать четыре прядильные машины, а мы так освоили свое дело, что обслуживаем шесть! Уже сейчас у нас такая выработка, которая намечалась на конец пятилетки.

Ради чего мы стараемся? Честное слово, не только ради получки! Просто, говоря начистоту, если уж строить новую жизнь, так строить! Если идти в коммунизм, так крепкими шагами.

Мы, рабочий класс, отлично понимаем: коммунизм за нас никто не построит. А если ты хочешь строить коммунизм, иди к нам, становись рабочим! Рабочим по профессии и обязательно рабочим по духу.

В этом году исполнилось пятьдесят лет со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. Мне вспоминается сейчас хорошая комсомольская песня прошлых лет. Помните ее? «Вперед заре навстречу...» В этой отличной песне есть одна, по-моему, особенно чеканная строфа:

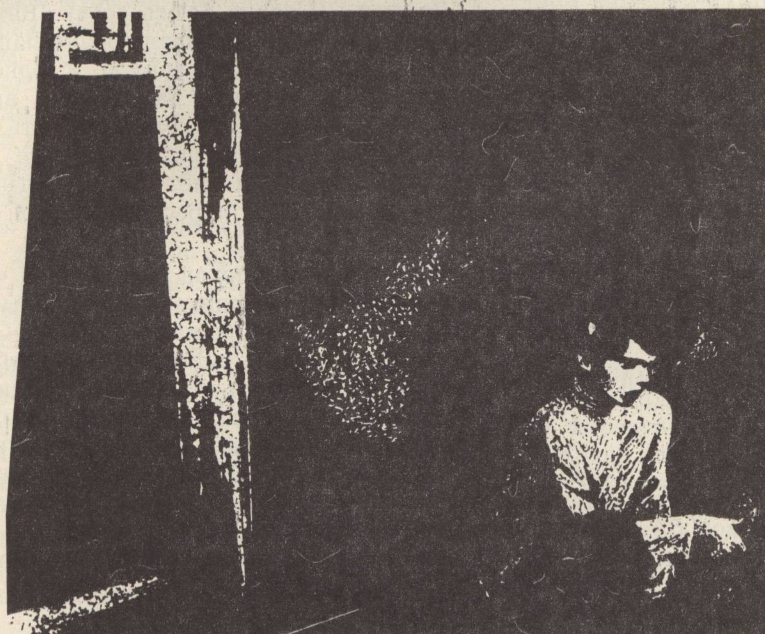
Мы поднимаем знамя.
Товарищи, сюда!
Давайте строить с нами
Республику Труда!

И я вслед за песней хочу сказать всем вам:

— Сюда, юные товарищи! В наши ряды! Хорошего и трудного дела непочатый край. Дружбы, романтики хватит на всех. Давайте вместе строить Республику Труда, имя которой Коммунизм.

ПАВКА, ДРУГ МОЙ!

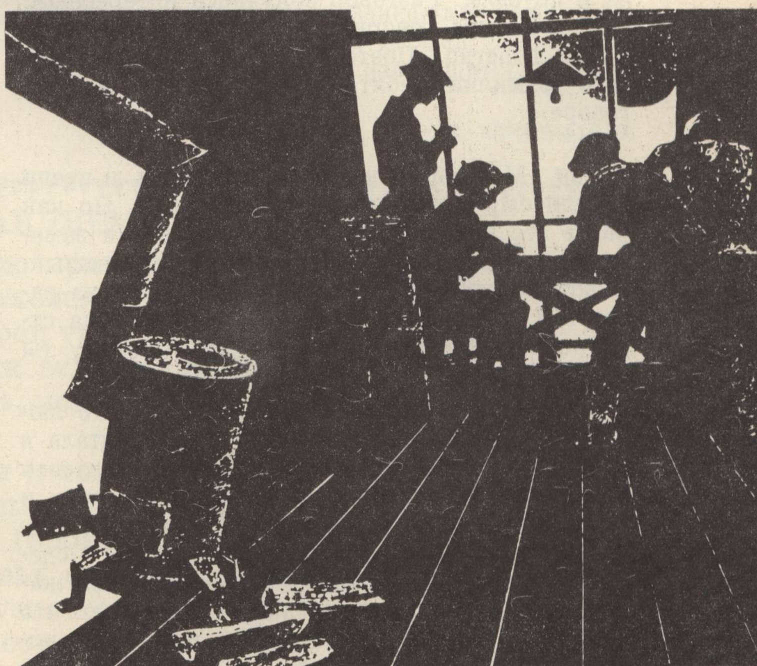
29 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Когда Феде Федотову исполнилось двенадцать лет, отец подарил ему книгу «Как закалялась сталь». Федя читал ее всю ночь, а потом поставил на этажерку рядом со своими любимыми книгами.

Началась война. Из военкомата прислали повестку. Собираясь на фронт, Федя положил в вещевой мешок и книгу Николая Островского.

Между боями в блиндаже, при свете коптилки он читал ее товарищам. Слова: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе и никуда иначе!» — стали девизом жизни Феди и его товарищей.

Книга прошла с солдатом всю войну. Он погиб в конце войны в Берлине, и друзья Федора Федотова прислали его простреленный комсомольский билет и зачитанную до дыр книгу с обгоревшими страницами в Москву, в Музей Николая Островского. Они писали: «Эту книгу

Рисунки к книге «Как закалялась сталь» Саввы Бродского.

можно было бы наградить орденом Отечественной войны. Она учила нас мужеству».

«Как закалялась сталь» делает людей мужественными и в наши дни. Я познакомилась с комсомолкой Надей Епифанцевой. «Как закалялась сталь» стала ее любимой книгой. Однажды Надя увидела: вылетел на мостовую мяч, и за ним бросился мальчишка. Она успела выхватить мальчишку прямо из-под колес машины, но сама лишилась ног. Надя сказала мне:

— Когда я перечитываю «Как закалялась сталь», мне трудно себе представить, что написал ее тяжело больной человек,— столько в этой книге радости жизни. Я, как живого, вижу Павку Корчагина, моего товарища, высокого, веселого, со смеющимися черными глазами. Павка помогает мне не унывать, помогает жить.

Павел Корчагин и Николай Островский неотделимы друг от друга. Николай Островский — героический, мужественный человек. Тяжело больной, он нашел в себе силы написать книгу, полную оптимизма, веры в силы человека, книгу, формирующую подлинный советский характер.

Те, кто знал Николая Островского, рассказывают, каким он был подтянутым, скромным, как трогательно относился к своим близким и друзьям, как много и напряженно работал, следил за тем, что происходит в стране, и жил жизнью страны.

Николай Островский и Павел Корчагин и сейчас рядом с нами.

Однажды в московской детской библиотеке № 56 имени А. П. Чехова собрались читатели нашего журнала. Зашел разговор о книге «Как закалялась сталь». Многие прочитали ее впервые. Книга поразила их, помогла задуматься о себе, своих поступках, характере, отношениях к друзьям. Разговор получился интересным, многие ребята говорили о самом сокровенном, а это нелегко. Поэтому мы не будем называть фамилии ребят, участвовавших в разговоре.

Рая. Мой папа военком. Он заболел, и врачи велели ему месяц лежать в постели. Но как раз в это время шел призыв в армию, а заместитель папы был человек новый, неопытный. И вот, несмотря на болезнь, папа пошел на работу. Я очень боялась за него, уговаривала отца не ходить, я спросила у него: «Почему ты так поступаешь?»

«Прочитай «Как закалялась сталь» (это любимая книга папы)»,— сказал он. Прочитала я эту книгу и многое поняла. Настоящий человек забывает о себе, своих горестях и болезнях и идет туда, где он сейчас нужен. Я сама не всегда так поступаю. Бывает, нужно что-то сделать дома, помочь маме, а я начинаю себя жалеть, сама себя уговариваю, что устала, что уроков много или придумываю еще какие-нибудь причины. После того, как я прочитала «Как закалялась сталь», я поняла: чтобы воспитывать волю, надо научиться не давать спуску самой себе.

Андрюша. Я согласен с Раей. Говорят: вот когда придет время и нужно будет совершить подвиг, я его совершу. Если не будешь воспитывать самого себя теперь, ничего никогда не совершишь. Я знаю, у меня еще много недостатков, я не всегда могу победить самого себя. Однажды заболела бабушка. Она попросила меня сходить в магазин, а я взял и ушел гулять. На душе у меня кошки скребли, стыдно было перед бабушкой. Я вернулся домой, взял сумку и сходил в магазин. И я рад был тому, что бабушка улыбнулась своей доброй улыбкой.

Сережа. Я очень боюсь собак. Как-то я шел по улице и вижу: большая собака напала на девочек-первоклашек, рванула у одной из них портфель, и из него на тротуар высыпались учебники. Сначала я хотел убежать, но потом сам себя остановил: девочкам еще страшней, чем мне. Набрался смелости и прогнал собаку. С тех пор я собак перестал бояться.

Алла. У меня плохой характер. Я часто грублю подругам, бабушке, маме. Сама получу двойку, а все зло на маме срываю. Она придет с работы усталая, тут я еще нагрублю, она и совсем расстроится. Но мама у меня никогда не повышает голоса. Тем более стыдно, что я не могу сдержаться. Когда я прочитала, как Павка однажды сказал: «Все, больше не буду ругаться»,— я стала себя сдерживать. Теперь, когда я чем-нибудь расстроюсь и вот-вот готова нагрубить, я приказываю себе: «Спокойно!» И это мне помогает.

Наташа. Мне стыдно об этом говорить. Мы с Аллой давно дружим, но все равно часто завидовали друг другу. Она хорошо учится, и я тоже. Но один раз Алла получила двойку, и я позвонила ее маме и рассказала об этом. Зачем, сама не знаю. Потом мне было стыдно, и на следующий день я подошла к Алле, все честно рассказала. И Алла простила меня. С тех пор я борюсь с этой проклятой завистью.

Ира. Когда я прочитала книгу Николая Островского, я задумалась вот о чем: кого я считаю своим другом и как следует относиться к нему. Нужно научиться понимать друга, помогать ему во всем и в то же время, если он поступил нехорошо, надо ему об этом сказать.

Был у нас такой случай. Выбирали председателя совета отряда. Наш классный руководитель предложил выбрать Катю. А весь класс хотел Веру. Катя — моя лучшая подруга, но у нее еще много недостатков. Она обидчивая, часто плачет, с мальчишками все время ссорится. И вот я встала и сказала, что лучше выбрать Веру. Катя очень обиделась на меня. Но я объ-

яснила ей, почему так поступила. Катя меня поняла и осталась моей подругой.

Алеша. У меня тоже есть друг, и я его очень люблю. Но вот я узнал, что он курит. Сначала я думал, не мое это дело, и молчал. А потом решил, какой же я друг, если он свое здоровье губит, а я молчу. Я начал с ним из-за этого ругаться, подкладывал ему в книжки статьи о вреде курения, не разговаривал с ним, даже в хоккей перестал играть. Через некоторое время он при мне выбросил в урну пачку сигарет и курить перестал.

Инна. Около Павла Корчагина всегда были друзья. А у нас в классе есть один мальчик, который учится хорошо, но ни в каких наших делах не принимает участия. Мы класс убираем, а у него урок музыки. Мы газету делаем, а он на тренировку по фигурному катанию уходит. Мы просим его сыграть что-нибудь на школьном вечере, а он говорит: «Не хочу». Сначала мы возмущались, потом стали все наши дела решать без него. И когда он почувствовал, что мы относимся к нему по-другому, он стал это тяжело переживать.

Однажды мы устроили субботник. Убирали школьный двор, сжигали прошлогодние листья, окапывали деревья, красили забор. Нам всем было весело и хорошо работалось. И в первый раз на наш субботник пришел этот мальчик, взял грабли и стал работать с нами. Ребята сразу все поняли, кто-то попробовал было подшутить, но его никто не поддержал.

Мальчик с тех пор изменился, и мы рады, что помогли ему.

Таня. Это хорошо, что вы все вместе помогли одному. А бывает и так: весь отряд неправ, и как трудно приходится тому, кто идет против всех.

Однажды весь наш класс сбежал с урока географии, мы не выучили урока. Мне не хотелось убегать, я люблю географию. Но я подумала, если останусь, все будут считать меня предательницей. Мы оделись, вышли во двор и стали думать, куда идти. Тут выбежала Вера. Она стала уговаривать нас вернуться. Все стали кричать на нее, говорить, что она идет против всего класса. Тогда Вера тихо сказала: «Я не боюсь уйти с вами, но у Галины Николаевны, — так звали нашу учительницу, — очень больное сердце, а она все-таки пришла на работу».

Мы вернулись в класс и после этого случая стали уважать Веру еще больше.

Катя. А Вера знаете, какая добрая. Она, как Павка. Павка никогда не ждал, чтобы ему что-то поручили. Он всегда сам приходил туда, где была нужна помощь. Вот и у нашей Веры есть такая черта. У меня вот сосед Игорек. Ему три с половиной года. Он часто болеет. Его маме трудно, она одна его растит. Как-то я рассказала об этом в классе, и Вера предложила всем по очереди ходить к Игорьку. Мы помогаем его маме по хозяйству, играем с Игорьком, показываем диафильмы, читаем книжки, делаем игрушки. На Новый год мы привели его в школу на елку. Весь класс называет его «наш Филиппок».

...Почти сорок лет назад была написана книга «Как закалялась сталь». И с тех пор Павел Корчагин всегда рядом с молодежью: он воевал на фронтах Великой Отечественной, восстанавливал разрушенные войной заводы, поднимал целину, строил новые города, выводил в космос первую советскую ракету. Сейчас отряды корчагинцев работают на ударных комсомольских стройках, в колхозах, создают Липецкую магнитку.

Павел Корчагин дорог и сегодняшним пионерам. Книга «Как закалялась сталь» помогает понять, что настоящий советский характер, воля, выдержка, чувство долга, уважение к товарищам, умение работать на пользу обществу выковываются в труде, возникают из каждодневных, маленьких побед над своими слабостями. Книга помогает им расти настоящими людьми.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Каждый день в редакцию приходят письма. На конверте написано: «Сереже Каховскому (лично)».

Сережа Каховский — герой трилогии Владислава Петровича Крапивина. Две части ее, «Всадники на станции Роса» и «Мальчик со шпагой», недавно печатались в «Пионере».

Такие письма приходили и тогда, когда мы печатали другие повести и рассказы писателя. Читатели журнала подружились со многими его героями.

Мы думаем, что все друзья героев Владислава Петровича Крапивина с радостью узнают о том, что ему присуждена премия Ленинского комсомола.

23 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПРАЗДНИКОМ ВСЕХ БОЛГАРСКИХ ПИОНЕРОВ!

Внимание! Зарубежные сообщения

РАССКАЗЫВАЮТ ТИМУРОВЦЫ БОЛГАРИИ

Цветы для Андрея Слесова

«Дорогие друзья!

Пишу вам из Узбекистана, из города Навои. Во время Великой Отечественной войны мой дядя Андрей Слесов был ранен и остался на лечении в городе Пловдиве. От ран он умер там, в Болгарии. Бабушка очень переживает, что не может положить на его могилу цветы. Прошу вас: найдите памятную плиту моего дяди и пошлите мне ее фотографию...

Люда».

С этим коротким письмом в наш класс вошло большое горе. Оно не было для нас чужим.

— Мы должны найти этот памятник,— сказал Петя, и это был голос всех.

Казалось, нет конца аллее павших советских воинов. И наконец вот оно! Золотом по камню: «Андрей Слесов».

— Здравствуй, солдат! Мы принесли тебе цветы, мы принесли тебе привет из дома, от мамы и Люды. Она твоя племянница, но ты ее не знаешь. Не знаешь и нас — мы дети мирного времени. Но разве можно позабыть о войне?

«Дорогая Люда!

Пишут тебе пионеры отряда имени Веры Пеевой. На этой фотографии — могила твоего дяди. Покажи ее бабушке. Скажи ей, что мы каждую неделю приходим к дяде Андрею и приносим цветы. Приезжай к нам на лето, Люда! Мы будем очень тебе рады».

«Дорогие друзья!

У меня не хватает слов, чтобы выразить нашу благодарность. Мама часто плачет, глядя на фотографию, присланную вами. А бабушка... Милая бабушка, она так хотела приехать в Болгарию, но... Не дожила...

Люда».

«Как мы переживали, милая подружка! Нам очень хотелось, чтобы успокоилось сердце старой матери, матери солдата. Потом мы читали письмо твоей мамы, сестры Андрея Слесова, и выучили его наизусть, хоть оно было на шести страницах.

Мы — пионеры 7-го класса. Те, кто нашел могилу твоего дяди, окончили школу. У памятника Андрею Илларионовичу они вступали в комсомол, приходили сюда после выпускного бала. Тут они передали нам, как эстафету, долг — заботиться о могиле солдата.

Для нас он тоже дядя Андрей, комсомолец из Жернова, который в годы войны взрывал фашистские склады, освобождал из плена советских солдат, снабжал оружием партизан, воевал вместе с ними, стал потом артиллеристом Красной Армии.

Не сердись, Люда, что мы повторяем известные тебе вещи. Просто хочется, чтобы ты поверила: мы знаем, как прожил свою недолгую жизнь твой дядя Андрей Слесов.

Мы знаем, что после гибели командира дядя Андрей принял командование частью. Награжден орденами Славы II степени и

Боевого Красного Знамени, медалью «За отвагу»...

Мы получили от твоей мамы несколько фотографий дяди Андрея. Одну из них прикрепили к плите памятника. Теперь все важные события в нашей жизни мы отмечаем здесь.

Кусты роз, посаженные у его могилы, разрослись на диво. И они не увянут, Люда, никогда!

Пионеры 7-го «Б» класса школы имени Христо Смирненского, г. Пловдив».

КЛЯТВА

Директор шахты «Черное море» товарищ Семенлийский просматривал утреннюю почту. На маленьком конвертике, надписанном ровным детским почерком, стояла пометка «Лично».

«Товарищ Семенлийский!

Тимуровская команда «Белый голубь» просит Вас приехать на машине в воскресенье, ровно в 20 часов, на перекресток шоссе в сторону Каблешково. Вы должны подать три коротких сигнала фарами. «Белый голубь».

Директор улыбнулся и спрятал письмо в карман. Славные ребята, эти тимуровцы, столько хорошего сделали людям шахтерского поселка. Позвонил ему однажды бригадир рудника и радостно прокричал в трубку: «Товарищ директор, людей посылать не надо! Вчера ночью какой-то «Белый голубь» перенес весь кирпич на строительную площадку!» «Белый голубь» собирал уголь у «конуса» шахты, вскапывал огороды одиноким старым людям, побелил стволы деревьев в парке. А недавно в кабинете директора неожиданно появились горшки с цикламенами...

Вечер был хорош: с гор тянуло теплым ветром, зеленели деревья по обочинам дороги. На повороте к руднику «Благоев» Семенлийский притормозил и трижды просигналил фарами. В стекло постучал мальчишка...

Остановились перед бюстом поэта-партизана Атанаса Манчева. Ребята окружили памятник плотным кольцом.

— Товарищ Семенлийский, сегодня мы принимаем в нашу команду нового товарища. Мы хотели, чтобы вы и наш учитель были с нами в этот день.

Мальчик, который становился тимуровцем, вышел вперед и, поборов смущение, начал читать стихи Манчева. Семенлийский хорошо помнил Атанаса, помнил, как эти стихи помогали партизанам без страха смотреть в лицо смерти.

«Эх, Наско, почему ты сейчас не с нами, не слышишь слова клятвы?!»

— Клянусь! Слово товарищей будет для меня законом! Буду беречь честь команды и делать только добрые дела. Клянусь!—Семенлийскому послышались голоса товарищей-партизан, которые уже никогда не спустятся с гор в долины.

Рисунки А. АСТРЕЦОВА.

* * *

Дорогие ребята,
читатели журнала
«Пионер»!
У многих из вас есть
друзья в пионерских
организациях
других стран.
Вместе с ними вы будете
отмечать
30-летие Победы
над гитлеровской
Германией.
Расскажите, как идет
подготовка
к этому юбилею
в вашей дружине,
в вашем отряде.
Какие общие дела
готовите вы к этой дате?
Мы рассказали вам
о тимуровцах
Германской
Демократической
Республики и Народной
Республики Болгарии.
С тимуровцами каких
стран дружите вы?
Расскажите нам о них.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ—НАДЕЖДА

ПОВЕСТЬ

НА ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМ ТРАКТЕ

29 августа 1891 года в кабинете директора вечерне-воскресной школы Фарфорового приходского попечительства собирался на заседание педагогический совет.

Поминутно распахивалась дверь, и в кабинет бесшумно проскальзывали девушки, заходили молодые люди.

— Здравствуйте, Вячеслав Яковлевич! — приветствовали они директора школы.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — отвечал Аврамов и с видимым удовольствием ставил «галочку» против фамилии в списке преподавателей.

Пришли два священника в серых рясах с большими золотыми крестами на груди. Они степенно поклонились и заняли места рядом с директором. Отец Стефан расправил по плечам русые волнистые, как у девушки, волосы, которые, видимо, на ночь заплетал в косицы. Отец Серафим был постарше. Его лысый череп обрамляла жиденькая седая бахрома. Сцепив пальцы пухлых рук на животе, он снисходительно поглядывал на молодежь.

Надя вошла в кабинет и нерешительно оста-

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Продолжение. Начало в № 7.

новилась у дверей, ища глазами Калмыкову. Гул в комнате постепенно стих, все взоры обратились к новенькой. Аврамов тоже заметил ее и подозвал к себе. Надя подала директору свои бумаги. В кабинете снова стало шумно. Преподаватели собрались после трехмесячных каникул и делились своими впечатлениями. Надя ловила доброжелательные улыбки. Здесь было молодо, весело.

Ровно в два часа в кабинет стремительной походкой вошел попечитель школы Николай Александрович Варгунин. Разговоры прекратились. Все разом встали. Вслед за ним пришла Александра Михайловна Калмыкова.

Николай Александрович быстрым взглядом обежал присутствующих и весело потер руки.

— С удовлетворением отмечаю, что все учащие в сборе. Очень рад!

Варгунину было лет сорок. Невысокого роста, подвижной, несколько полноватый, с темной бородкой, мягкими чертами лица, он больше походил на земского врача, чем на промышленника.

— Начнем, — обратился он к директору школы. — Прошу вас, Вячеслав Яковлевич.

Аврамов нацепил на переносицу пенсне и встал.

Он был старше всех присутствующих. Высокий, худощавый, с седым ежиком волос на голове. Работал учителем земской школы в селе Волково и вот уже несколько лет безвозмездно исполнял обязанности директора вечерне-воскресной школы.

— Итак, господа, — начал он свою речь, — мы с вами начинаем восьмой учебный сезон. В этом году к нам поступило более шестисот новых заявлений от рабочих Спасской и Петровской мануфактур, Невского механического завода, с фабрик Паля и Торнтона, с завода Невского стеаринового общества. Большинство заявителей неграмотно, а те, кто учился раньше, хотят продолжать образование. В этом году наши классы будут посещать около тысячи рабочих. Чего же ждут от нас с вами ученики?

Аврамов взял со стола пачку листков. Надя увидела прошения, написанные на тетрадных линованных листах, на оберточной бумаге и даже на синей бумаге из-под сахара.

— Разрешу себе прочитать некоторые из прошений. Рабочий с Семянниковского завода пишет: «Хочу узнать, как живут и чем занимаются люди в других государствах». А этот, с Невского механического, интересуется вопросом «откуда явился человек и все живущее на земле». — Вячеслав Яковлевич перелистывал прошения, зачитывал из них строки: «Как образовалось государство и для чего оно людям?»... «Почему одни бедные, а другие богатые?»... «Ради чего живет человек?»... «Как понимать законы?».

Отец Серафим кашлянул в кулак и тихо спросил:

— Ремесленный люд желает познать законы божьи?

— Человеческие тоже, — кратко ответил Аврамов и продолжал:

— Рабочий со стеаринового завода хочет «понять окружающий нас темный лес», другой пишет, что «хотел бы взглянуть на мир божий открытыми очами».

Надя внимательно слушала, старалась сформулировать ответ на каждый вопрос и поняла, как это трудно. Она пришла сюда не только для того, чтобы научить рабочих грамоте, но и помочь им осознать себя, свою роль, найти в «темном лесу» дорогу к иной, достойной жизни.

— Итак, господа, поздравляю вас с началом учебного сезона. Желаю успеха, — закончил Аврамов свою речь. — Попросим нашего уважаемого попечителя сказать напутственное слово.

Варгунин поднялся с места.

— Хочу поблагодарить всех вас за то, что вы так щедро делитесь своими знаниями. Шестьдесят тысяч рабочих и членов их семей живет и трудится на Шлиссельбургском тракте. Это равно населению среднего губернского города России. Семь лет назад почти все рабочие тракта были неграмотны. Сейчас сотни рабочих, а в последние годы многие десятки работниц овладели грамотой. Люди тянутся к знанию. Вчерашний темный, невежественный смоленский, псковский, рязанский мужик берет в руки книгу. Вячеслав Яковлевич наглядно показал, чего от нас ждут рабочие. Дорогие коллеги, приложим все наше старание, все усердие, чтобы приблизить час, когда «мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет». В добрый час!

Преподаватели долго и шумно аплодировали. Надя радовалась возможности выразить свои чувства. До этого она слышала аплодисменты только в театре. Но то было знаком одобрения игре актеров, пьесе. Здесь, в этом кабинете, где со стен из темных рам смотрели взыскательные глаза Ломоносова и Ушинского, Пушкина и Пирогова, Менделеева и Тургенева, молодые люди аплодисментами выражали готовность служить народу. Только священники не участвовали в этом душевном порыве: в церкви не аплодируют. Отец Серафим неодобрительно вращал большие пальцы сцепленных на животе рук.

— Предлагаю вашему вниманию прошение мадемуазель Надежды Константиновны Крупской, — услышала вдруг Надя и машинально встала. — Мадемуазель Крупская, — продолжал Аврамов, — просит принять ее в число учащих. Надежда Константиновна получила образование в гимназии Оболенской, имеет похвальные отзывы как репетитор и преподаватель математики. К прошению приложено свидетельство полиции о политической благонадежности. Имеются ли вопросы к мадемуазель Крупской? — спросил директор.

Надя стояла, вконец смутившаяся. Александра Михайловна кивала ей головой, держитесь, мол.

Варгунин окинул взглядом тонкую фигуру девушки с длинной пушистой косой и спросил:

— Известно ли вам, мадемуазель Крупская, что школа потребует все ваши вечера в будни, а в воскресенье мы работаем с десяти утра до шести вечера? И так с первого сентября до пятнадцатого мая. Знаете ли вы, что дирекция оплачивает учащим только проезд на паровой конке в школу и обратно, а преподавание ведется безвозмездно. Мы оплачиваем уроки только законоучителям.

Священники заерзали на стульях. Каждый из них брал за урок полтора рубля, и эти уроки проходили обычно в полупустом классе.

Надя чуть слышно ответила:

— Да, условия мне известны. Я постараюсь быть полезной.

Аврамов пошептался о чем-то с Варгуниным, и тот в знак согласия кивнул головой.

— Вы, мадемуазель Крупская, имеете опыт преподавания в женских учебных заведениях, так не лучше ли вам взять женскую группу? — спросил Аврамов.

«Не доверяют», кольнула мысль, а вслух Надя твердо сказала:

— Я очень прошу доверить мне мужскую группу.

— Вам трудно будет. Не справитесь. Там нужен крутой характер, — настаивал Аврамов.

Надя совсем разобиделась. Ее считают хлипкой барышней. Но она должна взять мужскую группу. Именно там ей поручено подбирать людей в марксистские кружки. Среди мужчин надо и в первую очередь искать организаторов, пропагандистов. Женщины потянутся за мужчинами.

— Уверяю вас, у меня хватит сил и хватит характера,

— Хватит! Всего у нее в избытке: и знаний и воли, — раздался голос Александры Михайловны.

Надя с благодарностью посмотрела на свою защитницу.

— Ну, что ж, — вздохнул Вячеслав Яковлевич. — Я полагаю возможным зачислить мадемуазель Крупскую в состав учащих. Но посоветовал бы вам, — обратился он к Наде, — в течение месяца побывать на уроках в разных группах. Вы присмотритесь, и мы вас получше узнаем.

Надя чувствовала себя провалившейся на экзамене. Ее душили слезы обиды.

Заседание кончилось. Калмыкова взяла Надю под руку и стала знакомить с преподавателями. «Книппович» — крепко, по-мужски пожала ей руку девушка в очках, в строгом темном платье. «Мещеряков»... «Чечурина»...

— Не беспокойтесь, Надежда Константиновна, — сказала Книппович. — Со всеми нами так было. Вячеслав Яковлевич очень строг в отборе.

— Все обойдется...

— Получите вы группу... — утешали Надю со всех сторон.

Возвращались домой вместе с Александрой Михайловной. Калмыкова понимала состояние девушки.

— Вы чересчур застенчивы, а здесь нужна напористость, умение держать в руках класс.

— Проклятый недостаток! — призналась Надя. — Застенчивость мешает мне всю жизнь. Но контакт с учениками у меня получается.

— Э, здесь совсем, голубушка, другое. Это не ваши девочки, а мужики, некоторые еще и от земли как следует не оторвались. С покрова до пасхи в Петербурге работают, а с пасхи до покрова в деревне. Это фабричные, а не заводские — те уже настоящие пролетарии, и ладить с ними легче. Но устают все одинаково. После пятнадцатичасового рабочего дня иной придет в школу, тетрадь на парту, уткнется в нее и спит. Нужно огромное терпение, большие знания и умение заинтересовать, чтобы тебя слушали, иначе через месяц будешь приходить в опустевший класс. Разбегутся. Вячеслав Яковлевич правильно решил: посидите на уроках у других преподавателей, у Книппович, например, она мастер своего дела. У другого, третьего. Всяк на свой лад работает. Увидите ошибки одних, дар божий у других.

На углу Литейного и Невского остановились. За последние дни улицы Петербурга неузнаваемо оживились: съехались студенты, курсистки, вернулись дачники, начинался театральный сезон. Большие афиши на круглых тумбах оповещали, что в Мариинском театре сезон открывается оперой «Евгений Онегин» с участием любимца публики знаменитого тенора Николая Фигнера.

— Вот она, судьба-то! — кивнула головой в сторону афиши Калмыкова. — Вера Фигнер в пожизненном заключении в Шлиссельбургской крепости, а ее брат Николай — солист императорской оперы.

Помолчали. Каждая думала о своем. Александра Михайловна кончиком зонтика чертила вензеля на панели.

— Почему вы отказались от женской группы? — вдруг спросила она Надю.

Надя замялась.

— Впрочем, понимаю, — взглянула на нее Калмыкова, — вы не зря марксистской литературой увлекаетесь. Что и говорить, на фабриках и заводах наиболее активная сила — мужчины. Но знаете, — сказала вполголоса, доверительно Калмыкова, — самое удивительное и прекрасное создание на земле — русская женщина. Это сумели увидеть, пожалуй, только Некрасов, ну и Пушкин. Нет сильнее, чище и многострадальнее русской бабы. Нет красивее и отважней ее. Где еще найдете такое созвездие, как Перовская, Фигнер, Засулич, такого подвижника в науке, как Ковалевская? Возьмите, к примеру, наших учительниц вечерней школы. В любую погоду они идут пешком, едут на паровичке, тащат с собой связки книг, просиживают вечера и все воскресенья в школе, часто голодные, простуженные, но не пропустят ни одного занятия. И все это бескорыстно. А ведь еще и себе на хлеб заработать нужно. Мужчин-то среди преподавателей раз два и обчелся. Вы-то на какие средства живете?

Надя пожала плечами.

— Зарабатывала уроками. Все уроки были вечерние, пришлось отказаться. Буду устраиваться куда-нибудь на работу.

— А бухгалтером, учетчиком сможете работать?

— Едва ли. Никогда с этим не сталкивалась.

— Сможете, — отрезала Калмыкова. — Сможете. Мне в книжный склад бухгалтер нужен. Дело не хитрое, и не боги горшки обжигают. Я плачу сорок рублей в месяц. Рабочий день у меня по совести. Когда большие партии книг прибывают, приходится засиживаться, а так шесть — восемь часов в день.

Надя улыбнулась.

— У вас порядки уже социалистические. Калмыкова заторопилась.

— Считаю, что согласие ваше получила. От полиции свидетельства о политической благонадежности запрашивать не буду. Ну, до завтра. Ровно в десять утра я вас жду.

ПЕРВАЯ ГРУППА

Жизнь Нади круто изменилась.

Утром ехала на книжный склад Калмыковой, оттуда забегала домой пообедать и каждый вечер бежала на Литейный, садилась на конку и ехала до Шлиссельбургского тракта. От конки до школы надо было пройти порядочное расстояние по щербатой мостовой.

Сидела на уроках, забившись в дальний угол. Внимательно наблюдала и за учительницей и за учениками. Исписывала тетради замечаниями, размышлениями о том, как лучше организовать урок.

Ей нравилась энергичная, умная манера Александры Михайловны просто растолковывать самые сложные вопросы.

В другом классе Надя чуть не уснула под монотонный голос учительницы, целый час диктовавшей по складам какой-то скучный текст. Надя сделала пометку в своем дневничке после такого изнуряющего диктанта.

Лидия Книппович поразила Надю умением вызывать учеников на откровенный разговор. По тому, как вела Книппович урок, как отвечала на вопросы учеников и сама ставила вопросы, Надя поняла, что Лидия Михайловна примыкает к народовольцам.

Еле дождалась Надя конца сентября и пошла к Аврамову. Напомнила о своей просьбе.

— Вы не отказались от мысли вести мужскую группу? — спросил директор.

— Нет, я утвердилась в этой мысли.

— Мне нравится ваша настойчивость, — признался Аврамов. — Могу вам дать группу немолодых и вовсе неграмотных. Предупреждаю — группа трудная. Возьметесь обучить их грамоте?

— Берусь, — храбро ответила Надя, но почувствовала, как пол закачался под ее ногами.

На следующий день директор повел учительницу знакомиться с новой группой.

Наконец-то Надя идет в класс полноправной учительницей.

Вошла и обомлела: за столами сидело человек четырнадцать пожилых рабочих. Все они были инвалидами. У одного пустой правый рукав рубашки заправлен за пояс, рядом с другим стояли костыли. Поражал своей худобой и синюшным цветом лица рабочий неопределенного возраста. Он надрывно и оглушительно кашлял. Его сосед, видимо, страдал от незаживших ожогов на лице и руках. У одного было бельмо на глазу, другой был горбат...

— Вот ваша новая учительница. Прошу любить и жаловать. Смотрите, не обижайте Надежду Константиновну. — Желаю успеха, — кивнул директор Наде и вышел.

Надя старалась справиться с волнением.

— Вишь, барышня, какие мы все кривые, косые да горбатые. Женихи мы никудышные, но дюже хочется грамоте научиться, — сказал безрукий.

— Будете стараться, научу, — отвечала Надя. — Давайте выберем старосту.

— Это зачем старосту? В деревне — другое дело. Подати да налоги собирать, на барщину скликать, а здесь ведь обучают задарма, — возражали Надины ученики.

— Староста будет мне помогать: раздавать книги, собирать тетради, готовить доску, мел, тряпку, следить за порядком и чистотой в классе.

— Это другое дело. Но кого?

— Пусть Федька рябой будет за старосту, он помоложе и сильный, ему сподручно книжки таскать, — предложил однорукий.

Старостой выбрали Федора Васильева.

На душе у Нади было невесело. Она не видела среди этих пожилых, искалеченных людей будущих пропагандистов, организаторов.

— Кто из вас грамотный? Кто знает буквы — поднимите руку.

Трофимов поднял обожженную руку.

— Я все буквы знаю: аз, буки, веди, добро, глаголь... а вот взял священное писание, все одно, как слепой.

— Кто еще буквы знает?

Больше никто не знал.

Неграмотных Надя никогда не обучала. Она могла преподавать алгебру и геометрию, географию и физику, литературу, французский и немецкий языки. Наверно, она сумела бы учить детей в начальной школе. Но как найти ключ к этим бородачам, младшему из которых было под сорок. Как научить однорукого писать левой рукой, как сможет Трофимов держать ручку обожженными пальцами? С чего же начать?

Надя раздала ученикам тетради и ручки. По программе на письмо отводился час, второй час на чтение и третий на арифметику. Начинать обучению письму полагалось с палочек. Нужно ли это? Она ходила по классу, показывала, как надо держать ручку, потом подсаживалась к каждому и выводила на первой строчке тетради букву «о». Долго примерялась, как держать перо в левой руке, сидя рядом с одноруким Павлом Макаровым. Растерянно смотрела на ярко-красную, словно лишенную кожи, руку Трофимова.

— Спужалась? — спросил рабочий. — Теперь уже не болит. Это я с машиной не сладил, паром обварило. Даст бог — до свадьбы заживет.

Надя подошла к доске и написала крупно букву «о» мелом.

— Пусть каждый из вас напишет эту букву в своей тетради по две строчки.

В классе слышалось тяжелое дыхание и скрип перьев.

— Больно тебя мудрено звать по батюшке, — раздался вдруг голос Васильева, — Надежда Кс... Кнс...

— Надежда Кон-стан-тиновна, — раздельно и громко произнесла Надя. — И давайте друг друга называть на «вы».

Ученики повторяли, коверкая на все лады отчество учительницы. Трофимов сказал:

— Надежда Кстинна, мы тебе будем говорить «вы», а нас называй «ты». Идет?

— Нет, мы будем называть друг друга на «вы», и я вас, и вы меня. Это уважительно, и так полагается в школе.

Надя заглянула в тетради учеников и поразилась: у каждого буквы «о» были сцеплены одна с другой и на линейках нарисованы просто цепочки из круглых звеньев. В чем дело?

Надя поняла свою ошибку. Следовало бы написать эту букву каждому в тетрадь несколько раз и раздельно.

— Писать надо так!

Она вывела на доске длинный ряд букв, отделив одну от другой коротенькой, четкой запятой. Положила мел и стала вытирать тряпкой руки.

Неожиданно для нее старый рабочий Захар Родионович запротестовал.

— Не согласны! Что ж получается, все по одному, порознь?

Учительница в недоумении пожала плечами.

— Не понимаю.

— Ну к примеру: мы подаем жалобу на мастера, али про непорядки на фабрике, весной вот на Торнтоне бастовать собирались, так грамотный напишет, а мы по неграмотности эту самую букву на бумаге ставим, и каждый ее за другую зачепляет. Значит, мы все заодно. А ты говоришь — надо порознь писать. Коли будем порознь — нас каждый одолеет.

Надя стояла, пораженная неожиданным открытием.

— Когда за получку расписываетесь, какой знак ставите?

— Известно — крест, как на погосте, — ответил Захар Родионович.

«Спасибо, вам, Захар Родионович, за урок!» — хотелось сказать Наде. Неграмотные рабочие, выводя эту цепочку, бросают дерзкий вызов: пролетарии, объединяйтесь! В единении — сила! Они чутьем понимают, как необходимо им организоваться. Неразрывная цепочка из звенышек — это же суть учения Маркса, о котором эти рабочие и понятия не имеют.

Теперь Надя совсем другими глазами смотрела на выведенные в тетрадях неровные, но крепко связанные между собой колечки.

«Ну, что ж, — подумала она, — будем считать, что учение начали с лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Следующий урок был арифметика.

Все умели считать до ста. Знали сложение и вычитание. О делении и умножении понятия не имели. Надя стала объяснять правила сложения.

Родион Захарович ворчал:

— Нам сложение, Кстинна, ни к чему. У нас сплошное вычитание. Делить нам между собою нечего, разве кусок хлеба. А вот умножение пригодится...

Прошло недели две, и между учениками и их молодой учительницей установились самые доверительные отношения. Рабочие видели, сколько усердия, доброго терпения и сердечного тепла вкладывала в свое дело «Кстинна», и всей душой потянулись к ней.

Улыбчивая и приветливая, она являлась в класс, и становилось светлее то ли от ее белой блузки, золотистой косы, а может быть, от лучистых глаз. Каждый старался показаться ей в самом лучшем виде. И Надя понимала, как душевно богаты эти изуродованные каторжной жизнью люди.

Это были старые рабочие, давно порвавшие с деревней. Почти все они успели поработать на нескольких предприятиях, знали порядки на всех фабриках и заводах Петербурга, нравы мастеров и управляющих. Им было что рассказать своей учительнице.

— У нас на бумагопрядильне хозяин хлопок по дешевке купил, — рассказывал Захар Родионович. — Заработать побольше хотел. Основа из этого хлопка никудышная, слабая. Если мало ее шлихтуешь...

— Что такое шлихтовать? Объясните, Захар Родионович.

— Крахмалить, значит. Мало накрахмалишь, она, чертяка, рвется беспрестанно, посильнее шлихтуешь — ломается. Ну какой заработок может быть у ткача на такой дрянной основе? Я вроде бы лучший ткач на фабрике. Меньше двадцати рублей в месяц никогда не приносил, а вот уже два месяца едва на двенадцать целковых срабатываю.

— Я тоже ткач, — включился в разговор обычно молчаливый Трофимов. — Мне машиной на рельсе ногу раздавило, потому как ограждения не было. И ничего мне за это уродство не заплатили.

Чахоточный Улькин работал на табачной фабрике Лаферма. Он жаловался на большие штрафы, которые взыскивают с рабочих. Пришел домой вечером на час позже — штраф, ругнулся на мастера — штраф, дверью хлопнул — штраф, на гармошке заиграл после десяти вечера — штраф.

Тут уже все вступили в разговор. Всех волновал вопрос о штрафах.

— Говорят, новый закон о штрафах вышел, а мы, неграмотные, ничего толком не знаем. Что за закон? — спросил Васильев.

Надя тоже не знала. Пообещала узнать.

Дома Надя записывала все услышанное от рабочих, а потом рассказывала обо всем на собраниях марксистского кружка.

К Новому году все ученики Крупской научились читать, писать и считать. Одни лучше, другие хуже. И добилась она этого не столько

умением и педагогическим опытом, сколько упорством, мягкой настойчивостью. Учительница радовалась вместе со своими учениками каждой самостоятельно написанной строчке, каждой прочитанной странице, каждой решенной задаче.

Для Надежды Константиновны этот год был настоящим университетом. Никто в марксистском кружке не знал так точно и подробно положение на петербургских фабриках и заводах, как она.

И когда в мае ее ученики предстали перед экзаменационной комиссией, ни один не получил меньше четверки. На экзамен не явился один только Улькин. Ранней весной он умер от чахотки. И перед смертью он говорил добрые слова о своей учительнице.

На педагогическом совете Аврамов отметил успехи Надежды Константиновны и признался, что от этой «захудалой» группы все отказались. Отважилась одна мадемуазель Крупская.

Надя понимала, что сдала свой важнейший в жизни экзамен.

ЧЕТ-НЕЧЕТ

Прогудел фабричный гудок, протяжно и тоскливо. Темно и холодно на дворе. Моросит дождь.

Егорка весь сжался, засунул руки в рукава. Торопится за сестрой. Фрося хочет взять братишку за руку, но он сердито поводит плечом — не маленький, мол, не потеряюсь, да и идти недалеко от казармы до фабрики. Утром Егора всегда колотил озноб, даже летом. Егор не высыпался уже поди два года. Даже в воскресенье. Разве в казарме выспишься, когда на нарах лежат голова к голове двадцать пять человек! Один храпит, другой стонет, третий что-то бормочет во сне. Каждому свое снится, а Егорке — то сеновал, то полати у теплой печки, где он спал с братишками. Сверчок верещит. За стеной мычит корова, а потом вдруг раздается бычий рев. Егорка вскакивает, протирает глаза. Нет сверчков. Нет братишек. И не бык ревет, а фабричный гудок.

В широко распахнутые ворота фабрики валом валит народ. Много людей. Тыщи. Егорке не сосчитать. Он умеет считать только до пятидесяти, да больше ему и не надо.

Зазвенел звонок. Пора становиться к станкам. Фрося перекрестила Егорку и побежала в женскую гардеробную. Она работает на третьем этаже ткачихой. Егорка рядом — в сновальной. В ткацкой такой грохот, будто тебя по голове цепами молотят. А в помещении, где ребятишки, тихо. Их здесь двадцать четыре пары, больше мальчишек, но есть и девочки. И всех пробирает дрожь. И все зевают. До слез.

Вошел мастер.

— А ну, гуси лапчатые, за работу!

«Гуси лапчатые» усаживаются на полу парами, друг против друга. Теперь они проборщики. Перед каждым рама, ремизка, с частыми, туго натянутыми нитями. Лицо соседа сквозь эти нити кажется разлинованным вдоль. Посередине каждой нити петелька — глазок. С длинной катушки — барабана бахромой свешиваются нити — основа. Каждую нить основы надо продеть в глазок ремизки. Все четные нити — в глазки одной ремизки, все нечетные — в глазки другой. Спутаешь, вся работа пойдет насмарку. Для верности каждый проборщик, продевая крючком в глазок свою нить, говорит «чет», а второй, продевая свою, отзывается: «нечет». Сорок восемь ребят сидят на полу и, не отрывая глаз от ремизок, нащупывая пальцами глазок, повторяют: «чет-нечет», «чет-нечет». От этого чоканья и однообразных движений клонит в сон. У детей день короче, чем у взрослых, — десять часов: с четырех утра до девяти, а потом, после трехчасового перерыва, еще пять часов. Работа проборщиков считается легкой, но для детей это пытка. Попробуй неподвижно просидеть на полу, вытянувши или поджав под себя ноги пять часов подряд! И еще пять часов!

Мастер ходит по рядам и проверяет. Заметит, что две-три нитки основы в одну ремизку подряд продеты, велит переделывать все, и в конце месяца в получку высчитают из четырех рублей много копеек за брак. Кто виноват, разбираться не будут, высчитают с обоих.

У Егора напарницей Кланька. Маленькая, в ма́териной кофте, ворот болтается, и на шее видна черная полоска от медной цепочки, на которой висит крестик. Какая она, Кланька?

В деревне каждого человека видно — веселый он или бука, задира или тихоня. А здесь все одинаковые, все сидят согнув спины и шепчут: «чёт-нечет», «чёт-нечет». У Кланьки пальцы тоненькие, как соломинки, она и без крючка нитку в глазок вдевает прямо с ходу. Быстро работает, Егор еле за ней успевает. А получает она только три рубля в месяц, потому что девчонка. Скоро два года работают они в паре и ничего друг о дружке не знают. Разговаривать некогда.

«Чёт-нечет», — стрекочут ребячьи голоса. «Чёт-нечет». После работы Егорка сбегал в лавку за хлебом, солониной, а потом пошел встречать сестру. В голове стучит, как дятел: «чет-нечет», и хочется спать. Спать. Спать. Увидел во дворе — ребята под фонарем в чушки играют — и удивился: как можно играть в чушки, когда нет сил и хочется спать. А в деревне Егор в чушки играть был горазд: с одного удара пушку вышибал.

Егор еле ноги передвигает, и рот от зевоты разрывается, а Фрося идет ему навстречу, как с посиделок — легкая и веселая, словно и не отработала пятнадцать часов.

— Скоро покров, Егорушка, праздник пресвятой богородицы.

— Вместе в школу будем ходить, грамоте обучимся...
И Егорку с собой возьмем!

— Будто не знаю, что скоро,— буркнул Егор. — Я не хочу больше наниматься, хочу в деревню. Хоть бы одну зиму в деревне пожить, на печке поспать.

Фрося рассмеялась.

— Ты как старый дед о печке думаешь. И думать не моги! — строго сказала она. — Урожай опять небогатый, лишний рот там не нужен, мы лучше мамане да братьям и сестрам на обновки заработаем. — Фрося помолчала, обняла за плечи поникшего Егорку и вздохнула. — А я, Егорушка, замуж выхожу. На покров свадьбу будем играть.

— За Степана идешь? — как о само собою разумеющемся спросил Егор.

— За него! Переедем в семейную казарму, ты к нам по воскресеньям будешь в гости приходить. Видно, нам суждено в Петербурге всю жизнь прожить.

— Кабы в Петербурге, а то в казарме. Я этот Петербург и не видел. Я к мамке хочу. Она старая, хворая, помрет без нас.

— Как бог даст... — Фрося покрепче прижала к себе брата, тот боднул ее в плечо и отстранился — не маленький, чай.

Степан ожидал их у дверей казармы. Он запыхался, видно, бегом бежал с Семянниковского, где работал слесарем.

— Здорово, паря,— будто не замечая Фроси, хлопнул по плечу Егорку Степан. — Чего невеселый?

— Да вот домой, в деревню просится, — ответила за брата Фрося.

В двери казармы ныряли фабричные девчата, поглядывали на Фросю, на Степана. Проплыла, покачивая бедрами, ткачиха Лукерья, зыркнула глазами на Степана, усмехнулась, смерила насмешливым взглядом Фросю.

— Совет да любовь, — произнесла нараспев и подмигнула Степану: — Ты чего, лучше не нашел?

— Тебя, что ли? Тьфу, ты! — отмахнулся от Лукерьи Степан.

— Тили-тили тесто, Фроська — невеста! — прокричали хором мальчишки.

— Ужо погоди, я с вами расправлюсь, — пригрозил им вдогонку Степан. — Вот что, Фрося, я с тобой сегодня не могу. Учиться я определился в вечернюю школу. И, знаешь, кто там учителкой? В жизнь не угадаешь.

— Кто же? — без особого интереса спросила Фрося. Она обиделась, что не хочет Степан пойти с ней на карусель, как договорились. Может, его учителка завлекла?

— К Надежде Кстинне определен я учиться.

— Врешь!

— Ей-бо, пра! Там и для баб школа есть. Вот я и хочу спросить тебя: может, вместе в школу будем ходить? Грамоте обучимся и завсегда будем вместе. А, Фрося?

— А силушек-то откуда взять? У меня голова гудом гудит. Я из-за тебя стирку отложила, а ты в школу! Придумал тоже. — Фрося глянула на Степана. В глазах ее была и любовь и обида.

— Больно там интересно, Фрося. Сидишь, слушаешь, сон как рукой снимает. Не пожалеешь. Не понравится — уйдешь. Там насильно не держат. Это как душа велит.

Желание быть со Степаном вместе взяло верх.

— Ладно, будь по-твоему. Пойдем — погляжу. Ты, Егорушка, беги, похлебай щей да ложись. Вот тебе еще копейка на бублик. Поешь на здоровье. А ты, Степа, погоди, я сбегаю переоденусь, не в этих же лохмотах идти.

Фрося скрылась за дверью. Егор вертел в руках копейку. Степан с состраданием глядел на него. В глазах мальчонки была такая тоска, такая недетская усталость.

— Степ, — нерешительно сказал Егор, переступая с ноги на ногу, — вели Фроське меня в деревню отправить. Я зиму там посплю, а к пасхе обратно вернусь.

— Ты что — медведь? — засмеялся Степан.

— Степ, вели Фроське, ты ведь ей вроде муж.

В темноте блеснули белые зубы Степана. Значит, решила Фрося, если Егору сказала. А то Степан сомневался: не очень-то уверенно говорила Фрося о будущей совместной жизни. Все медлила с ответом. Ей хотелось сыграть свадьбу в деревне, чтобы честь честью, чтобы сваты пришли, чтобы девичьи посиделки напоследок справить, попричитать, песни попеть, распрощаться с девичьей жизнью. А здесь какая свадьба! Пойдут пешком в церковь, а потом отправятся на поклон к управляющему Семянниковским заводом, чтобы Степану, как женатому, угол в семейной каморе отвели. И гулянки никакой не будет...

Вышла Фрося, повязанная чистым ситцевым платочком, в жакетке нараспашку, чтобы была видна новая сатиновая кофточка. Нарочно под фонарь встала.

— Ты чего, Егор? Иди домой. И мы пойдем.

Степан смотрел на Фросю: ладная, пригожая будет у него жена.

— А мне можно с вами? — спросил неожиданно Егор.

— Так это школа для мужиков и баб, мы тебя в земскую определим, — возразил Степан.

— Не, я хочу с мастеровыми. В земскую школу надо днем в обеденный перерыв ходить, а я лучше спать буду, а вечером вместе с вами.

Степан переглянулся с Фросей.

— Ну, ладно, пойдем, может, Кстинна разрешит тебе со мной на одной скамейке сидеть. Только чтобы не спать там и усердие к учению проявляй. Кстинна строгая, но справедливая. Всю душу школе отдает, нашему брату, мастеровому. Смотришь на нее, и самому хочется стать лучше. Ты как, Фрося, согласна? Возьмем с собой Егорку?

— Коли ты хочешь — давай все вместе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В СЛЕДУЮЩЕМ

НОМЕРЕ.

А. ГАНГНУС

НА ПУТИ К ОТКРЫТИЮ

Соленый хребет планеты чудес

РЕПОРТАЖ С ГАРМСКОГО СЕЙСМИЧЕСКОГО ПОЛИГОНА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Читатель! В № 9 за 1973 год я предложил тебе интересную игру: разрезать старую географическую карту и сдвинуть все материки Земли с привычных мест. В свое время эта «игра» помогла ученым, исследующим нашу планету, сделать немало интересных открытий.

Но открытия требуют проверки. Я живу и работаю в горах Памира, в большой геофизической экспедиции. Как раз там, где миллионы лет назад, вероятно, произошло — не на старой карте, а в действительности — медленное и грандиозное столкновение Индии, «приплывшей» в виде самостоятельного кон-

жие» геофизиков: новые идеи, новые приборы, новые методы исследования.

Одна из главных проблем — сейсмический прогноз...

— «Наука-1», я — «Наука»! Как меня слышите? Прием.— В этой машине целыми днями, ожидая связи, сидел Миша Якубов. А мы в это время карабкались по горам и пытались найти «точку прямой видимости».

тинента от самого Южного полюса,—и великого материка Евразии. Исполинские горы выросли по кромке столкнувшихся материковых глыб. И продолжают расти. Значит, столкновение материков не закончилось, а продолжается. Полтора десятка станций нашего Гармского сейсмического полигона как бы вслушиваются в землетрясения, сопровождающие этот современный геологический процесс...

«Полигон» — слово военное. Военные проверяют на полигонах новое оружие. На Гармском полигоне проходит проверку «оружие» геофизиков...

«Пророческий» сон

Людмиле Вермишевой, молодому физику, предложили поехать на далекий, незнакомый Памир, в экспедицию, изучающую землетрясения. Накануне отъезда Люсе приснился сон...

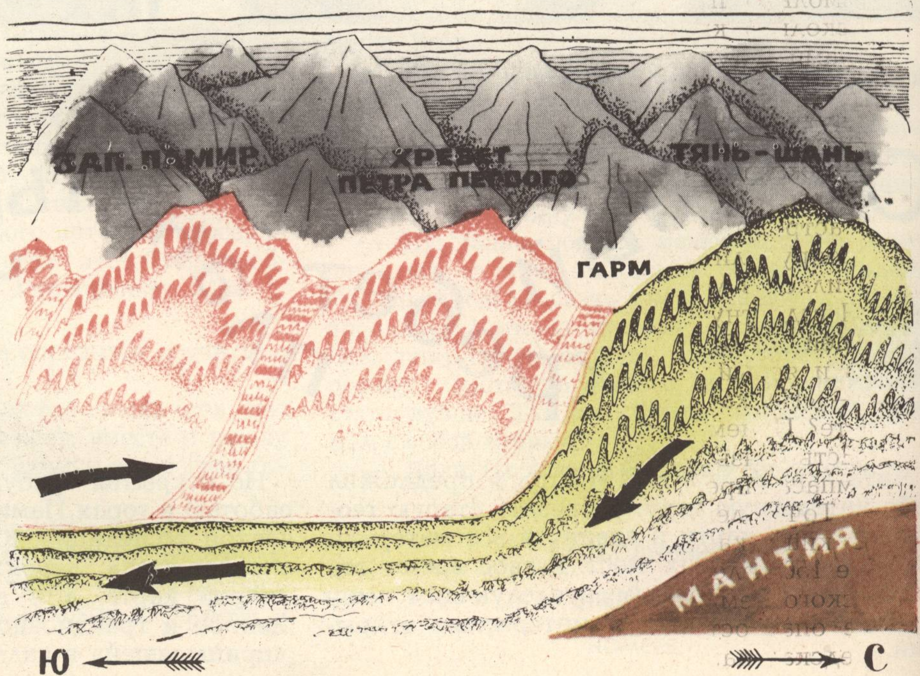
...Людмила — в незнакомой пустынной стране с дикими скалами и быстрыми реками. Внезапно она слышит рокот мотора и видит вертолет, который опускается недалеко от нее. Из машины выходит высокий седоватый человек. Он направляется прямо к Люсе, здоровается, спрашивает о работе, о планах. Услышав слово «Гарм» — так называется таджикский город, вблизи которого будет работать Люся,—он кивает головой.

— Знаю. Это там, где 10 сентября будет землетрясение.

— Землетрясение?

— Да... впрочем, вы об этом еще узнаете.—Человек, пробормотав слова прощания, направляется к вертолету.

Люся приехала в Гарм и шутки ради рассказала о своем «пророческом» сне новым сослуживцам-геофизикам. Все посмеялись. 10 сентября землетрясения, конечно, не было. А 13 сентября задрожали, запели пружины в диване, звякнула ложечка в стакане на столе, с тонким звуком лопнуло плохо вставленное оконное стекло. Люся выбежала на крыльцо. Над обрывами противоположного берега реки дымилось облачко пыли — небольшой обвал от землетрясения.

Примерно так представляют себе ученые столкновение плит в районе Гармского полигона. Слева — надвигающаяся с юга плита Гондваны с хребтами Памира. Справа — заталкиваемая в мантию северная азиатская плита с хребтами Тянь-Шаня.

«Я — «Наука-1»!

Конечно, случай с пророческим сном не более чем забавное совпадение, да еще не совсем точное. И все-таки, если бы сейсмологи умели предсказывать достаточно сильные землетрясения с точностью хотя бы в три дня!

...Прошлым летом я шел, обливаясь потом, по раскаленной долине реки Ясман. Мне нужно было найти точку «прямой видимости» с кишлаком Хаит, окраину которого я различал у выхода из ущелья.

— «Наука»! Я — «Наука-1»,— ловя ртом раскаленный воздух, время от времени повторял я в маленький переносный передатчик.

«Наука» (аспирант узбек Миша Якубов) не отвечала. Я все время проваливался в какие-то ямы, и мне это уже переставало нравиться. Когда-нибудь в этом нежилом ущелье поставят автоматическую сейсмостанцию, которая будет сообщать о землетрясениях с помощью ультракоротких радиоволн. УКВ— хороший диапазон: связь на этих волнах надежная и ясная, но УКВ, как лучи света, идут только по прямой, что в горах не всегда возможно. Вот и сейчас УКВ не проходят: мешает выступ у выхода из долины.

— Я — «Наука-1».— Я снова провалился в яму, чуть не сломав ногу.— Однако... Что же это за буераки такие?

И вдруг я остановился, вспомнив. Перед глазами возник рисунок из знакомой книжки. Разлапистое, как дерево, было изображено на нем это самое Ясманское ущелье, и рябью—волны, наступающие на его дно со склонов. Так осыпались, оползали эти живописные отроги во время печально знаменитого Хаитского землетрясения 1949 года.

Так вот что это за буераки, вот почему безмолвно пустынна эта красивая долина! Несколько кишлаков погребено здесь под кучами валунов и земли. Я посмотрел в сторону Хаита.

Туда, к выходу из ущелья, устремились жители кишлаков, когда 8 июля 1949 года задрожала земля и с горных круч поползли обвалы. И там 10 июля их застигла главная катастрофа: обвал засыпал поселок. Обвалы перепрудили реки. В полчаса долина превратилась в море грязи...

Я вздрогнул. Из маленькой коробочки, висящей на боку, раздался тройной писк-вызов и ясный голос Миши Якубова:

— «Наука-1», я—«Наука», как меня слышите? Прием.

Есть связь! Я ответил Мише и с помощью компаса определился по карте: поставил точку. Точка легла рядом с надписью «Развалины кишлака Сафидоу». Жители Сафидоу и еще 150 селений, пострадавших во время Хаитского землетрясения 1949 года, были бы вне опасности, если бы катастрофа была предсказана. Вот почему именно с 1949 года начинается история Гармского сейсмического полигона. Одна из основных задач ученых полигона—прогноз землетрясений.

Катастрофы не будет

Слабые землетрясения человек даже не чувствует. Только проявив фотобумагу с записью сейсмографа, можно увидеть зигзаги от этих толчков. Но слабые землетрясения — непременные спутники сильных, и в непрерывном шуме слабых землетрясений можно распознавать сигналы, предупреждающие об опасности.

«В Хаите и вообще по северу Гармского района нового сильного землетрясения не будет до 80-х годов нынешнего столетия»,— так написал в своей кандидатской диссертации мой друг Женя Цветков. К этому выводу он пришел, изучив данные по тысячам слабых толчков, а их в районе бывает по два-три десятка в день.

Вероятно, Цветков прав, и слабых землетрясений пока гораздо больше не здесь, а южнее, ближе к афганской границе. Там тоже живут люди, выстроены города и кишлаки. Возможна ли там катастрофа?

...И Женя Цветков, и Люся Вермишева, и я, и еще десятки молодых и не очень молодых геофизиков—мы все живем и работаем, кто временно, а кто долгие годы в Гармской обсерватории, что расположилась уютно под сенью пирамидальных тополей на берегу мутного и стремительного Сурхоба. Сурхобская долина не просто долина, а очень важная геологическая граница. Здесь на правом берегу поднимаются хребты Тянь-Шаня, а напротив, на южном берегу, я каждое утро вижу с крыльца позолоченные солнцем белые вершины хребта Петра Первого, самого северного из хребтов «Крыши мира» — Памира. Там, «в Петре», особенно много слабых и средних землетрясений (одно из средних и «предсказала» во сне Люся). Сильных, опасных пока не отмечалось. И не будет — так считает большинство сейсмологов.

— Не будет? — Валерий Кучай, геолог из Душанбе, видимо, не согласен. Во всяком случае, он как-то загадочно улыбается и приглашает меня в горы, на хребет Петра, «на небольшую геологическую экскурсию».

Геологи не согласны

И вот мы втроем лезем по узкой щели в скалах, вдоль быстрой мелкой речушки. Кучай, длинноногий, как циркуль, нисколько не задыхаясь, показывает и объясняет, объясняет и показывает. Альберт Лукк, заместитель начальника нашей экспедиции, горячо спорит с ним, поспевая следом. Я, новичок в горах, не поспеваю, отстаю и, наконец, теряю их из виду.

Сары-Камышское землетрясение 1970 года (вблизи озера Иссык-Куль) случилось во время экзаменов. Школьники писали сочинение. На этой фотографии и на снимке внизу на следующей странице видно, как первый же толчок разрушил здание школы. Отвалилась одна из стен, и через эту пробоину все выбежали во двор. Никто не пострадал.

Когда догоняю, они стоят в каком-то плоском углублении, ручей здесь резко уходит в сторону под прямым углом, и вообще в пейзаже есть что-то странное. Но только после объяснений геолога я понял, в чем эта странность. Весь склон крутой горы как бы перерублен поперек, и нижняя его часть, как ступенька, отодвинута от верхней довольно далеко. Вдали я вижу: гора будто раскололась посередине, и ее вершина провалилась, как клин в разошедшийся торец полена! Следы древнего землетрясения? Когда же это случилось?

— Примерно пять тысяч лет назад,— отвечает Кучай, а сам косится на Лукка, на лице которого глубочайшее сомнение.

Сомнение это мне понятно: если Кучай прав в своих подозрениях и эта грандиозная трещина возникла не постепенно, а разом, одним ударом, то удар этот был чудовищно сильным — 11—12 баллов. Во много раз сильнее даже Хаитского землетрясения! И это здесь, где сильных землетрясений вроде бы не должно быть...

Когда газеты сообщают, что введена в строй высотная плотина, скажем, Нурекской ГЭС, что возникло новое море в горах и получены киловатт-часы электроэнергии, то есть в этом и доля труда моих коллег-сейсмологов. Именно они, изучив записи окрестных землетрясений за десятки лет и даже древние рукописи, проведя сложные расчеты, дали «добро» на строительство дорогостоящего сооружения. Их заключения о сейсмической опасности для планируемых ГЭС — это самые настоящие и вполне достоверные прогнозы. Вот почему так важно понять, действительно ли здесь, в хребте Петра Первого, было пусть и давнее, но такое сильное землетрясение. Ведь в будущем, возможно, у подножия хребта понадобится построить новые города и ГЭС. Но хребет Петра Первого—трудный орешек...

Кто же прав?

Кто же прав? Геолог Кучай или мои коллеги-сейсмологи? Позже, за чашкой зеленого чая, сидя на «курпачи»—стеганом ватном коврике, около низенького столика, мы после долгих споров приходим к единому мнению: видимо, правы обе стороны.

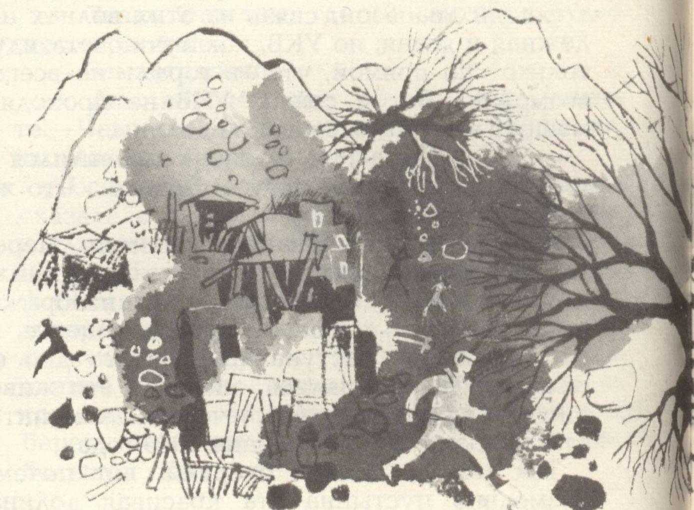
Чтобы накопить силу для такой катастрофы, хребет должен на большом протяжении долго покоиться, быть монолитным, цельным. Когда-то, наверное, так и было, и весь этот кусок хребта долго не поддавался давлению, растущему в его недрах. Чем дольше он не поддавался, тем сильнее и «громче» должен был лопнуть, раздробиться. Ну, а лопнув, он потерял цельность, превратился в «клавиши» с совсем другим сейсмическим режимом — мелкими частыми землетрясениями... Эта смена режима и примиряет геологические данные Кучая и геофизические — наши.

Мы расходимся довольные, но червячок сомнения копошится где-то на дне сознания, и, наверное, не у одного меня... Как-то странно: то монолит, то сразу клавиши, да за такое короткое время. Может ли такое быть?

Сомнения — вечная беда и вечная движущая сила всякой науки. Но в таком деле, как сейсмический прогноз, сомнений быть не должно.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

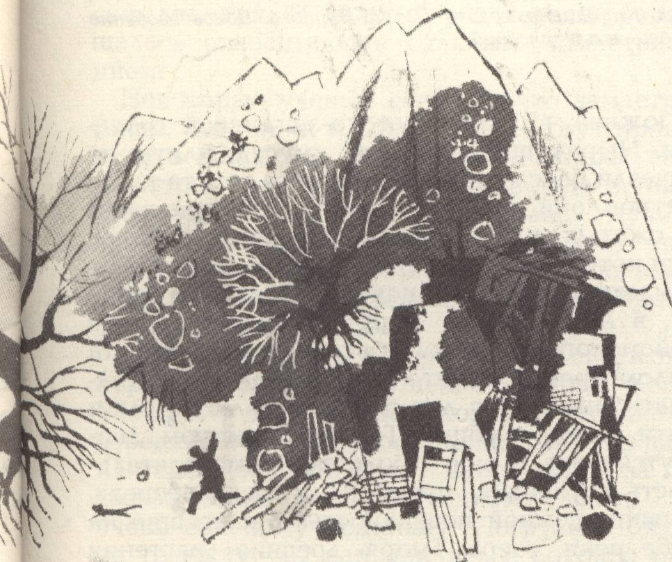
Фотографии автора, В. СЫЧЕВА, В. БОСЯКОВА.

Между Евразией и Гондваной

Казалось бы, ясно: чтобы прогнозировать, предсказывать землетрясения, нужно хотя бы знать, отчего они происходят. Отчего же?

... Декабрь. Выслушав по радио, что в Москве 20 градусов мороза, я выхожу на крыльцо, на теплое солнышко в рубашке, чтобы обдумать то, что собираюсь сейчас написать. Вот он передо мной, хребет Петра, весь уже заснеженный и сверкающий, как глыбы рафинада (внизу пока золотая осень). Хребет тянется сюда, к Сурхобу, ко мне длинными

отростками-отрогами, похожими на мускулистые лапы огромного, пока смирного, но готового к прыжку зверя. Каждый отрог разделен у конца оврагами и ущельями на отрожки поменьше. Это пальцы и когти. Когтистая лапа нависла над рекой, надвигается, это чувствуется, и это, как выяснилось недавно, действительно так. С одного берега Сурхоба на другой послал луч-иглу лазер, и луч этот, отраженный в зеркале, помог уловить слабое движение, незаметное глазу: Памир надвигается сюда, на Тянь-Шань, со скоростью два сантиметра в год. Может быть, это—случайное, местное движение и его не стоит принимать всерьез?

... Когда волна от землетрясения приходит на станцию, колеблющийся лучик сейсмографа начинает чертить на фотобумаге зигзаг—запись землетрясения, в которой опытный глаз может прочесть многое. Можно определить и то, какое именно давление испытали горные породы прежде, чем сдвинулись толчком,—вертикальное ли, горизонтальное, а если горизонтальное, то с юга на север или в другом каком направлении. Один такой случай ничего не дает, но тысячи определений, обработанные, осмысленные, дают результат, которому можно верить: статистика! Мне самому удалось вычертить график, который показывает: здесь, в горах Памира и Тянь-Шаня, недра сдавлены горизонтально и в основном по долготе. Неведомая сила давит с юга на Среднюю Азию. И, как торосы на кромках столкнувшихся льдин, растут здесь хребты, протянувшиеся как раз с запада на восток, по широте!

Об этой неведомой силе я уже рассказывал читателям «Пионера». Мы резали старую карту и двигали материки, как хотели. А оказалось, на нашей планете материки плывут взаправду. Сотню миллионов лет назад Индийский субконтинент был далеко на юге, почти у полюса, в составе древнего праконтинента Гондваны. Потом он поплыл на север, оставляя за собой «полынью» —новый Индийский океан,—закрывая собой спереди старый исчезающий океан Тетис. Тетис скоро совсем исчез: когда Индия подошла к Азии и столкнулась с ней. Но Индия продолжала и продолжает давить на Азию и дальше, а потому растут на кромке столкнувшихся плит высочайшие в мире горы — Гималаи и Памир.

Линией, фронтом такого столкновения геологи и геофизики сейчас считают, в частности, долину Сурхоба. Мы живем между Гондваной и Евразией: южный, наступающий памирский берег с красными отложениями древнего океана Тетис непрерывно сыплется, обрушивается в Сурхоб, отчего быть Сурхобу вечно красным (Сурхоб по-таджикски— красная вода). Два сантиметра в год — скорость этого наступления, и эту цифру легко пересчитать на триста километров за послед-

ние пятнадцать миллионов лет. Запомни, читатель, это число, оно нам пригодится: ведь примерно пятнадцать миллионов лет назад и началось столкновение континентов и рост Памира...

«Эскалатор» уходит вниз

Куда деваются эти километры земной коры? Частью, как уже говорилось, смываются реками, частью идут на образование гармошки горных хребтов. Но это верхняя часть столкнувшихся плит. Одна из них обязательно уходит под другую, как лента эскалатора уходит под пол метро! Там, «под полом», эта нырнувшая часть плиты простукивается геофизическими методами.

Сейсмологи нашей экспедиции и таджикские геофизики «выстукали» уходящую под Советский Таджикистан ленту индийской плиты!

Представьте себе, что лента эскалатора разорвалась вдоль и продолжает двигаться одной своей половиной, как ей и положено, под пол метро, а другой, коробясь и топорщась, наползает на него. В метро такой случай был бы тяжелой аварией, но природные «эскалаторы» выключить некому. Такое взаимное наползание происходит в нашем районе

Во время сильных толчков земля иногда «раскрывается», образуются трещины. Один из участников экспедиции таким вот образом решил показать ширину трещины.

Пик Каудаль в хребте Петра Первого. Здесь особенно много землетрясений.

и южнее, вблизи советско-афганской границы. Нырнувшие одна под другую плиты не исчезли бесследно, до глубины в триста километров они «потрескивают», протискиваясь в сжатых чудовищным давлением недрах. Эти потрескивания—глубинные, подкорковые землетрясения — происходят недалеко отсюда, в Афганистане, и привлекают внимание сейсмологов и геологов всего мира. А триста километров, помните это число? За пятнадцать миллионов лет плиты и должны были уйти на эту глубину. Там, под Памиром, движутся вниз и еще сохраняют самостоятельность ступеньки природных «эскалаторов», бывшие земной поверхностью и несшие на себе реки, озера, моря, древние растения и животных...

Соленый хребет

Я иду по соленой тропе. Соль блестит кристаллами на гладкой поверхности валунов, выступает корочками в трещинах старых камней. Кое-где попадаются красивые розовые полосатые камни — мягкие, они рассыпаются от нажатия пальцами. Это тоже соль, не поваренная, столовая, а какая-то горькая, невкусная. Но не нравится она, видимо, только мне. Дорогу то и дело пересекает кабаний след — к водопою. Ущелье Руноу в этом месте все поросло зеленью, над соленой бурлящей рекой высятся стройные деревья арчи, памирского можжевельника с хвоей, напоминающей запахом весну, завязи помидоров. Но сейчас осень, и над соленым болотцем начинают желтеть и осыпаться с верху-

шек коричнево-бархатные камышины-рогозины.

Почему насквозь просолен хребет Петра Первого, неясно. Может быть, в этих навороченных до неба, окаменевших осадках сохранились соли исчезнувшего океана? А возможно другое: многочисленные трещины и разломы выводят горькие для меня и вкусные для зеленого мира соли из глубин Земли...

Лет семь назад вон там, наверху, близ кишлака Газор-Чашма, сейсмологи заметили, что перед сильным землетрясением недра соленого хребта начинают лучше проводить электричество. Делалось все так. Через пару электродов в землю строго упорядоченными импульсами загонялся ток от небольшой дизельной динамо-машины. Приборы в точках, удаленных на несколько километров, вылавливали из земли доходящие до них импульсы и замеряли их силу. Так определялось электрическое сопротивление толщи горных пород. Иногда оно упорно падало: месяц, два, три. И каждый раз падение завершалось относительно сильным землетрясением.

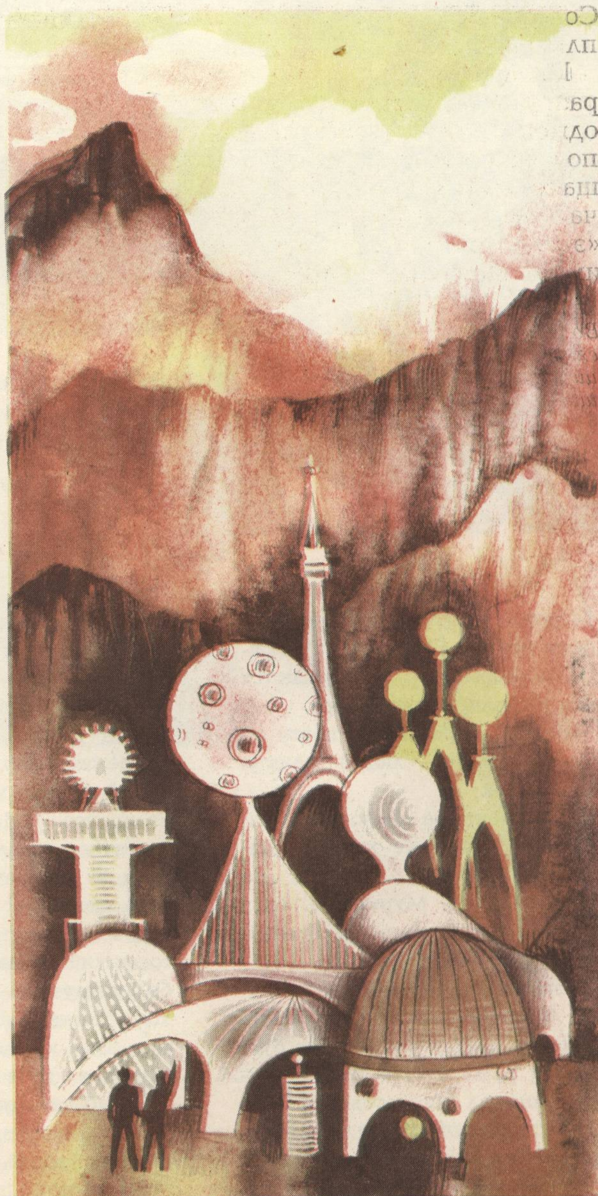
Некоторые ученые считают, что землетрясения, подвижки горных пород, могут происходить лишь там, где в земных недрах есть для этого необходимая смазка в виде глубинных вод и водных растворов солей. Улучшается смазка — становится возможным толчок, а попутно падает электросопротивление недр: ведь солоноватая вода хорошо проводит электрический ток.

...Вечером, когда я вернулся из своей экскурсии в верховья ущелья Руноу, Костя Троицкий, временный хозяин небольшой передвижной сейсмостанции, работающей на берегу соленой реки, засобирался за питьевой водой к единственному здесь не очень соленому родничку. Погрузив бидон на тележку, мы направились в боковой распадок и, пока наполнялся огромный бидон, решили сходить на место недавнего грандиозного эксперимента.

Мы бродили среди огромных серебристых установок, похожих на корабли марсиан, и вспоминали: еще месяц назад здесь все было полно движения. Эксперимент готовился долгие годы и был результатом огромного труда не только сейсмологов, но и советских физиков, инженеров, рабочих. Раньше электроисследования соленого хребта были ограничены малой мощностью дизельных динамомашин. А загонять в землю ток от обычной сети неэкономично да и трудно. И возникла мысль: для необычного дела использовать необычный источник тока.

Магнитодинамический (МГД) генератор позволяет получать электрические импульсы большой мощности из раскаленных газов, минуя механическую работу шестерен, приводов, вращательного движения. Целая река энергии влилась здесь год назад из мощного МГД генератора в недра соленого хребта. Приемные станции за десятки километров уверенно зарегистрировали прием сигнала. Новый метод поможет теперь получать регулярные «электрокардиограммы», свидетельствующие о «самочувствии» хребта.

Когда мы вернулись к бидону, он еще не был полон. Мы постояли, глядя как он наполняется, попили прохладной, но — увы — солоноватой воды. Поговорили и об этом эксперименте и о других работах, направленных все к тому же результату — решению проблемы сейсмического прогноза. Всего здесь не перескажешь. Работы много, и она выполняется силами ученых разных стран, может, медленнее, чем хотелось бы. И все же теперь, когда знакомые спрашивают меня, будут ли сейсмологи предсказывать землетрясения, я отвечаю уверенно: будут.

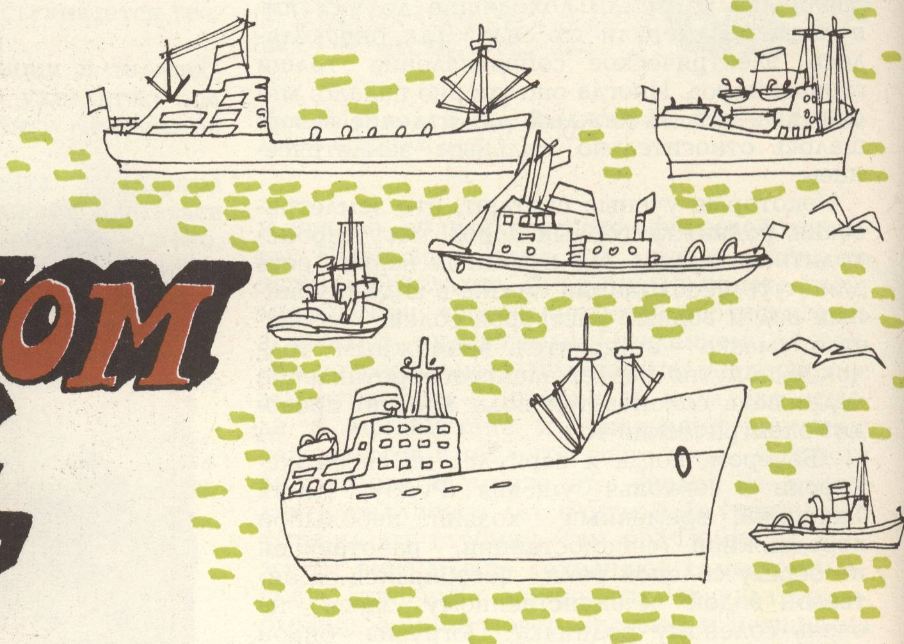

Эти ребята недавно окончили Одесское высшее морское училище и сейчас работают в Ильичевском порту.

МОЯ РОДИНА — СССР

Есть на Черном море порт

Морской порт — это морские ворота страны. Сюда, в порт, приходят корабли, разгружаются здесь и снова уходят в море.

Принять корабль в порту не просто. Тысячи людей заняты этим делом.

Еще и мачт не видно за горизонтом, а порт уже ждет. Капитан корабля давно сообщил по радио: «Иду из Мурманска. Груз двадцать тысяч тонн удобрений. Прибуду в полдень».

И закипела работа в порту. Нужно буксиры выслать. Корабль большой. Такому в порту без буксиров и развернуться трудно. Нужно причал подготовить, где встать пришельцу. Нужно площадку расчистить под груз и о брезентах подумать: вдруг дождь пойдет. А главное, краны. Пригнать их, проверить, расставить по местам, чтобы, как придет корабль, сразу, ни минуты не теряя, начать разгрузку.

Прежде мало портов было в нашей стране, мало причалов, мало кранов... И флот был не тот, что теперь: маленькие пароходы, да и те наперечет. А теперь на всех океанских дорогах высоко над волнами трепещет красный советский флаг. Быстроходные, большегрузные советские теплоходы ловят рыбу в далеких морях, бьют китов в Антарктике, везут грузы за море и из-за моря...

Обработать все корабли — разгрузить, погрузить, снабдить топливом, водой, продовольствием не успевают старые порты. Вот поэтому один за другим открываются новые «ворота» на морских берегах нашей Родины.

Есть на Черном море прекрасный порт Одесса. Большой, удобный порт в большом, красивом городе. Но, как ни велик Одесский порт, стало в нем тесно. И тогда в пустынном лимане, рядом с Одесским, построили новый порт Ильичевск. Углубили дно в лимане, поставили ходовые знаки, маяки, построили первые причалы, склады, проложили пути. Новый курс лег на штурманских картах, новый адрес появился в судовых документах: порт Ильичевск.

Сотни кораблей ежегодно приходят теперь в Ильичевск. Горы грузов обрабатывают в новом порту. Уже и Одессу обогнал Иль-

Так выглядит сегодня Ильичевский порт.

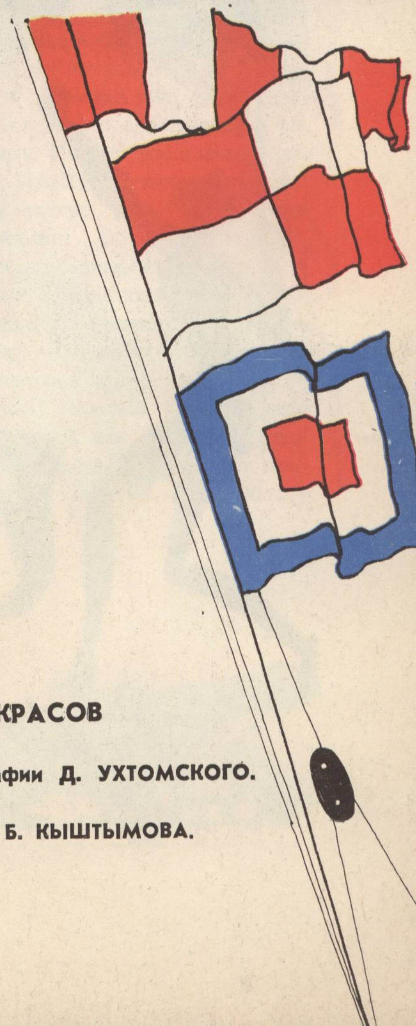
Капитан теплохода Владимир Иванович Батич.

ичевск по грузообороту, а порт все растет. На весь мир прославился Ильичевск своими рекордами, но главный рекорд поставили ильичевские докеры, грузчики, как прежде их у нас называли.

В лучших бригадах Ильичевского порта каждый докер может заменить другого. В трюме нужно работать — идет в трюм. На кране — поднимается на кран, на лебедке — за лебедку встает. На автопогрузчик — и тут справится. Не просто это: все знать и все уметь, но зато так получилось, что там, где прежде четыре бригады стояли на обработке корабля, справляется одна бригада, да и та скорее, чем четыре, обрабатывает судно.

Растет Ильичевск. Лес кранов растет над лиманом. Паутина железнодорожных путей изрезала пустынный прежде берег. Вырос целый город новых жилых домов. Новые корабли под командой молодых капитанов каждый день заходят в новые ворота советской земли, а молодые ребята, будущие капитаны, каждое лето уходят из Ильичевска в далекие моря на практику, чтобы вернуться в родной порт настоящими, обветренными ветрами всех морей-океанов моряками.

А. НЕКРАСОВ

Фотографии Д. УХТОМСКОГО.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Владимир ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

События в Португалии привлекают внимание всего мира.

Почти пятьдесят лет хозяйничали там фашисты. Тюрьмами и концлагерями покрыли страну. Чуть не половина португальцев состояла на подозрении фашистской охранки ПИДЕ, на них были заведены дела, в которые записывались каждый неосторожный шаг, каждое случайное слово. Компартия действовала в глубоком подполье.

До самого последнего времени Португалия оставалась одной из немногих держав, все еще удерживающих колонии в Африке. Преемник диктатора Салазара — Каэтану развязал жестокие войны в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау.

И вот 25 апреля нынешнего года армия и народ восстали и свергли насквозь прогнивший фашистский режим. Образовано временное правительство, в которое вошли представители всех партий, в том числе коммунисты. Премьер-министр Каэтану, который был фактически диктатором, и президент Португалии Томаш вышвырнуты из страны, ПИДЕ ликвидирована, многие ее агенты арестованы.

Революционный переворот в Португалии — победа всех демократических сил, в том числе и народов Мозамбика, Анголы, Гвинеи-Бисау. Им открылась дорога к самоопределению.

Весной нынешнего года на фронтах борьбы за независимость в Гвинее-Бисау побывал наш корреспондент, Герой Советского Союза ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПАВЛОВ. Он рассказывает о борьбе против колонизаторов, о борьбе за свободу.

ЭТА КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ

Я еду на войну... Командировка необычная, и потому я готовлюсь в дорогу с особым тщанием.

Самое главное — мое боевое журналистское оружие: две записные книжки в целлофановых чехлах (чтоб не намокли), два фотоаппарата, две шариковые ручки с долгопишущими элементами, толстая тетрадь и запас фотопленки. Затем походное снаряжение: фляга, термос, фонарь, ложка, кружка, вилка, нож. И, наконец, запасное белье, одежда, кеды — это, по свидетельству бывалых людей, лучшая обувь для путешествия по Африке.

Едем мы в Африку, на крайний ее запад, в Республику Гвинея-Бисау...

Пятьсот с лишним лет назад португальские мореплаватели, которые уже не один год по-пиратски рыскали у берегов Западной Африки, присматривая, что и где плохо лежит, вторглись в эту страну. Коренные жители — племена балланте, фулабе, мандинго, папел, манджаку и другие, поменьше, храбро и решительно бились с захватчиками.

Но много ли сделаешь луком да копьем против пушек и мушкетов, изрыгающих огонь? Посланцы португальского короля оказались сильнее. К тому же имели опыт: не раз прибирали к рукам чужое добро. Они нещадно жгли табанки, уничтожали посевы, охотились на людей. Те, кто уходил от пули, попали в рабство.

Постепенно захватчики «освоили» страну — проложили в тропическом лесу и в саванне, что начинается подальше от побережья, грунтовые дороги, построили укрепленные форты. А на больших, многоводных реках Жеба, Корубал, Кашеа, Мансоа соорудили гавани, чтобы вывозить добычу.

Гавани, да укрепленные — не подступишься! — форты, да ухабистые военные дороги, неведомые болезни, рабский труд, голод и горе — вот что принесли в эту страну колонизаторы.

В 1959 году основатель Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Амилкар Кабрал призвал народ к борьбе. Четыре года партия вела подготовку. И вот, в 1963 году над саванной, в восточной части страны, прокатился орудийный гром. Народно-освободительная армия Гвинеи-Бисау провела первую боевую операцию — захватила хорошо укрепленный форт Мадина Бое.

Со времени этой первой победы прошло одиннадцать лет. Весь мир следил за мужественной борьбой маленького героического народа. Многие страны помогали ему. В первую очередь — социалистические, и, конечно же, наша Родина. Народно-освободительная армия выбила захватчиков из многих фортов и освободила более половины территории страны. 24 сентября прошлого года было официально провозглашено новое африканское государство — Республика Гвинея-Бисау.

Более восьмидесяти стран признали эту новую африканскую республику. Партия восставшего народа — ПАИГК получила признание и статус наблюдателя при Организации Объединенных Наций. Как башня, из-под которой вырвали фундамент, рухнул в Португалии фашистский режим Каэтану — главного поборника колониальной войны.

Против молодой Республики Гвинея-Бисау, как и против нового правительства Португалии, пришедшего к власти в результате

свержения режима Каэтану, фашистские недобитки плетут заговоры. Им помогает реакционная военщина НАТО (Североатлантического пакта), расисты из Южно-Африканской Республики...

Гром за рекой

Когда-то, чтобы доплыть от Европы до берегов Гвинеи, парусному судну требовалось несколько месяцев. Сейчас реактивный лайнер, который покрывает за час восемьсот пятьдесят километров, летит чуть более десяти часов.

Утро, в которое наш красавец ИЛ-62 покинул аэропорт Шереметьево, выдалось холодным — минус двадцать. А в главном городе Гвинейской Республики — Конакри мы окунулись в жаркий, как в печке, воздух: тридцать пять при полном безветрии и стопроцентной влажности...

Из Конакри наш путь лежал на север, к реке Когон, за которой начинается Республика Гвинея-Бисау... Кажется, для Африки природа употребила лишь две краски: зеленую и красную. Дорога здесь красная, будто ее посыпали корабельным суриком. Красная тяжелая мгла застилает воздух. Яркая зелень придорожных кустов и деревьев густо припудрена красной пылью. Похожие на развалины средневековых замков высокие башни термитников тоже построены из красного материала... Лишь жилища африканских зонтичных муравьев — невысокие грибы на толстых ножках, увенчанных одной, двумя и даже тремя шляпками,— черные, не подходят под общий фон.

Постепенно саванна и редколесье сменяются густым тропическим лесом. Дорогу тесно обступают — не разъедешься! — пальмы, древовидные папоротники и огромные деревья, опутанные сплошными сетями лиан. Неба не видать, в лесу царит полумрак.

Стая обезьян перемахнулась через дорогу и исчезла в чаще. То и дело на обочине мелькали серые шубки пальмовых белок, вспугнутых шумом мотора... Забегая вперед, скажу: тропический лес плотно населен самой разнообразной живностью. Особенно ночью: едешь дорогой и видишь, как в лучах фар то и дело появляются и сломя головы удирают, не решаясь свернуть в сторону из освещенной полосы, черные мангусты, какие-то бескрылые и бесхвостые птицы, грызуны и лесные козы.

Однажды мне пришлось побывать на заставе, выставленной командованием Народно-освободительной армии у одной из дорог в прифронтовой полосе на случай высадки португальского десанта. Бойцы лежали тихо, вслушиваясь и вглядываясь в ночную мглу. В небе стояла полная луна. Длинные тени пальм исчертили обочины. Середина же дороги, покрытая пылью, в лунном свете казалась припорошенной серебром. Лес был наполнен звуками — бодрствующие по ночам его обитатели кричали, стонали, блеяли, визжали и скрежетали на разные голоса.

Неожиданно в однообразном шуме послышался новый, посторонний звук; кто-то тяжко затрещал в лесных дебрях, сердито фыркнул. Из зарослей по ту сторону дороги высунулась морда с круто закрученными вверх клыками. Блеснули маленькие злые глазки, шевельнулся пятачок, шумно втянул воздух... Кабан!..

Кто-то из бойцов усмехнулся:

— И ты воевать?

Перед выходом на боевое задание надо тщательно проверить оружие и снаряжение: на войне нет мелочей.

В это время гулкое эхо разнесло по лесу грохот — ударила артиллерия... Секач коротко всхрапнул и исчез. Мы слышали, как уводил он прочь свое стадо: затихая, трещали кусты и тревожно верещали поросята... В этом суровом военном лесу я невольно возвращался мыслью к пережитому в годы Великой Отечественной войны. Мне вспомнилось, как в сорок втором, в Брянских лесах, неподалеку от города Новозыбкова, я с товарищами по партизанскому отряду вот так же был однажды в секрете. В то утро, как донесли подпольщики, враг намеревался двинуть в лес каратель-

Партизанской тропой.

ную экспедицию. Мы установили пулеметы, окопались, заминировали лесную дорогу, на которой вот-вот должны появиться гитлеровцы, и стали ждать.

Вдруг чье-то крупное серое тело мелькнуло в глубине леса.

— Гляди, волчица! — шепнул мне в ухо наш проводник, лесник Трофим Панков, который лежал рядом.— Видишь, щенков перетаскивает?..

В зубах у волчицы, обвиснув лапками, действительно шевелился волчонок.

— Знать, чует: быть здесь бою,— продолжал Панков.— Животина, а тоже мать. Понимает, что дитят спасать требуется!

«Даже зверю, и то на войне тяжко!» — подумал я, прислушиваясь к затихающему треску. Что же говорить о людях?»

Однако я отвлекся... Итак, мы миновали последнюю пограничную табанку — несколько круглых мазанок под островерхими травяными кровлями, которым, как говорят, не страшен никакой дождь (мы путешествовали во время сухого сезона и, естественно, не смогли проверить). Вот и переправа. На берегах страшные следы бомбежки: глубокие воронки, срезанные и опаленные огнем стволы пальм, кое-где на прибрежном песке поблескивают рваными краями осколки. Чуть ниже по течению разбитый паром... Тем не менее переправа работает бесперебойно: новый паром принимает наш вездеход и, деловито постукивая моторной лебедкой, доставляет на ту сторону.

Красная полоса дороги ведет в глубь правобережного леса. По хорошо наезженным колеям, по множеству тропок, ответвляющихся в стороны, по тому, наконец, что навстречу то и дело попадаются люди — военные и штатские, догадываюсь, что мы у цели — базового лагеря Южного фронта.

И верно, сворачиваем в сторону и останавливаемся на небольшой, прикрытой кронами могучих мангатасов, полянке. А под мангатасами, под такими же травяными кровлями, как в табанках, легкие навесы и шалаши со стенами, сколоченными из снарядных ящиков. Это и есть лагерь...

В те дни, когда мы были в Республике Гвинея-Бисау, Народно-освободительная армия вела борьбу с врагом, кроме Южного, еще на двух фронтах — Восточном и

Папа приехал с фронта.

Урок как урок...

Парты в лесу

А теперь я расскажу о школе-интернате имени Аурелино Лопеса да Круса, в которую мы поехали на другой день после завтрака.

Но сначала, кто такой Аурелино Лопес да Крус и почему школе присвоили его имя.

Однажды глухой, безлунной ночью, неподалеку от того места, где располагалась в это время

школа, португальцы высадили с вертолетов десант. Командование португальской колониальной армии уж давно точило зубы на школу. Для колонизаторов образование местных жителей страшней пушек. Вот они и решили уничтожить школу и отбить у «туземцев» охоту учить своих детей.

Верно, вражеское десантное подразделение вел какой-то предатель, хорошо знающий местность: солдаты подошли почти вплотную к палаткам, в которых спали ученики и преподаватели...

Представь себе черную — ни зги! — ночь в тропическом лесу, скрип, скрежет, крики ночных птиц и зверей, жестяной шум пальмовой листвы под ветром. В этом шуме не так-то легко услышать осторожные шаги врагов!

И все-таки португальцам не удалось захватить школу врасплох. Часовой у палаток заметил подозрительные тени, мелькнувшие в сетке лиан, окликнул, дал очередь...

Ночь расколол грохот разрывов, раскаты очередей, бешеные команды... Хорошо еще, что преподаватели, воспитатели, ученики старших классов были вооружены. И все-таки положение создалось критическое... Кто-то крикнул: «Надо отходить!»

Западном. Впрочем, сплошных линий фронта нет: борьба шла вокруг укрепленных португальских фортов. Под непрерывным артиллерийским и минометным огнем гарнизоны вражеских фортов покидали свои доты и дзоты, сдавались в плен либо, побросав тяжелое оружие и боевую технику, пытались пробиться к своим, в другие форты... Солдаты Народно-освободительной армии разгромили многие португальские укрепления. Лесные дороги находились в руках патриотов. В глубь страны на советских грузовиках шел непрерывный поток грузов — оружие, боеприпасы, снаряжение, продовольствие; все это еще недавно приходилось доставлять на руках к месту боев...

Колонизаторы пытались сдержать натиск патриотов, перехватить дороги, приостановить поток военных грузов. Время от времени колониальное командование высаживало воздушные десанты с тяжелых бронированных вертолетов. Но редко кому из этих десантов удавалось подобру-поздорову вернуться к своим.

Путь в глубь страны, к местам боев, начинался во фронтовом лагере...

В лагере я с первого же шага чувствую себя, как дома: уж очень все здесь напоминает наши партизанские стоянки времен Великой Отечественной. Землянок, правда, нет: зачем они, если температура даже ночью не опускается ниже двадцати пяти. Но нам, партизанам, не раз приходилось живать и в шалашах — таких же, только покрытых еловой корой. А костры не отличишь. В бачках и в ведрах побулькивает нехитрое, как и у нас, варево. Только варят не ржаную затируху и не картошку, а рис...

И точно так же, как в наших партизанских лагерях, свободные от караулов и заданий бойцы и командиры собираются вечерами покурить, повспоминать, спеть песню...

Нам отвели просторный шалаш по соседству с большим термитником, возле которого была отрыта узкая щель, заменяющая здесь бомбоубежище. Каждому определили по топчану. Выдали чистые простыни (подушками тут не пользуются). Снабдили электрическими фонарями в непроницаемых резиновых футлярах.

Предупредили: босиком на землю не ступать во избежание жиганов — особого вида африканских клещей-кровососов. Наконец, выдали нам защитные куртки вместо наших штатских московских рубах. И мы стали полноправными жителями лагеря.

Но директор школы Аурелино Лопес не растерялся, собрал людей, погасил властным голосом вспыхнувшую было панику, заставил всех залечь, открыть ответный огонь...

Долгий час гремел и стонал от выстрелов лес. Потом подошли подразделения Народно-освободительной армии, ударили, погнали врага... С трудом добравшись до уцелевших вертолетов, побросав снаряжение, убитых и раненых, португальские солдаты убрались восвояси... Но Аурелино да Крус всего этого не видел: он лежал, сраженный вражьей пулей, под высокими пальмами, задумчиво пошевеливавшими в вышине своими зелеными опахалами...

С тех пор интернат всегда располагается неподалеку от воинских частей Народно-освободительной армии и часто меняет место, чтоб не засекла вражеская разведка. В расположении школы царит воинский порядок. Четкие ряды палаток, у которых под охраной дневальных поблескивают в пирамидах хорошо смазанные автоматы. Развернут медпункт — здесь постоянно дежурит медсестра. Соблюдается тщательная маскировка. Под пальмами наготове окопчики, чтоб в случае надобности занять оборону или укрыться, если налетят вражеские самолеты.

Щели, оружие да еще, пожалуй, военная форма, в которой ходят преподаватели,— все это напоминает о том, что пионеры и их наставники живут на войне.

Во всем остальном интернат имени Аурелино да Круса — школа как школа. Только стен нет. Зато есть классы, есть парты и скамейки, сделанные из толстого бамбука, есть доски, обтянутые чехлами из черной клеенки. Есть столовая. Есть кабинет директора под легким навесом. Есть даже спортзал...

Мы познакомились с ребятами — нас засыпали вопросами о нашей стране, о наших пионерах, о том, какие у нас растут деревья и какой бывает снег...

Мы тоже расспрашивали учеников и преподавателей, чему учат в этой лесной школе. Оказывается, как и у нас, родному языку, арифметике, естествознанию. В старших классах изучают основы марксизма - ленинизма, историю борьбы народа Гвинеи-Бисау за свою независимость.

В младших — богатейший фольклор: народные сказания, легенды и сказки здешних племен.

И, конечно же, у всех идут занятия по военной подготовке, без которой здесь не сделаешь и шагу, по физкультуре и труду...

Потом нам показали школьную самодеятельность — целый оркестр, играющий на барабанах веселые и грустные африканские песни (их мастерски поет пионерский хор), зажигательный танец сико и пляски племени биафаду в исполнении балетной труппы...

Я смотрел на веселый праздник и вспоминал моих товарищей партизан: здесь об этом нельзя не вспоминать. Вспоминал самых младших из них, наших пионеров Васю Коробко, Мишу Глазка, Володю Казначеева. Их детство тоже прошло на войне. И каждый из них отдал победе бесценный вклад. Вася Коробко сложил в бою свою кудрявую голову и навсегда остался в партизанских лесах. Володя потерял мать: ее расстреляли гитлеровцы за то, что она была подпольщицей. У Миши в неравной схватке с врагом погиб брат — лейтенант Иван Глазок, командир партизанского отряда...

Да, тяжело жить на войне. Всем — и воинам и мирным жителям... И детям.... Тяжелые испытания выпали и на долю этих вот маленьких африканцев.

По окончании курса наук им предстоит продолжить свободолюбивые традиции своих народов, предстоит налаживать новую жизнь.

И радостно думать, что они уже сегодня истинные хозяева своей страны, свободные люди на свободной земле. Это — главное...

Пятнадцатилетний солдат Марио Кабрал.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Фотографии автора.

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

РАССКАЗ

Я — РЫЖАЯ

«Этслучнащдетсаду...». Ой, надо отдышаться, потому что когда я волнуюсь, то глотаю окончания слов. И тогда никто ничего не понимает.

Вот и теперь вместо «Это случилось в нашем детском саду» у меня вышла какая-то тарабарщина.

Лучше всех в таких случаях поступает мама. Она, чтобы остановить меня, говорит: «Ну, полетела!» А потом руками помашет, как птица крыльями, и улыбнется. Я тоже начинаю смеяться и на нее не обижаюсь.

Еще я никогда не обижаюсь на Владика. Он моя гордость, мой старший брат.

А на остальных обижаюсь. Не люблю, когда мне делают замечания. И даже на папу обижаюсь, потому что в нашей семье он и я вспыльчивые. Он мне скажет: «Катька, говори медленнее!» А я ему: «А ты слушай внимательнее!»

После этого мы разбегаемся в разные стороны, но ненадолго. Мне все-таки охота досказать свою историю, а ему дослушать.

Ну так вот, сейчас я наберусь терпения и все расскажу по порядку. А вы мотайте на ус.

Между прочим, полезная история.

Владик, мой старший брат, все мои истории делит на полезные и бесполезные, но не всегда бывает в этом прав. Он уже совсем взрослый, ему стукнуло тринадцать, и поэтому полезные истории он иногда называет бесполезными.

Недавно я ему рассказала анекдот. Вот послушайте.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Шел по улице мальчик... и захотелось ему в уборную. Он подбежал к милиционеру и спросил: «А где здесь уборная для мальчиков?» А милиционер был заикой. «С..с...с... на...ча... л...л...а пой-дешь... нап...п...п...п...» «Спасибо, уже не надо», — сказал мальчик.

Тут я захохотала. А Владик спросил:

— Ты чего?

А я в ответ простонала из последних сил:

— Как же ты не понимаешь: «Уже не надо...»?

У меня даже в животе начались колики от смеха. А потом напала икота. Я сползла с дивана и стала кататься по полу. И меня, чтобы успокоить, отпаивали горячим молоком с медом. Но только в дверях появлялся Владик, я снова закатывалась, как сумасшедшая.

— Дура ты, — сказал Владик, — смеешься над ерундой. Какая-то бесполезная история.

После его слов я хотела сдержаться, но не смогла и фыркнула молоком на стол.

А мама возмутилась, что я хулиганю, хотя я и не думала хулиганить, и дала мне подзатыльник.

Тут я сразу успокоилась.

Ну так вот. Это случилось в нашем детском саду.

Не-обы-кно-вен-ная ис-то-рия! К нам пришел новенький.

Он был рыжий! Но какой! Я лично таких рыжих в своей жизни ни разу не встречала. Какой-то огненный шар из рыжих волос: они закрывали ему лоб, падали на глаза, завивались около ушей и стояли густым заборчиком на затылке.

Когда я увидела его, то просто онемела.

— Рыжий, — с трудом выдавила я и попросила: — Можно я тебя потрогаю?

— Потрогай, — согласился новенький.

Я протянула руку к его волосам, но кто-то из ребят крикнул: «Осторожно, горячо!»

Я отдернула руку. Потом, конечно, потрогала его волосы: они были, как все другие, как мои. А я правда думала, что они горячие.

В тот день дома я еле дождалась ужина, чтобы рассказать про новенького сразу всем. Несколько раз я чуть не проговорилась маме, пока она готовила ужин. Но каждый раз вовремя закрывала рот рукой и выскакивала из кухни.

И вот мы сели за стол, и я сразу заговорила. А то если взрослые начнут говорить, все пропало. Их ведь нельзя перебивать.

— А у нас в детском саду новенький, — выпалила я. — Он рыжий!

Никто из наших не удивился, а папа спросил:

— Ну и что?

— Он рыжий!.. Рыжий!

— Катя, не вскакивай каждую минуту и не делай круглых глаз! — успел вставить папа.

— Он знавсебукиумесочсказ, — протараторила я.

— Ну полетела! — сказала мама.

— Ничего не полетела, — сказала я и медленно произнесла: — Рыжий знает все буквы... Он придумал историю про Мальчика-великана. По телеку такую не увидишь. Он уже был в Индии и катался там на слонах.

А в это время в комнату ворвался Владик и услышал только последнюю фразу про Индию.

— Кто был в Индии? — спросил Владик.

— Новенький из Катиного сада, — сказала мама.

— Да нет! — возмутилась я. — Это Мальчик-великан был в Индии. Он высокий, как взрослый. Он боксер и умеет играть на гитаре и петь.

— А как зовут этого знаменитого рыжего мальчика? — спросил папа.

— Не знаю, — ответила я.

— Но у него же есть имя, — не отставал папа. — Не может быть мальчика без имени!

— Неужели ты не понял? — удивилась я. — Он же просто... Рыжий!

И вдруг папа как вспылил, как стукнул кулаком по столу так, что чашки подпрыгнули, как крикнул:

— Дразнить рыжего рыжим — это низко и подло! Это все равно, что обругать негра черным!

Тут я в ответ тоже вспылила:

— Никто никого не дразнит! Просто он рыжий — и все! А если я самая младшая в семье, то это не значит, что меня можно не слушать.

После этого я выскочила из комнаты и убежала на кухню.

Вскоре за мной пришел папа и тихо объявил, что все-таки я не права. А я ответила, что права. Хотя сразу вспомнила, что новенький вздрогнул и втянул голову в плечи, когда я его назвала рыжим. Но папе я об этом не сказала, потому что я к тому же еще и упрямая. Это мой большой недостаток.

— Ну, ладно, — сказал папа, еле сдерживаясь, чтобы опять не вспылить. — Поживем — увидим, кто прав.

Ночью мне приснился сон... Мы пришли с Мальчиком-великаном на корабль и говорим: «Нам надо в Индию». А капитан спросил у Мальчика: «Сколько же тебе лет?.. Десять или четырнадцать?..» А Мальчик-великан в ответ: «Ха-ха-ха, мне уже стукнуло восемнадцать... Позовите сюда самого сильного матроса, и я вам покажу». Пришел матрос. Здоровенный. Руки волосатые. А Мальчик-великан — раз! Он и упал на палубу, как подрезанный. После этого нас сразу взяли в команду, и мы доплыли до Индии. А там Мальчик-великан переодел меня во все индийское, поднял одной рукой и посадил слону на спину.

На следующий день я узнала, что новенького зовут Мишкой, подошла к нему и сказала:

— Мишка, а мне твой Мальчик-великан приснился. Мы с ним на слонах катались.

Ему понравилось, только он не удивился.

Зато нас он каждый день удивлял своим Мальчиком-великаном. Он был у него и водолазом, и автогонщиком, и милиционером, который ловил самых страшных бандитов.

А потом в детский сад вернулся после болезни Димка. Он был среди нас самый смелый и самый старший, ему уже было шесть лет и десять месяцев. Мы его все любили и все делали, как он хотел.

Один раз, когда мы бегали наперегонки, он упал и выбил себе зуб. И даже не заплакал. Он гордо выплюнул этот выбитый зуб и побежал дальше. Это всех нас потрясло. Мы сбежались и встали над Димкиным зубом.

Зуб лежал в песке и светился на солнце! Я попросила у Димки:

— Димка, можно я возьму твой зуб на память?

И он мне разрешил.

Еще он умел хватать кошек за хвост, храбро дул в нос собакам, а это, как известно, опасное занятие.

А тут он вернулся, и мы все бросились к нему навстречу. И Мишка тоже.

— Это кто такой? — Димка ткнул пальцем в Мишку.

— Новенький, — сказала я.

— Ну и рыжий! — сказал Димка и толкнул Мишку.

Тот вздрогнул и втянул голову в плечи.

Мне это вдруг сильно не понравилось.

— А ты не толкайся, — сказала я. — А то я толкну, костей не соберешь.

Димка захохотал.

А я выбила языком свой передний зуб и выплюнула его Димке к ногам, чтобы он не выставлял себя героем. У нас теперь у всех качались зубы, и мы умели плеваться ими не хуже Димки.

После этого я повернулась к Мишке и сказала:

— Пошли, ты нам доскажешь, как Мальчик-великан путешествовал по Африке.

— Пошли, — согласился Мишка.

И мы все убежали, а Димка остался один.

Я видела, как Димка долго шлялся по двору, пока не заметил за забором собаку. Он отодвинул доску в заборе и втащил собаку. Потом я увлеклась рассказом Мишки и не заметила, как Димка подкрался к нам и бросил эту собаку прямо на спину Мишке.

Собака завизжала. Мишка от неожиданности испуганно вскочил. Собака увидела, что он ее боится, и залаяла. Мишка совсем перепугался и как побежит! А собака за ним и все старалась схватить его за пятки.

Димка крикнул ему вслед:

— Ату его, ату рыжих! — и бросился вдогонку.

И все побежали следом. И смеялись. И кричали.

Когда другие убегают от какой-то маленькой собаки, всегда смешно.

Мишка добежал до забора и влез на него. А собака прыгала внизу и победно лаяла.

— Ты что, боишься собак? — спросил Димка.

— Боюсь, — сознался Мишка.

Все, конечно, захохотали еще больше. И я тоже. Ведь эта собачонка известна у нас каждому. Она, можно сказать, была наша. Мы ее сами кормили.

— Слезай, рыжий, — сказал Димка. — Не бойся. — Он поднял собаку и подул ей в нос.

Мишка слез.

С этого дня Мишка потерял свою славу. Его опять звали просто рыжий, и, самое главное, он отзывался на эту кличку.

И мы перестали слушать его рассказы про Мальчика-великана.

У меня лично пропал к этому всякий интерес. Что слушать сказочки про храбреца, когда сам Мишка — последний трус.

Мишка стал у нас носильщиком. Каждый мог его послать, чтобы он принес самоходный грузовик или мяч.

И даже я один раз приказала ему:

— Рыжий, принеси мне прыгалку.

— И ты тоже! — сказал он.

Глаза у него наполнились слезами, он повернулся и убежал.

На следующий день Мишка влетел в детский сад, сдернул шапку и громко сказал:

— Смотрите на меня все!

Я оглянулась. Рыжих волос не было! Он остригся наголо.

Ребята окружили его и стали гладить по голове. И я погладила. Голова у него была какая-то холодная и блестящая, как каменная.

— Теперь никто не скажет, что я рыжий! — крикнул Мишка.

А Димка отошел незаметно в сторону и позвал:

— Рыжий!

Я хотела схватить Мишку, чтобы он не оглядывался, но он по привычке успел оглянуться.

Получилось, что голова у него не рыжая, а он все равно помнит, что он рыжий.

В этот день я его подстерегла, и мы вместе пошли домой. Я всю дорогу болтала, чтобы его развеселить, и расспрашивала, что случилось дальше с Мальчиком-великаном. Я не смогла его успокоить. Мишка понуро молчал.

Именно в этот момент я решила тоже стать рыжей! Чтобы Мишка был не один!

По-моему, я придумала здорово! И, как говорит Владик, из этого могла выйти полезная история.

«Владик, — подумала я, — вот кто мне поможет!»

Когда я рассказала ему весь свой план, он взял меня руками за щеки и подтянул к себе, чтобы получше рассмотреть.

— Представляешь, что будет в детском саду? — спросила я.

— Догадываюсь, — ответил Владик. — А что будет дома, представляешь?

— Догадываюсь, — сказала я.

У меня внутри все похолодело: неужели откажется?

Владик почесал затылок.

— Ну, ладно, — согласился он. — Была не была!

Я отдала на краску деньги, которые собирала на трехколесный велосипед. Папа отказался мне покупать новый велосипед, потому что они быстро ломаются. А кто же виноват?

Папа говорит, что велосипеды ломаются из-за того, что мы на них деремся. А по-моему, они просто не крепкие. Если бы их делали из такого железа, как, например, танки, они бы не ломались.

Мы с Владиком так торопились, что он перекрасил мне не только волосы, но лоб и щеки.

Тут появились папа и мама и сразу стали так кричать, что ничего нельзя было объяснить. Больше попало, конечно, Владику. Он старший. Потом нам с Владиком удалось им все рассказать.

— Но я же тебя предупреждал! — вспылил папа. — Я тебе говорил, что дразнить — это подло и низко!

А я в ответ не вспылила, я тихо сказала:

— Папа, ты был прав.

Только на маму ничего не подействовало. Она схватила меня и потащила в ванную, чтобы смыть краску, а я изо всех сил вырывалась и визжала.

И вдруг папа совершенно спокойным голосом сказал маме:

— Подожди!

Мама остановилась.

— Знаешь, что-то есть в этом... ну, скажем, благородное.

Я бросилась целовать папу, пока он не передумал, потому что он ведь необыкновенный! Не каждый папа согласится на такое дело!

А мама снова молча схватила меня за руку, и я снова была готова завизжать, но мама успела сказать:

— Ну хорошо. Я тебе отмою только лоб и щеки.

А на следующий день я вбежала в детский сад, как накануне Мишка, сдернула шапку и громко крикнула:

— Смотрите на меня все!

И все стали смотреть.

А я закрутилась волчком, чтобы мои волосы растрепались, чтобы их стало больше, чтобы всем было видно, какая я огненно-рыжая.

Краешком глаза я следила за Мишкой, который одиноко стоял в углу и играл сам с собой в мяч. Он меня нарочно не замечал.

— Ты что это? — спросил Димка.

— Тоже стала рыжей, — ответила я.

— Вот дура! — сказал Димка.

Я громко-громко засмеялась, чтобы Мишка услышал.

И он услышал и медленно двинулся в нашу сторону, продолжая на ходу играть в мяч.

Я бы на его месте сейчас этот мяч выбросила.

Ребята сами расступились перед ним.

— Рыжая, — попросил он, — можно я потрогаю твои волосы?

— Потрогай, — ответила я.

«Дорогие мои дети!..»

В. ПРИХОДЬКО

Восемьдесят лет назад, 13 сентября 1894 года, в польском городе Лодзи у пана Тувима, скромного бухгалтера, родился сын. Назвали его Юлеком.

Юлек был живой, веселый мальчик. Играл с приятелями в пожарных. Подражал птичьему теньканью и чириканью. Собирал чуть ли не все на свете! Цветные картинки, перья, ракушки, бабочек, лекарственные травы... Не успевала иссякнуть одна страсть, как рождалась другая.

С некой таинственной целью мальчик собирал капельки ртути. Домашние термометры разбивались один за другим. Зачем — это знал только Юлек: он верил, что вдруг, чудом, совершит великое открытие.

Он был не только изобретателем, исследователем и коллекционером, но и пылким читателем. Вместе с Купером и Жюль Верном он бродил по лесам и пустыням дальних стран, охотился на тигров и ягуаров. Паганель и Зверобой стали его близкими друзьями. Из их книг про путешествия Юлек выписывал слова на экзотических языках. Это тоже была настоящая коллекция! Он знал, что смола по-малайски — «дамар», голова по-дагомейски—«афо», а рыбак по-якутски — «балыксыт».

А вот кем он станет, он еще не знал.

Юлек рос добрым, сердечным мальчиком. Он с величайшей теплотой относился к своим близким: к матери, отцу, сестре Ирене.

«В детстве,— вспоминала потом Ирена,— у нас никогда не было елки. И вдруг однажды на рождество (Юлек был тогда учеником седьмого или восьмого класса гимназии) нарядная красавица появилась и у нас. Елку купил и украсил для меня Юлек. Деньги он заработал в доме богатого фабриканта, куда нанялся репетитором».

Время шло. Юлеку исполнилось семнадцать. С завистью смотрела сестра на его письменный стол. Что там, какая новая коллекция? Юлек часами ходил по комнате и бормотал что-то непонятное.

Однажды тайна раскрылась. Юлек потерял ключ от стола. Вызвали слесаря, тот при всех открыл таинственный ящик. Там лежали толстые тетради в черных переплетах. На каждом переплете было оттиснуто золотое перо.

В тетради Юлек записывал свои первые стихи.

Вскоре имя мальчика из Лодзи стало известным всей Польше, а потом его узнали и в других странах. Ныне любители поэтического слова во всем мире отмечают его восьмидесятилетие как праздник.

Тувим хорошо помнил собственное детство. Его многие стихи продиктованы воспоминаниями. И чужое детство было ему понятно и близко.

Где бы ни жил поэт, он всегда заводил дружбу с детьми. В последние годы жизни он шефствовал над школой в Иновлодзи, где в детстве вместе с сестрой и матерью проводил каникулы. Ребята из Иновлодзи писали поэту, приезжали к нему в гости. Тувим помог устроить в школе кабинет физики и естествознания, купил нужные экспонаты, пополнял школьную библиотеку книгами.

Если собрать стихи Юлиана Тувима о детстве, о детях, получится целый том! Открывало бы том стихотворение «Над Цезарем». Первые строки этого стихотворения теперь выбиты на мемориальной доске у входа в гимназию, где учился Тувим: «Школа, школа, когда я вспоминаю тебя, глаза наполняются слезами!» В том вошли бы стихотворения «Наука», «Детство», «Ребенок у витрины магазина с игрушками», «О больном сыночке» и много-много других. А почетное место там заняли бы главы из поэмы «Цветы Польши». В поэме Тувим изобразил мальчишек из Лодзи начала века: Казика, сына рабочего Мергеля, погибшего на баррикаде 1905 года, и товарищей Казика — Чесека по прозвищу «Лук», Генека-Рыжего, Эдика-Мышь, Эдика-Пилу и Тадика-Хромонога; рассказал, как голодно и горько жилось детям бедняков в панской Польше в те далекие, навсегда ушедшие времена.

Маленькие оборвыши бродят по свалкам и пустырям, придумывая себе забавы и развлечения. Во время одной прогулки, как воплощение ребячьих грез, в облаках, окрашенных заходящим солнцем, возникает королевский дворец.

Так начинается фантастический рассказ об исполнении желаний.

Казик, Часек, Генек, оба Эдика и Тадик, все вместе входят во дворец. На троне добрый король. Мальчики хором жалуются ему на тяготы жизни. Внимательно выслушав их, король оглашает декрет о мальчишеских правах. Он говорит, что отныне и навсегда

I. Все дворы
Свободны для любой игры;
II. Даем мальчишкам во владенье
Из шлангов улиц орошенье;
III. В уборную свободный вход
Теперь имеет даже тот,
Кто на чужом дворе живет.
А злой обычай вековой,
Что «ключ у дворника» — долой...

(Перевел Н. Чуковский.)

Это лишь начало. Всего в декрете девятнадцать статей. Отныне мальчишкам позволяется: свободно пускать кораблики по лужам и ручьям; хранить свои сокровища в подвалах; таскать с крестьянских возов солому; разжигать костры и греться у огня.

Некоторые статьи декрета касаются правил ребячьих игр. Декрет, например, говорит, что в игре «в классы» даже стершаяся черта мелом о-бя-за-тель-на для того, кто прыгает! (В этом месте Пила, с торжеством глядя на Рыжего, шипит: «А я что говорил?!»)

Отныне каждый может забраться в чужой сад через ограду, а утыкать ограды битым стеклом хозяевам запрещено. Плоды со всех деревьев принадлежат и тому, кто влез на дерево, и тому, кто трясет его, стоя на земле.

Статья пятнадцатая — об одежде. Детям часто приходится носить обноски с отцовских плеч. Портные обязаны перешивать отцовскую одежду на ребят, укорачивать полы взрослых пиджаков.

Следующая статья — «Трамвайный статут». На конечной остановке дети могут войти к вагоновожатому, потрогать ручку, позвонить в звонок; никто не вправе прогонять их. Зато ездить на подножках, на прицепах, на буферах, прыгать на ходу, играть на рельсах решительно запрещено.

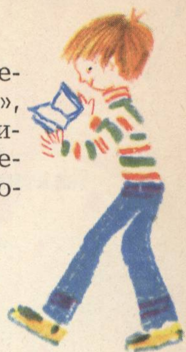
Список детских прав огромен — обо всем подумал поэт, ничего не забыл. Как хорошо знал он и понимал детей!

Поэтому он и стал писать для них стихи.

Каждое стихотворение Тувима, адресованное детям, — вдохновенный, умный, дружелюбный разговор с ними.

Прийти в детскую литературу Тувиму помог Владимир Маяковский.

Маяковский приехал в Варшаву в мае 1928 года. Отвечая на вопрос «Над чем вы сейчас работаете?», он сказал, что с особенным увлечением работает над детскими книжками. Пишет, например, про деревянную лошадку. И объясняет ребятам, сколько людей трудилось, чтобы эту лошадку сделать. Если прочесть написанные вскоре после встречи с Маяковским стихи Тувима «Стол», «Все для всех», «Паровоз», легко увидеть, что они по-своему объясняют детям, что все вокруг люди создают своим общим трудом:

Каменщик строит жилища,
Платье — работа портного.
Но ведь портному работать
Негде без теплого крова!
Каменщик был бы раздетым,
Если б умелые руки
Вовремя не смастерили
Фартук, и куртку, и брюки.
...Стало быть, так и выходит:
Все, что мы делаем, — нужно.
Значит, давайте трудиться
Честно, усердно и дружно.

(Перевела Е. Благинина.)

Стихотворение «Стол» — гимн человеческому труду! С гордостью называет поэт имя, фамилию умелого, трудолюбивого столяра, город, где он живет. Мастеру пришлось вовсю поработать:

Долго строгал он, клеил, буравил,
Прежде чем славный стол этот справил,
Вот сколько нужно трудного дела,
Чтоб за столом ваша милость сидела!

(Перевел С. Маршак.)

Рассказывая детям про паровоз, Тувим дал простое, точное описание его устройства и, как ребенок, всласть наигрался шипящими, стучащими, трещащими звуками, изображая, как трогается с места, набирает скорость и мчится вперед поезд!

Многие из вас читали про азбуку, свалившуюся с печки: «Г ударилось немножко, Ж рассыпалось совсем!» Многие помнят письмо с трогательной просьбой:

Дорогие мои дети!
Очень, очень вас прошу:
Мойтесь чище, мойтесь чаще —
Я грязнуль не выношу.

(Перевел С. Михалков.)

И, конечно, все вы знакомы с артистом Тралиславом Трулялинским, что живет в городе Припевайске, в Веселинском переулке. О нем тоже рассказал Юлиан Тувим.

Юлиан Тувим сам был веселым дирижером — дирижером звонких, веселых строк. И сегодня его стихи звучат с пленительной свежестью. И сегодня мы слышим его живой голос, то грустный, то ликующий, то лукавый, то ласковый; его незабываемое «Дорогие мои дети!..»

Юлиан Тувим

Варшава

Велика Варшава наша!
Что домов в ней! Что людей!
Сколько радостных улыбок!
Сколько шумных площадей!

Сколько школ, садов,
бульваров,
Звону, гаму, башен, шпилей!
Сколько всюду пешеходов!
Сколько мчит автомобилей!

И приятно вспомнить Висле,
Как столица подрастала;
Поначалу — невеличка,
Выросла и взрослой стала!

Джек

К вашему сведенью, верный мой Джек
Все понимает, как человек!

Вот мы сидим на диване вдвоем
И рассуждаем о том и о сем.

Я — рассуждаю, а верный мой Джек
Все понимает, как человек.

—Джек!—говорю (он виляет хвостом),—
Хочешь у нас поработать котом?

Ловля мышей, молоко и почет! —
(Джек даже ухом и не ведет).

— Или, пожалуй, ты будешь медведь.
В клетку залезешь и станешь реветь.

Там, брат, соскучишься по отбивным...
(Джек притворяется глухонемым).

— Стой-ка, дружок, а не стать ли конем?—
(Джек ни гу-гу, словно речь не о нем).

Если не хочешь, то выход один —
Надо колбасный открыть магазин! —
(Джек потихонечку ухом повел, слушает).
— Ты б в сторожа не пошел?

Будешь сосиски стеречь всех сортов.—
Джек улыбнулся: всегда, мол, готов!

Глупый Сашок

Шел Сашок,
Нес мешок.
Был тяжел мешочек.
У Сашка
Из мешка
Сыпался песочек.

Легче груз —
Меньше грусть! —
Каждый знает это!
Дома глядь —
Где же кладь?
Нет песку в мешке-то!

Тут Сашок
Стал в мешок
Собирать песчинки.
Шесть пылинок,
Семь соринок
Поднял он с тропинки.

Шел Сашок,
Нес мешок.
Был тяжел мешочек.
У Сашка
Из мешка
Сыпался песочек.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Фигли - мигли

Рачительный рак на безрыбье говаривал:
Мол, знал бы комар, как омар выкомаривал!
Судачил судак: «Небывалое дело!
Лещ дал бы леща, а сова б осовела!»
Тут селезень в гости позвал селезенку,
А чайка чайку предложила грачонку.
Ворона обед проворонила было,
Сорока рупь сорок в сорочке забыла,
А перепел взял и дрозда перепел,
А дрозд дал дрозда — он не пил и не ел!
И рыба-пила ничего не пила,
Но, мухи не тронув, под мухой была.
Набычился бык и к бычку в ил зарылся,
Слонялся петух, то есть... слон петушился.

Рыцарь

Вот он рыцарь Бахвальский —
Нет бойчей паладина;
Довелось ему как-то
Изловить сарацина.
Он кричит: «Враг попался!
Я сражался геройски!
Нет мне равного силой
В неприятельском войске!
Штурмовать я приучен,
Ненавижу осаду!
Государь самолично
Орден даст мне в награду!
Повелит он, чтоб трубы
Славу мне возвещали:
Я добыл сарацина
Плюс четыре пищали!
Слава мне! Я бесстрашен!
На меня подивитесь!
Разве сыщется в мире
Столь же доблестный
витязь?
Где мой клич раздается,
Там врагу не до смеха,
Нету рога звончее
И богаче доспеха!»
«Отчего ж сарацина
Не ведешь ты, однако?»
«Он меня не пускает!» —
Отвечает вояка.

Стась-мечтатель

Улегся Стась
Средь лужка,
Глядит в небеса
И думает:
«Кабы
Были бы те облака
Ромовые бабы!
А те розоватые тучки —
Сливочные тянучки!
А те, золотые в лазури,—
Пончики в сладкой глазури...
А весь бы небесный купол
Из сахарного песку был,
А дождик бы шел — из
конфет...
Вот был бы чудесный свет! —
Лежал бы я на траве,
На шелковой мураве,
В сладкое небо глядел
И ел бы себе... и ел...»

Перевел с польского Асар ЭППЕЛЬ.

У меня есть лев

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Рисунки С. ОСТРОВА.

Где ты, Кинг? Если ты жив, отзовись! Подай сигнал, и друг придет тебе на помощь.

Где мог очутиться лев, отторгнутый от своей пещеры, своего острова, от своих друзей?

Он может попасть в зоосад. Если там есть свободная клетка и средства для содержания льва. Но если все клетки заняты, все львы на местах?..

Еще есть кочующие зверинцы, где клетки стоят на машинах и на прицепах. И звери здесь вечные путники, пассажиры, у которых нет станции назначения. Где найдешь такой кочующий зверинец?!

И еще есть цирк. Туда могут взять льва, если он умеет прыгать с тумбы на тумбу и брать в пасть голову дрессировщика. А Кинг этого как раз и не умеет. Он умеет нечто другое. Он умеет дружить с человеком, смотреть в глаза, приходить на помощь в трудную минуту. А это уже не цирк. Это настоящая жизнь.

Где искать Кинга в огромном городе? Не встретишь же его в старом, тесном переулке или в кустах на сквере.

После тихого лесничества город оглушает голосами, шагами прохожих, рокотом бегущих машин, резкими запахами. Город кажется тесным, и Рад чувствует себя в нем, как в куртке, из которой вырос. Рад вырос и одичал в непроходимом горном лесу, где солнце редко достигает земли, а тропы похожи на зеленые тоннели. Он опасливо перебегает дорогу, оглядывается, наталкивается на прохожих. На него смотрят недоверчиво и сердито: откуда такой взялся!

А он ниоткуда не взялся. Живет здесь в интернате. Знает в городе каждую улицу, каждый уголок. Но что-то стряслось с Радом, изменилось в нем, наполнило его тревогой, и теперь все кажется ему новым, незнакомым. Не таким он оставил город в начале лета, уезжая к Деду.

Он идет по городу, а у него перед глазами возникает дом с черепичной крышей. Ромка и Ева стоят на крыльце. Тихо блеет — шлет свой привет — коза. А большой, многоэтажный дом вдруг превращается в базальтовую стену, на которой древний живописец нарисовал зверей, и охотников, и льва. И самого себя в барсовой шкуре. Оказывается, он был похож на Рада.

Почему Раду так душно, так тесно в родном городе? Потому что рядом нет льва. Нет его друга Кинга. Ничто в городе не напоминает о нем. А там, в лесу, наверное, еще сохранились похожие на фиалку следы Кинга. Одна большая ямка и четыре маленьких.

Рад смотрит себе под ноги. Может быть, надеется увидеть знакомые следы на городском асфальте? Напрасно надеется. С Кингом все покончено. Не уберег его Рад. Лай, грохот и стрельба пронеслись по зеленому острову и озеру Зур — и Кинга не стало.

Рад не заметил, как на смену большим, шумным улицам пришли маленькие переулочки старого города. Они сгорбились и искривились от времени. А дома как были двухэтажные, так за сто лет и не выросли ни на один этаж. Только деревья вытянулись, стали ветвистыми и совсем закрыли каменные ограды. Старый город кажется зеленым островком в большом современном многоэтажном городе. Долго ли ему существовать, этому островку?

Недолго! Новый город уже движется, наступает, щелкает старые домики, как орехи. Рад прошел мимо дома, который ломают. Огромная чугунная груша раскачивалась на стреле крана. Удар — и стена подломилась, как от взрывной волны. Удар — рухнула, и сразу поднялось розоватое облако кирпичной пыли. Рад смотрел на гибель старого дома. Он ощутил на зубах скрип пыли. Он зашагал дальше. И долго еще за его спиной слышались тяжелые удары.

Неожиданно в просвете между домами Рад увидел зеленую лужайку. На ней шло настоящее представление. Человек шесть мальчишек, мал мала меньше, в спортивных трико, проделывали разные трюки. Они прыгали, переворачивались в воздухе, взлетали друг другу на плечи.

Рад остановился. Понаблюдал за ними. Спросил:

— Откуда вы?

— Мы из цирка,— от-

Они были настоящими волшебниками, эти цирковые мальчики!

ветил высокий носастый мальчик, он был в этой компании самым старшим.— Не найдется закурить?

— Не курю.

— Жаль,— сказал носастый.

И снова мальчики задвигались, как заводные. В каждом из них была спрятана удивительная упругая пружинка, которая подбрасывала их и переворачивала в воздухе.

Рад зашагал дальше.

Миновал старенький дом с причудливой башенкой и остановился около трехэтажного дома с балконом.

Он сложил руки раковиной и поднес ко рту. Раздался странный звук, похожий на гудок корабля. На балкон выбежала Таня.

— Рад!

— Таня! Выходи!

— Не могу. У меня обед варится. Как дела?

Рад опустил голову.

— Как дела? — повторила Таня.— Я твои письма про льва читала.

— Льва больше нет, —тихо сказал Рад.— Он погиб!

Таня засмеялась.

— Погиб? — Таня свесилась с балконной решетки.— А я думала, он в цирке.

— В цирке? Почему так думала?

— Подожди минутку. У меня горит...

С этими словами девушка скрылась. А Рад, ожидая Таню, нетерпеливо переминался с ноги на ногу и задирал голову.

— При чем здесь цирк? — крикнул он, когда девушка снова появилась на балконе.— Ты о каком льве?

— О твоем. Хотела тебе помочь. Рассказала в цирке.

— Зачем? Ему нечего делать в цирке!

— Львы выступают в цирке. Их дрессируют!

— Его нельзя дрессировать! Он совсем другой лев! Он жив, Таня?!

— Жив! Я вообще не очень-то верила во льва,— призналась девушка.

— Не очень-то верила? — опустил голову Рад.— Ты мне не очень-то верила? Ты рассказала про озеро Зур?

— Подожди минутку...

Таня снова убежала. У нее что-то горело на кухне. А когда она вернулась, Рада уже не было. Он бежал вниз по горбатому переулку.

— Ра-ад! Куда же ты?!

Когда Рад пробегал мимо зеленой полянки, там уже не было цирковых мальчиков. Наверное, ушли к себе в цирк.

Круглый цирк напоминал бастион, который в ожидании штурма закрыл все свои ходы и выходы. Подняли цепные мосты. Зарядили пищали. Накипятили в чанах смолу.

Рад ходил вокруг цирка, дергал дверные ручки, надраенные, как корабельные медяшки. Тщетно. Ни одна дверь не открывалась. Он готов был залезть в окно. Окна тоже были закрыты. А за этими могучими круглыми стенами находился Кинг. Он не погиб в бою. Он стал пленником. Он сидит за решеткой, как дикий. И с ним обходятся, как с обычным диким львом. А Кинг был необычным. Всю жизнь человеческие руки ласкали его, кормили, защищали от всяческих бед. Теперь эти руки сжимают хлысты и пики. Они не просят, а требуют. Что требуют? Для чего? Может быть, эти бесчувственные руки уже успели убить во льве что-то бесконечно дорогое и хрупкое, что еще не возникало ни в одном льве на свете? Но, может быть, еще не поздно? Тогда надо спешить!

Несколько раз Рад обошел здание цирка. Он кружился, как маленькая тревожная планета вокруг большого недоступного Солнца.

И тут Рад увидел, что к цирку подкатили два грузовика с декорациями. Большие ворота в стене медленно распахнулись. Грузовик, как троянский конь, въехал в крепость. Вслед за ним проник туда и Рад.

С машины соскочили рабочие, стали разгружать декорации. И Рад стал помогать им. Никого не удивило его поведение. Никто не спрашивал его, кто он и откуда. Работает, значит, все в порядке.

— Осторожно, осторожно, заноси влево! — кричали ему с земли, и он, напрягая все силы, заносил влево.

— Ставь колонну на попá!

Он ставил на попá.

Наконец машины были разгружены. Рабочие сели отдохнуть. Кто-то нарезал колбасу. Большим ножом толстыми ломтями. Один ломоть протянули Раду. Он присел на свернутый ковер рядом с рабочими и стал есть вместе с ними.

— Ты здесь в цирке работаешь? — наконец спросил тот, который угостил его колбасой.

— Ага,— невнятно отозвался Рад.

— В цирке, небось, хорошо платят?

— Хорошо, —наугад подтвердил юноша.

— Зато вы по воскресеньям работаете!

— Точно,— сказал Рад.— Спасибо. Я пойду.

— Бывай, парень!

Когда Рад ушел, рабочий сказал:

— Хороший малый. По условию нам не должны были помогать при разгрузке. Он сам взялся. А еще цирковой!

Рад проник в грозный, неприступный бастион. Но он не знал здесь ни ходов, ни выходов. Не знал, куда ведут коридоры и галереи. И что находится за бесчисленными дверями.

Он не знал самого главного: где искать льва?

Можно было бы спросить, но тогда сразу догадались бы, что он чужак.

Рад пошел куда глаза глядят. Мимо него провели слонов. Пять больших слонов с разноцветными попонами. Слоны прижали Рада к стене. Он затаился и ждал, когда они пройдут. Они с шуршанием переставляли ноги, и пол вздрагивал под их шагами.

Когда слоны прошли, Рад вытер со лба холодный пот. И тут знакомый голос спросил его:

— Закурить есть?

Рад обернулся и увидел носастого парня из цирковой компании, которая выделывала трюки на зеленой поляне в старом городе.

Увидев Рада, парень разочарованно сказал:

— Ах, ты же не куришь! Извини.

Он собрался идти дальше, но Рад удержал его.

— Подожди, парень! Как тебя зовут?

— Гоша. Я из акробатической группы Брагама. А ты?

— Меня зовут Радий. Но все называют Рад. Слушай, Гоша, ты не можешь помочь мне?

— Почему бы не помочь? — сказал Гоша и энергично потер ладонью свой солидный нос.

— Можешь провести меня ко льву?

— Ко льву? Зачем тебе ко льву? Может быть, тебе нужен Тофик?

— Нет. Тофик не нужен. Лев нужен.

Рад испытующе посмотрел на Гошу.

— Что ты на мой руль смотришь,— сказал Гоша из группы Брагама.— Ты не смотри, что он здоровый, я девчатам нравлюсь. Не веришь?

— Верю,— сказал Рад.— Почему мне тебе не верить. Где лев?

— Пойдем, если надо,— ответил Гоша и недоверчиво посмотрел на Рада.— Покажу, пожалуйста.

— Надо! Я тебе все объясню. Понимаешь, какое дело...

Юноши скрылись в таинственных лабиринтах цирка, из которых новичок никогда бы не выбрался.

Издалека доносилась радостная музыка циркового оркестра. Она то приближалась, то удалялась. Тускло горели лампочки. Коридоры цирка напоминали подземелье крепости. Только вместо бочек с порохом и корзин с ядрами вдоль стен стояли причудливые предметы реквизита: колеса, тумбы, трамплины...

Лев возник неожиданно. В тусклом свете циркового подземелья он стоял неподвижно, казался темным, погасшим. Только учащенное дыхание выдавало в нем присутствие жизни.

Рад прильнул к решетке, всматриваясь в своего грозного друга. Он увидел темные конопушки и крикнул:

— Кинг! Это я, Кинг!

Глаза льва вспыхнули. Хвост с маленькой кисточкой закачался, как маятник. Лев издал какой-то странный звук, жалобный и радостный. И сквозь прутья клетки лизнул Рада в лицо. А тот уже просунул руку, и трепал его грустную гриву, и чесал за ухом, как котенка. В полутемном помещении стало светло от радости двух друзей, которые думали, что их разлучили навечно, а вот встретились!

Носастый Гоша стоял чуть в стороне и растерянно потирал ладонью свой большой «руль».

— Во дает! — восторженно шептал он.— Во дает! Аттракцион!

Неожиданно он встал на руки, зашагал по конюшне. Вероятно, так акробаты выражают радость и восторг.

Тут незнакомый голос окликнул Рада:

— Эй, ты!

Рад оглянулся. Рядом стоял здоровенный парень в майке с нарисованным на ней солнцем и джинсах, прошедших испытание огнем и водой.

— Что ты здесь делаешь? Отойди от зверя! — прикрикнул парень.

— Тебе-то что? — Рад резко повернулся к незнакомцу.— Для тебя — зверь, а для меня — друг.

— Где работаешь? Я сейчас вызову охрану!

— Не вызовешь,— твердо сказала Рад.— Можешь войти в клетку ко льву?

Парень непонимающе уставился на Рада.

— Зови свою охрану! — крикнул Рад и шагнул к клетке. Он уже взялся было за дверцу.

Парень рванулся к нему и схватил его сильными руками.

— Не дури!

— Пусти! Пусти, говорят тебе! — крикнул Рад и ухватился за прутья клетки. Лев недовольно зарычал.— Пусти! Не твое дело!

— Врешь! Мое! — Парень снова вцепился в Рада.— Если ты спятил, то у меня котелок еще варит.

Он мертвой хваткой держал Рада. Напрасно тот вырывался, норовил ударить его. Противник был на голову выше и сильнее.

— Ты привык, что лев должен скалить зубы и выпускать когти! — выкрикивал Рад, не оставляя попыток вырваться из крепких рук.— Весь ваш цирк привык к решеткам, хлыстам и брандспойтам. А он мой друг! Честное слово, он мой друг!

Эти слова подействовали на незнакомца. Он вдруг выпустил Рада.

— Черт с тобой! Лезь в пасть ко льву. Мне-то что! Я хотел как лучше!

— Как лучше! — пробормотал Рад, потирая шею.

— Ты что, дрессировал его? — поинтересовался парень в майке.

— Я не дрессировщик. Он спас меня, а я помогал ему в горах.

— Дела! — Парень покачал головой и пошел прочь. Когда он оглянулся, Рад был уже в клетке со львом.

В это время в глубине коридора послышался нарастающий гул. Это по зову своего носастого предводителя бежали цирковые мальчики группы Брагамы. Увидев Рада рядом со львом, мальчики замерли на почтительном расстоянии. Впереди был Малыш с тоненькой шеей и большими круглыми ушами. От любопытства и удивления его шея стала как бы длиннее, а уши еще больше оттопырились. С ним рядом стоял крепкий парень с черными вьющимися волосами по прозвищу Унтерман, что на цирковом языке означает «стоящий в основании пирамиды».

Мальчики молчали и переглядывались. Они ждали, что будет дальше.

А дальше Рад и лев вышли из клетки, и Рад сказал:

— Ребята, вы должны мне помочь увести льва. Это мой лев. Честное слово! Его нельзя дрессировать, как нельзя дрессировать человека. Понимаете?

— Понимаем,— за всех ответил Малыш.— Если надо, мы тебе поможем. Почему же не помочь?!

— Мы тебе поможем,— сказал Гоша,—только не сейчас. Приходи вечером на представление. После нашего выхода мы тебе поможем.

— Я приду,— пообещал Рад и, повернувшись к Кингу, сказал:

— Тебе придется подождать до вечера. Слышишь, Кинг? Надо подождать!

Кинг вздохнул и медленно зашагал к своему временному прибежищу.

Цирковые мальчики удивленно переглянулись.

Рад лежал на койке с открытыми глазами и ждал вечера. В интернатской спальне было четыре койки. Три пустовали. Их владельцы еще не вернулись в город. Они были в пути. Рад лежал и сочинял письмо. У него была привычка сперва сочинить письмо, потом написать:

«Дорогие Мария, Дед и ребята! У меня большая радость. Я нашел Кинга. Он, оказывается, жив. Его привезли в цирк. Но в цирке ему делать нечего. Я его оттуда заберу. Чувствую я себя хорошо. Завтра начинаются занятия...»

В это время дверь спальни открылась, и вошел Севрик — длинный рыжий мальчик, такой худой и бледный, словно у него не было ни каникул, ни лета, и вернулся он из какого-то дождливого, скучного края.

— Здравствуй, Рад! Ты приехал?

— Я приехал, Севрик.

— Я проболел все лето,— пожаловался Севрик.— А ты?

— Немного болел. Ложись, отдохни.

— Я лягу,— согласился худой рыжий мальчик, опускаясь на свою кровать.— Завтра начинается. Ты что вечером делаешь?

— Иду в цирк,— не сразу ответил Рад.— А ты?

— А никуда не иду. Мне подстричься надо.

— Подстригись. Обязательно подстригись, Севрик.

— Может быть, и ты подстрижешься?— предложил рыжий мальчик.

— Понимаешь, я же иду в цирк...

— Ты идешь в цирк... У тебя один билет?

Рад поднялся с постели.

— У меня два билета,— сказал он.— Но я иду не один...

Севрик понимающе закивал головой.

— Если я буду спать, не зажигай света,— попросил он.

— Я не зажгу света. Спи спокойно,— сказал Рад и зашагал к двери.— Спи крепко и не бойся. Ничего не бойся.

Болезненный мальчик проводил Рада удивленными глазами.

— Чего не бойся?— спросил он, но дверь за Радом уже закрылась.— Не пойду я в парикмахерскую. Никуда я не пойду. Я спать хочу

Ему не с кем было разговаривать, и он разговаривал сам с собой.

— Чего не бойся?

Вечером Рад сидел на самой верхотуре под куполом цирка, где были установлены софиты, освещающие арену. От них, как от печки, тянуло жаром, внутри что-то шипело. В щели кожухов были видны фиолетовые вспышки — там оживали и гасли какие-то беззвучные молнии.

Возле софитов хлопотал осветитель — парень в белой майке. Работа была жаркая, только в майке и работать! Он включал то один софит, то все сразу. Иногда перед софитом запускал круг с разноцветными стеклами, и тогда луч менял свой цвет. И все вокруг меняло цвет.

В полумраке купола поблескивали какие-то странные аппараты, при помощи которых артисты цирка на большой высоте совершают полеты и делают различные рискованные трюки. Здесь покачивались трапеции и брали начало веревочные лестницы.

С этой высоты арена казалась блюдечком с красной каемкой. На этом блюдечке шло представление.

Вот появились два клоуна — толстый и тонкий. Они изображали боксеров. Огромными перчатками «боксеры» наносили друг другу удары, при этом раздавался то звон разбитого стекла, то удар колокола, то выстрел из ружья, то грохот молота по наковальне.

Зрители смеялись.

хались. Только один Севрик приехал.

— А потом? — спросил осветитель.

— Еще не придумал,— признался Рад.— Но я придумаю, обязательно придумаю!

Цирк снова засмеялся.

— Чего они смеются? — спросил Рад, словно зрители смеялись над его словами.

— У клоуна отвалился нос,— не глядя на арену, ответил осветитель: он знал всю программу наизусть.

В это время внизу объявили:

— Акробатическая группа заслуженного артиста Брагамы!

— Наши, — прошептал Рад.

Оркестр заиграл галоп, и на арену выбежали юные акробаты. Они так легко взлетали в воздух и так плавно приземлялись, так кувыркались в воздухе, словно сила земного притяжения их не касалась и вокруг была космическая невесомость.

Рад смотрел на них и чувствовал, как ему передается эта удивительная легкость. Он перестал чувствовать собственный вес. И даже непроходящая дума о льве стала не такой тяжелой. Эти мальчики все могут, для них нет препятствий, нет стен, нет закрытых дверей. Рад позавидовал им.

— Время идти,— сказал осветитель и потряс Рада за плечо.— Ни пуха ни пера!

— Кинг! Это я, Кинг!

Потом два бойца помирились, стали пожимать друг другу руки и даже целовались. А на весь цирк звучали пощечины, усиленные во сто крат.

И снова зрители смеялись.

Парень в майке с нарисованным солнцем оставался равнодушным ко всем шуткам клоунов. Когда каждый день видишь одно и то же, перестаешь смеяться.

— Он тебе говорил, что нравится девчонкам?.. — спросил он Рада.

— Говорил.

— Он выдумывает. Где ему с таким рулем...

— Он хороший парень,— сказал Рад.

Осветитель ничего не ответил. Он был занят постановкой света. И только когда кончился номер, спросил:

— Куда ты его денешь... льва?

— Заберу его к себе... в интернат. Ребята еще не съе-

Отпечатанное на майке осветителя солнце смотрело на Рада круглыми глазами.

Рад сбежал вниз и очутился перед дверью с надписью «Служебный вход». Он слышал звуки марша, взрывы смеха, дробные хлопки публики. Все звуки были такими далекими и приглушенными, словно доносились откуда-то издалека. Громче всех звуков цирка стучало собственное сердце.

Дверь открылась. Рад подался вперед, но навстречу ему выплыла огромная тетя в форме билетера.

— Что тебе? — спросила она.— Почему не смотришь программу?

— Я жду,— ответил Рад.

— Жди, жди,— уплывая, сказала тетя. Она не стала расспрашивать, чего ждет Рад.

И тогда появился Малыш. Он был в красном костю-

ме, облегающем тело. Лицо его пылало. Он тяжело дышал. Примчался сюда прямо с арены.

Не говоря ни слова, Малыш схватил Рада за руку и потащил куда-то вперед, мимо лошадей с белыми султанами на голове. Рад обратил внимание, что Малыш хромает.

— Что с ногой? — спросил он.

— Неудачно спрыгнул,— шепнул Малыш.— Мы вообще выступали неудачно. Волновались.

За поворотом их поджидали Гоша, Унтерман и остальные мальчики. Гоша вытирал лицо ярким мохнатым полотенцем и тяжело дышал.

— Пошли! Все в порядке! Пожалуйста!

Вся компания скрылась в полутемном тоннеле.

Потом они появились уже со львом. Кинг шел рядом с Радом, а мальчики в красных костюмах двигались спереди, сзади, с боков. Они размахивали руками. Громко переговаривались. И все встречные обращали внимание только на них и не замечали льва, который, бесшумно ставя лапы, двигался вдоль стены.

Прошли два клоуна. Служители пронесли большой трамплин. Девушки в балетных пачках то вставали, то опускались на носках. Они репетировали перед выходом. Никто не заметил льва. Отряд похитителей вышел в пустое фойе.

У входной двери на своем посту дремала билетерша. На мгновение она открыла глаза и увидела мальчиков в красном.

— И мальчики кровавые в глазах!— Она пробормотала пушкинскую строку и снова погрузилась в сон.

Лев вышел из цирка. Он осмотрелся и жадно втянул в себя свежий воздух свободы.

В городе было темно. Шел дождь. Фонари окутала дымка, от нагретого за день городского камня шел пар.

— Пошли! — сказал Рад. И они со львом стали медленно спускаться по ступеням.

— Куда пойдем?—спросил Гоша.—Ты знаешь, куда идти?

— Есть,— коротко ответил Рад.

Они зашагали по улице. Мальчики — маленькие красные спутники льва — продолжали кружиться вокруг Рада и его друга, отвлекая внимание прохожих от идущего по городу Кинга.

— Хочешь я покажу тебе дом, где никто не живет?— предложил Раду Малыш.— Его готовят на снос. В этом доме есть даже подземный ход. Мы там играем.

— Разве цирковые мальчики играют? — удивился Рад.

— Нам ведь тоже хочется поиграть... в свободное от работы время,— ответил Малыш.

И все засмеялись.

Путь похитителей льва проходил по старому городу. Здесь в узких, кривых улочках было меньше народу. Когда же попадался прохожий, ребята так умело заслоняли льва, так старательно отвлекали от него своими трюками, что прохожий видел только их, а о существовании льва не догадывался.

Они как бы надели на льва шапку-невидимку. Они были настоящими волшебниками, эти цирковые мальчики.

Когда проходили мимо Таниного дома, Рад остановился и посмотрел на знакомый балкон. Он сложил руки раковиной и подал сигнал своей подруге, чтобы показать ей льва. Но никто не вышел на балкон. Может быть, Тани не было дома?

— Ты что? — спросил Гоша.

— Ничего. Все в порядке. Пошли, ребята!

— Пошли, пожалуйста.

Потом они шли мимо маленького ветхого домика с покосившейся замысловатой башенкой.

— Вот этот дом,— сказал Малыш.— В нем никто не живет.

В одном из переулков к ребятам привязались двое подвыпивших парней. Они толкнули одного мальчика, другому дали подзатыльник. Тогда к ним подскочил Гоша. Он что-то сделал, и один парень растянулся на мостовой.

— Ах, так! — закричал второй.— Наших бьют!

Он замахнулся на Гошу. Но его рука вдруг застыла в воздухе. Прямо на него шел лев. С невозмутимым спокойствием Кинг приблизился к парню. Тот попятился и вдруг, забыв про товарища, пустился бежать.

Кинг остановился, посмотрел ему вслед и зашагал дальше.

Второй парень, очутившись на ногах, пустился вдогонку.

— Лев!— кричал он.— Лев сбежал из клетки!

— Пить меньше надо!— заметил какой-то пожилой прохожий с зонтиком.

И вдруг изменился в лице, прижался к стене дома. И выставил вперед открытый зонтик, как боевой круглый щит.

— Зря обидел человека,— сам себе пробормотал он, когда лев прошел мимо.

Дождь прошел. Узенькие улочки кончились. Перед ребятами возникло большое светлое здание школы-интерната. При свете луны светлый кирпич казался серебряным.

— Пришли,— сказал Рад.— Спасибо, ребята!

— Ты его в школу? — спросил Гоша.

— В спальне никого нет. Только Севрик. Но его и пушками не разбудишь.

— Разве пушками будят? — спросил Малыш.— Меня никогда не будили... пушками.

— Мал еще,—густым голосом сказал Унтерман.

Рад забрался на подоконник и попробовал открыть окно. Окно не поддавалось.

— Закрыл,— сказал Рад и спрыгнул на землю.— Странный человек.

— Постучи,— посоветовал Гоша, —он проснется.

— Бесполезно. Там Севрик.

— Для него пушку надо,— вздохнул Малыш.

Вся компания молча двинулась вдоль здания школы — искать открытое окно. Впереди шел лев. Иногда он поднимался на задние лапы, а передние ставил на подоконник. Он тоже искал открытое окно.

И вдруг Малыш крикнул:

— Смотрите! Окно открыто!

Окно действительно было открыто, но на втором этаже.

— Высоко, —вздохнул Рад.

— Как высоко? —воскликнул Гоша.— В самый раз.— И он скомандовал своим мальчишкам:— Алле, на пирамиду!

По этой команде мальчики из нестройной толпы сразу превратились в маленькую слаженную группу, пришли в строгое согласованное движение. Рад не успел заметить, как кудрявый крепыш очутился на плечах Гоши. Мальчики как бы образовали лестницу, и по этой живой лестнице, состоящей из рук и коленок,

Малыш ловко забрался на плечи Унтермана. Он выпрямился, сделал шаг и очутился на подоконнике открытого окна.

— Ловко придумали! — сказал Рад, с восхищением наблюдая за мальчиками.

— Аттракцион,— отозвался Гоша.

Пирамида распалась. Живая лестница исчезла. Мальчики снова толпятся на земле, словно ничего и не произошло.

— Работа такая,— равнодушно отозвался Гоша.— Третий этаж — это потруднее. А второй...

Через некоторое время в одном из окон первого этажа показался Малыш. Щелкнул шпингалет. Створки окна распахнулись.

— Вход открыт. Алле! — весело крикнул Малыш и прыгнул из окна на землю. При этом он умудрился перевернуться в воздухе. Сперва в окно забрался Рад. Ловким, бесшумным прыжком за ним последовал Кинг.

— Спасибо, ребята! — сказал Рад.— Вы настоящие друзья, ребята! До встречи!

— Мы будем тебе помогать,— сказал Малыш.

— Тебе еще что нужно? — спросил Гоша.

— Понадобится мясо,— сказал Рад.— Много мяса.

— Мы раздобудем мяса для такого дела,— сказал Гоша.

— Спасибо, ребята! До свидания!

Он закрыл окно. При свете луны сквозь стекло Рад и лев казались таинственными призраками, которые неведомо почему очутились в школе.

А цирковые мальчики все еще стояли под окном, ожидая какого-то происшествия. В облегающих тела костюмах при лунном свете они были похожи на маленьких космонавтов, прилетевших на землю с веселой, удивительной планеты Цирк.

Когда же они начали прыгать, и кувыркаться в воздухе, и взлетать друг другу на плечи, то еще больше стали похожими на жителей веселой планеты, на которой таким образом выражают радость и празднуют победу.

Рад и Кинг медленно пробирались по длинному школьному коридору. Они то появлялись на лунной дорожке, то пропадали в тени. Если бы кто-нибудь из учеников очутился сейчас в пустой школе и встретил их в коридоре, он наверняка принял бы Рада и его гривастого друга за призраков. Настолько необычным и противоестественным было появление льва в школе.

— Идем, я тебе покажу нашу школу,— говорил Рад, увлекая льва за собой.

Они заглядывали в классы и кабинеты, поднимались по лестницам.

В умывальнике Рад открыл кран, и лев с удовольствием пил, подставляя под струю воды язык, сложенный ладошкой. Может быть, кран напоминал ему источник, бивший в горах из скалы.

В кабинете природоведения стоял заинтересовавший льва скелет. Кинг подошел к нему, понюхал, потрогал лапой. Кости застучали, одна рука закачалась. Лев отпрянул.

— Лев сбежал из клетки!

— Не бойся,— сказал Рад,— это учебное пособие.

Слова «учебное пособие» успокоили льва.

Потом Рад привел своего друга в класс.

— Это мой класс,— сказал он льву,— заходи смелее. Вот моя парта. Здесь сижу я, рядом место Тани. Ты еще не знаком с Таней, она о тебе знает.

Лев обнюхал парту, но сесть на скамью не смог — слишком был велик. Зато он прыгнул на парту и улегся на ней.

А Рад вышел к доске и, изображая учителя, обратился к невидимым ученикам:

— Дорогие ребята! Вот мы и встретились снова после летних каникул. Теперь вы уже взрослые. Можно сказать, не дети, а молодые люди. Начнем же наш первый урок...

Потом они вышли из класса и, сойдя с лунной дорожки, на которой оба казались серебряными, исчезли в ночной тьме.

Эту ночь Кинг провел на интернатской койке. Койка была тесной и неудобной. Она вздрагивала и скрипела. Лев долго ворочался, пока наконец ему удалось удобно устроиться на этом совсем не приспособленном для львов ложе.

— Спи, спи, Кинг! — говорил Рад, лежа рядом.— Спи, завтра трудный день.

Ему самому не спалось, и он чувствовал, что лев не спит. А худой и болезненный Севрик, похожий на травку, выросшую без солнца, в тени, Севрик спал так крепко, что его и пушками не разбудишь. Если бы он только знал, кто лежит на койке почти рядом с ним!

— Как хорошо, что я тебя нашел! — шептал Рад своему другу.— Я уже не надеялся встретить тебя. Теперь я тебя уже никому не отдам. Мы всегда будем вместе.

Лев молчал. Он соглашался с Радом. Потом оба уснули.

И Кингу снился солнечный остров среди густых переплетенных деревьев горного леса. Ему снился дом под черепичной крышей и коза с узкими желтыми глазами, которые от страха и любопытства становятся зелеными. Снились двое рабятишек: худой нестриженый Ромка с черными коленками, который почему-то называл его «большой рыжей собакой», и девочка, боязливо смотрящая на него. А он разлегся на солнышке и зажмурил глаза, а в щелочки между век наблюдал за детьми. Было тепло и тихо. Дети бегали вокруг него, и пели, и кричали, и брызгались водой из ручейка, который протекал по двору.

А потом он неторопливо расхаживал по двору, а у него на спине сидел Ромка. И было очень приятно, что на спине сидит такой маленький, занятный всадник, который вцепился ручонками в гриву и голыми пятками сжимал ему бока.

И звучала веселая музыка, которую он слыхал в цирке.

В спальне для старших мальчиков стало светло. Здесь спали трое. На одной койке, закрывшись с головой одеялом, спал Севрик, рыжий болезненный мальчик. На другой койке спал Рад. Третью койку занимал лев. Он лежал поверх одеяла, положив тяжелую голову на подушку. Длинный хвост с маленькой темной кисточкой на конце свешивался на пол.

Неожиданно Рад открыл глаза и сел на койку. Он огляделся, посмотрел на часы и встал. На цыпочках подойдя к спящему Севрику, он потряс его за плечо:

— Послушай, Севрик, ты спишь?

— Сплю,— отозвался тот, натягивая одеяло на голову.

— Ты проспишь первый урок. Вставай. Только не оглядывайся.

— Почему не оглядываться? — спросил рыжий Севрик и сразу проснулся от любопытства.

— Так будет лучше для тебя. Ведь ты болел все лето.

— Болел.

Рад сидел на постели. У его ног лежал лев. Оба они смотрели на Севрика, который выбирался из-под одеяла. Ему не терпелось оглянуться. Но почему-то слова Рада удерживали его. Так, сидя спиной к товарищу, он натянул брюки, надел ботинки и, кряхтя, зашнуровал их.

И вдруг он поднял глаза и в небольшом зеркале, висящем на стене, увидел льва.

Он ничего не сказал, только наклонился еще ниже и стал шнуровать ботинки, но никак не мог попасть шнурком в дырочку — у него дрожали руки.

Потом он разогнулся и опасливо посмотрел в зеркало. На этот раз вместо льва он увидел Рада. Так они через зеркало посмотрели друг другу в глаза.

— Это правда? — спросил рыжий мальчик.

— Правда,— сказал Рад.

— Что же теперь делать?

— Не думай об этом. Иди, иди. А после уроков дождись меня.

— Я дождусь те-тебя.— От волнения он даже стал заикаться.

— И все будет в порядке. Понял, Севрик?

— Все будет в порядке,— повторил мальчик.

— И никому ни слова!.. Иди, я тебя догоню.

Он так и не оглянулся, этот болезненный Севрик, вышел за дверь и пустился бежать по гулкому коридору.

Весь класс был в сборе. Учитель с черной, аккуратно подстриженной бородкой, обращаясь к ребятам, говорил:

— Дорогие ребята! Вот мы и встретились снова после летних каникул. Теперь вы уже взрослые. Можно сказать, не дети, а молодые люди. Начнем же наш первый урок....

Сидевший на первой парте Севрик захлопал в ладоши.

— Ты что? — удивленно спросил учитель.

— Я ничего... Я думал, надо хлопать...— моргая глазами, ответил рыжий мальчик.— После речей всегда хлопают.

Класс захихикал.

— Хлопают, только не в классе,— пояснил учитель, поглаживая свою любимую бородку.— Садись. Будем писать сочинение. Можно сказать, по горячим следам.

Учитель подошел к доске и аккуратно вывел мелом название темы сочинения: «Самое яркое событие этого лета».

В классе писали сочинение. Молодой учитель стоял у окна и смотрел на улицу. Он думал о чем-то своем, не имеющем никакого отношения к классу, к ребятам, сидящим за партами, к сочинению...

Ребята писали, иногда тихо переговаривались. Они тоже еще не окончательно вернулись, не освоились, не вошли в ритм учебы.

— Куда ты убежал? — спросила тихо Таня Рада.

Лев зашагал по коридору.

— Дела были,— уклончиво сказал он.

— Ты стал занятой,— недовольно буркнула Таня и склонилась над тетрадкой.

Через некоторое время она спросила:

— Где твой лев? Ты видел его?

— Он сейчас спит на моей кровати,— ответил Рад.

— Все шутишь.— Девушка недовольно посмотрела на своего соседа.

— Хочешь, я покажу тебе Кинга? На переменке...

Девушка ничего не ответила. Она отвернулась от Рада и углубилась в работу.

А учитель с черной бородкой все смотрел в окно. Он смотрел не зря. В сквере перед школой появилась девушка с длинными светлыми косами. Она всматривалась в окна школы, кого-то искала. А учитель улыбался, махал рукой. Он хотел крикнуть ей, но шел урок, а во время урока даже учитель не может вести себя так, как ему заблагорассудится. Некоторое время учитель и девушка обменивались знаками. Потом девушка повернулась и медленно зашагала прочь. Учитель смотрел ей вслед.

Кинг лежал на постели Рада, положив голову на подушку. Глаза его были закрыты. Но он не спал. Он прислушивался к тому, что происходило в коридоре. Оттуда доносились голоса:

— Воробьева, надо протереть коридор. Дождь был. Грязи наносили.

— Они и без дождя наносят! — отозвалась Воробьева.— Разве за ними успеешь грязь замывать?

— Работа такая.

— Работа такая! Я в химбыт перейду. Там чище и денежнее.

В это время за дверью раздался грохот. Лев открыл глаза, приподнялся. Койка громко заскрипела под его тяжестью.

— Что там, Воробьева?

— Наставили ведер! Ведер много, а я одна! На кой мне столько ведер!

Лев спрыгнул на пол, потянулся, огляделся, принюхался и вдруг решительно направился к двери. Он толкнул дверь плечом, и она распахнулась. Лев зашагал по коридору, потом свернул в застекленную галерею, соединяющую интернат со зданием школы.

Воробьева воевала с ведрами в кладовке. Она не видела, как открылась дверь и как вышел лев. Когда же вернулась в коридор с ведром и шваброй, льва уже не было. Только львиные следы отпечатались на мокром полу.

— Опять кто-то наследил! — вздохнула Воробьева.— Только вытерла — наследили. Не работа, а мука какая-то! — Ей и в голову не пришло, что эти следы принадлежали не кому-то из тех, кто никогда не вытирает ноги, а льву.

Лев медленно шагал по школе.

В классах шли обычные уроки: спрягали глаголы, доказывали теоремы, учились читать «мама-рама», слушали рассказ о походах Александра Македонского. И никто не знал, что в эту минуту обычный школьный коридор с чернильным пятном на паркете превратился в звериную тропу. Грозная и таинственная жизнь приближалась к классам. Стоит только открыть дверь в коридор! Но в школе шли уроки, и никому не приходило в голову открыть дверь.

Лев свернул за угол и стал подниматься по лестнице. Он не оглядывался. Только один раз на третьем этаже Кинг оглянулся. Он увидел невысокую худую женщину в стираном синем халате. В одной руке она держала ведро, в другой метлу. Женщина смотрела Кингу вслед и улыбалась. Прямо-таки сияла.

Одна дверь открылась, и в коридор выбежал маленький мальчик с красной октябрятской звездочкой. Увидев льва, мальчик тут же шмыгнул обратно в класс и, ухватившись двумя руками за ручку, стал держать дверь.

— Что с тобой, Алешин? — спросила учительница.

— Ничего,— ответил мальчик.— Там... лев.

Класс засмеялся.

— Сядь на место и перестань паясничать! — строго сказала учительница.

— А если он войдет? — спросил мальчик, продолжая держать дверь.

Учительница подошла к мальчику, взяла его за руку и отвела на место.

— В следующий раз не просись,— сказала она,— сиди и терпи, раз ты озорничаешь!

— Я не... я не...

В это время из коридора донесся львиный рык. Мальчик не договорил, учительница опустилась на парту рядом с ним.

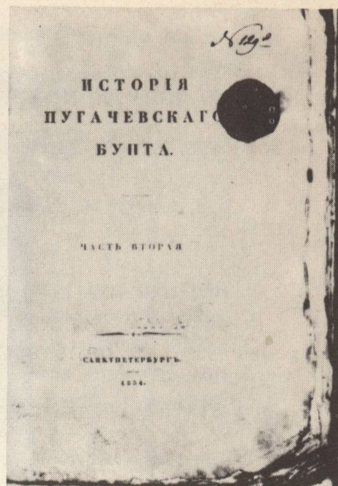
— Лев,— сказал октябренок.— Честное октябрятское, лев!

Кинг искал Рада по запаху, как собака-ищейка. Запах — невидимый след друга — вел Кинга в класс, в котором ребята писали сочинение. А молодой учитель с черной бородкой стоял у окна и смотрел вслед девушке с длинными волосами.

Кинг потянул дверь лапой. Дверь приоткрылась. Тогда он протиснулся в щель, дверь с шумом ударилась о стенку. Лев вошел в класс.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

Книга Пушкина о Пугачевском восстании впервые вышла в свет в 1834 году и называлась тогда по приказанию царя «История Пугачевского бунта». Вот первая страница этого издания и гравированный на стали портрет Емельяна Пугачева, напечатанный в этой книге.

Л. ЯХНИН

УЛИЦА МОЯ ТЕСНА

Когда Емельяна Пугачева, предводителя крестьянского восстания, привели связанного к екатерининскому вельможе графу Панину, тот назвал его вором.

— Я не ворон,—сказал Пугачев, будто и не расслышал слово «вор».— Я не ворон,— сказал он.— Я вороненок, а ворон-то еще летает!

Этот разговор происходил ровно двести лет назад — осенью 1774 года. Восставших крестьян усмирили, но народ не смирился. Вот о чем сказал графу Панину избитый, привязанный накрепко к телеге Пугачев.

Обо всем этом и о многом другом рассказал А. С. Пушкин в «Истории Пугачева», изданной в 1834 году. Трудно было решиться в то время писать историю народного восстания, историю человека, которого иначе, как вор и бунтовщик, не называли.

«Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги...»

Пушкин откинулся на высокую спинку стула, задумчиво покрутил в руке перо. Что написать жене? Как вместить все десять дней дороги, встреч с друзьями, усталости от бесконечной дорожной тряски и смены впечатлений?

Пушкин отложил перо, задумался. Давно зрел у него план этой поездки. Два года, как занят историческими изысканиями, добился от царя позволения работать в военном архиве Главного штаба. О Петре писать хотел. А как дело Пугачева в архиве раскопал, так и понял: через Пугачевскую смуту к Петру путь лежит. Это же история России! Да еще какая история.

Дознался, что есть еще секретные материалы дела, собственноручно запечатанные Екатериной Второй. Попытался до них добраться, но царь воспретил. После уж Пушкину передали его слова. «На что ему бумаги?—сказал Николай.—Извлечь скандальный материал, обесчестить память моей бабки? Ну нет! Пушкин может обойтись и без них».

Эти рисунки сделаны Пушкиным в конце 1833 года в Болдине и в Петербурге, когда он работал над рукописью «Истории Пугачева».
Крестьянин, очень похожий на Пугачева. Киргиз, который, может быть, встречался Пушкину во время его уральского путешествия.

Вот тут и появилась мысль поехать по местам восстания. Найти стариков, что еще помнят те смутные годы, а то и самого Пугачева. Но как добиться разрешения на поездку, когда Петербург для него царь превратил чуть ли не в место ссылки—на каждый выезд из города он обязан испрашивать «высочайшее дозволение». К тому же и нельзя открыть, что намерен писать о восстании Пугачева.

И тогда нашел объяснение поездки: желание писать роман, действие коего происходит большей частью в Оренбурге и Казани. Пушкин усмехнулся, вспомнив, с каким недоверием отнеслись в жандармском отделении к этой его хитрости...

Напишет он «Историю Пугачева», а там будь, что будет. Главное, что он в пути. Нижний Новгород только начало, дальше его ждут Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск. Места, которые еще дышат памятью о Пугачеве.

Пушкин взял перо, потрогал пальцем его высохший кончик, обмакнул в чернила и принялся быстро писать. Изредка он отрывался от письма, туманно чему-то улыбался.

Часы пробили шесть.

— Ого,— сказал Пушкин, оборотясь к часам,— опаздываю на обед к Бутурлину! Нельзя заставлять ждать губернатора. Губернаторы этого не любят.

Он посмотрел на письмо. Решил дописать после и устало потянулся, бросив руки на стол.

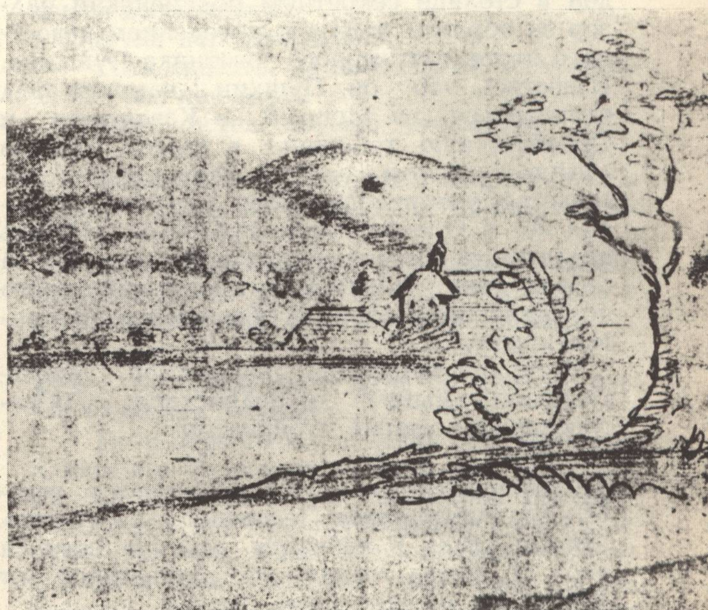
У нижегородского губернатора принимали его ласково. Стол был накрыт подомашнему, на троих. Сам хозяин, генерал Бутурлин беспрестанно улыбался, потчевал гостя и неумело заводил разговор о литературе. Пушкин с видимым простодушием отвечал ему.

— Так, так,— говорил Бутурлин,— значит, о государыне Екатерине Второй роман писать будете?

— Пожалуй, больше о Пугачеве...

— О бунтовщиках?!—перебил Бутурлин.— Помилуйте, что же вы нашли в этом грязном злодее? Да и кто читать-то будет?

— Вы правы. Литературе более пристало служить приятной утехой для дам,—ответил Пушкин, улыбнувшись в сторону хозяйки,—

«...Там, где вольный и отлогий
Путь над Волгою лежит...»
Холмистые речные берега близ Оренбурга.

но, согласитесь, нам труднее найти возвышенный предмет, чем Вальтер Скотту в истории английской.

Хозяин поспешил переменить тему. Конец обеда прошел в непринужденных разговорах о столичных новостях, о моде, о балах.

Провожая гостя до дверей, Бутурлин спросил:

— А куда же от нас далее последуете?

— В Оренбург, через Казань и Симбирск. Там, в Оренбурге, надеюсь много полезного для работы повидать и собрать,— ответил Пушкин.

— Я могу вам дать рекомендательное письмо к губернатору оренбургскому, Перовскому Василию Алексеевичу,—любезно предложил Бутурлин.

— Благодарю вас,— ответил Пушкин,—я с ним знаком.

На улицах было еще светло. Тьма прокралась лишь в узенькие грязноватые переулки с низкими домиками. Совершенно незаметно для себя Пушкин оказался на ярмарочной площади. Знаменитая Нижегородская ярмарка уже кончилась. Он ходил по опустелым лавкам. Лишенные ярких товаров, зычных голосов зазывал-приказчиков и шумной толпы зевак и покупателей, лавки являли грустное зрелище.

Пушкин невольно представил себе бальный разъезд. Кареты уехали. Швейцар провожает поклоном последних гостей. Шум утихает. Огни в доме гаснут. Пушкин вспомнил о недописанном письме и заспешил.

Тем временем генерал Бутурлин прошел в свой кабинет.

— Мне не мешать! Я занят!—властно крикнул он и опустился в точеное дубовое кресло. На большом листе гербовой бумаги размашисто написал:

«Оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому. С-Петербургский обер-полицмейстер уведомил меня, что был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина. Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить Ваше превосходительство, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведения его...»

Бутурлин перечитал написанное, удовлетворенно хмыкнул и подписался: «Нижегородский военный губернатор».

В загородном доме Оренбургского генерал-губернатора Перовского было тихо. Хозяин сидел в кабинете, закинув ногу за ногу, и читал только что прибывшую от Бутурлина официальную бумагу.

Читая, он хмурился и нервно постукивал пальцем о подлокотник кресла.

Вдруг в дальних комнатах раздался шум, захлопали двери. Вбежал мальчик, одетый в черкеску из верблюжьего сукна:

— Господин Пушкин изволил приехать!

— Изволил?— усмехнулся Перовский.— Ну, проси, проси.

Он выдвинул ящик стола, вложил туда бумагу и встал.

В дверях показался Пушкин, укутанный шарфом и в дорожной шубе и от этого неповоротливый. Полупьяный камердинер неуклюже пытался раздеть его.

— Осторожней, Гаврила, распеленовывай меня, а то мои бакенбарды на шарфе останутся,— проговорил Пушкин, сбрасывая шубу на руки Гавриле.

Оказавшись в сюртуке, плотно застегнутом на все пуговицы, Пушкин сделал шаг в комнату, легко наклонил голову.

— Здравствуй, Василий Алексеевич!

— Здравствуй, Пушкин,— сказал Перовский и протянул руку.

— Не ожидал?

— Ожидал.

— Вот те на!— Пушкин удивленно взглянул на Перовского.—Каким образом?

Перовский покосился на ящик стола.

— Да так, — уклончиво ответил он,— слухи впереди тебя бегут. А у тебя усы?

— Ус да борода — молодцу похвала. Выйду на улицу, дядюшкой зовут.— Пушкин коротко засмеялся. Уселся в кресло, вытянул ноги, сладко зажмурился.—Устал с дороги,— сказал он, словно извиняясь.

— Где ты остановился?— быстро спросил Перовский.— Нигде? Значит, пока у меня будешь. Сейчас я тебя устрою. Верхний этаж у меня бревенчатый, теплый.

Он стал отдавать распоряжения. Засновали по дому люди. Пушкин с наслаждением отдался на волю гостеприимного хозяина.

Наутро отдохнувший подвижный Пушкин сидел за столом с Перовским, пил кофе, весело болтал.

— Поверишь, Василий Алексеевич, еле добрался,—говорил он.—Только выехал из Симбирска на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Дорого бы я дал, чтобы его затравить! На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил ехать другой дорогой, где лошадей на станциях побольше. Повезли меня—я заснул. Просыпаюсь утром—что же? Не отъехали и пяти верст. Гора—лошади не везут, около меня человек двадцать мужиков, коляску толкают. Черт знает как бог помог—наконец взъехали мы...

— Да!—перебил он сам себя.—Я тут послал справиться насчет Даля Владимира Ивановича. Не приходил он?

— Доктор Даль?—переспросил Перовский.

— Доктор-то доктор, да и сказочник чудесный! Он меня обещал в Бердинскую станицу свозить. Хочу столицу Пугачева посмотреть. Старух да стариков порасспросить. А вот и он!

Пушкин бросился к вошедшему Далю, затормошил его, заторопил.

— Заждался я вас, Владимир Иванович. Ну, поехали, поехали, а то и день кончится.

— Дайте посмотреть на вас, Александр Сергеевич, ведь год не виделись,— смущенно проговорил Даль, радуясь встрече.

— Вот в дороге и поговорим,— ответил Пушкин и повернулся к Перовскому.—Хозяин, надеюсь, извинит нас?

Перовский развел руками.

— Да уж не на меня же ты приехал смотреть! А господина Даля думаю видеть еще в своем доме.

Даль в ответ вежливо поклонился и вышел вслед за Пушкиным.

В коляске сидели два человека с ружьями и в высоких охотничьих сапогах. Пушкин удивленно оглядел их.

— Это приятели мои, Александр Сергеевич,— поспешил объяснить Даль,— страстные охотники. Да и я вот ружье прихватил.

— Уж и не знаю, будет ли у нас время на охоту,— недовольно проговорил Пушкин.

Отъехали в молчании. Дорога была пустынной. Снег еще не выпал, но уже крепко подморозило.

— Однако ж сентябрь нынче выдался холодный,— заговорил один из спутников.

Пушкин промолчал. Даль стал показывать ему места, по рассказам очевидцев и по преданиям, связанные с Пугачевым. Георгиевскую колокольню, куда Пугачев поднял было пушку, чтобы обстреливать город. Остатки земляных работ между Орскими и Сакмарскими воротами. Рощу, откуда он пытался ворваться по льду в крепость.

Постепенно Пушкин оживился, поглядывая то вправо, то влево, следя за рассказом Даля.

— Эх, Александр Сергеевич,—говорил Даль.— Приехать бы вам годом раньше, я бы священника одного показал.

— Эка невидаль— священник,— рассмеялся Пушкин.

— Так тот священник мальчишкой при осаде Оренбурга был. Запомнил я такой анекдот о нем. Пугач как-то сделал несколько выстрелов в город. Да вместо картечи зарядил пушки пятаками. А мальчишки бросились подбирать. Потом отец, тоже священник был, так высек сына, что он до самой смерти помнил эти пугачевские пятаки.

Пушкин расхохотался. Обогнули овраг и въехали в деревню Берды, весело разговаривая. Пушкин первый выскочил из коляски, подозвал какую-то девчонку.

— Где тут староста или главный кто-нибудь?

— Да ведь пора рабочая. Казаков дома ни души,— по-взрослому ответила девочка.

— А про Пугачева у вас помнят? — спросил Пушкин.

— А как же!—Девочка указала рукой куда-то поверх ближайших изб.— Вон там его золотой дворец стоял.

— Дворец?— переспросил Пушкин.

Даль рассмеялся.

— Изба у него была, обшитая латунью. А он ее золотыми палатами окрестил.

— Да вы зайдите к Бунтовым. Ихняя старуха сама Пугачева видала,—бойко продолжала девочка, ничуть не обидевшись смехом приезжих.

В сенях их встретила сухая, еще крепкая старуха. Она проводила их в комнату. Усадила к столу, с неудовольствием поглядывая на Пушкина, который сел и вытащил записную книжку.

Пушкин спрашивал. Старуха нехотя отвечала. Потом, найдя в нем внимательного слушателя, разохотилась, говорила без умолку. Пушкин быстро-быстро черкал в книжечке карандашом, не поднимая головы. Вдруг встрепенулся, вскочил с места.

— Постой-постой,— сказал он,— ты, кажется, песню какую-то проговорила.

— Пропела, милый мой,— обиженно сказала старуха,— я еще голос свой не потеряла.

— Ну, так пропой ее, бабушка, еще раз,— попросил Пушкин.

Из Гурьева городка
Протекала кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один...—

речитативом проговорила старуха.

Пушкин записывал поперек листа, стараясь поспеть за ней.

«Протекала кровью река»,— прошептал он.

— Скажи, бабушка, добром ли у вас Пугачева вспоминают?

Старуха перекрестилась.

— Грех сказать, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал.

Пушкин встал, шумно отодвинул табуретку.

— Спасибо тебе, бабушка, за рассказы и песни,—сказал он и положил на стол червонец.

Старуха, покосившись на червонец, проводила гостей до двери. Коляска тронулась с места и прогромыхала на край станицы.

На следующий день Даль со смехом рассказывал Пушкину:

— Ну и переполоху наделал ваш червонец, Александр Сергеевич! Казаки, как про наше посещение узнали, так снарядили подводу, посадили в нее старуху Бунтову да в Оренбург. «Так, мол, и так, вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом

смуглый. Подбивал под пугачевщину и дарил золотом». И червонец показывают. Старуха, та совсем напугана. «На иконы,—говорит,—не перекрестился, шапку не снял, ногти во! Истинный антихрист! Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову!»

Пушкин взъерошил волосы, смешно выпятил губы, сверкнул зубами.

— А я и впрямь черт! А? Похож? — Он засмеялся коротким гортанным смехом.— Да, так и в бунтовщики угодишь. А до его сиятельства графа Бенкендорфа дойдет — не оправдаешься!

Перовский, бывший при разговоре, поморщился, невольно вспомнил про письмо Бутурлина, запертое в ящике стола...

После отъезда Пушкина Перовский вынул секретное отношение нижегородского губернатора и сделал наискосок листа пометку: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то тем я лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий».

Пушкин тем временем, ничего не ведая, в старом болдинском домике весь погрузился в работу. Писал он по н чам. Все в доме спали, на селе тоже. Работа в эту осень шла медленно. Усталость и какое-то неясное беспокойство отрывали от рукописи.

То же самое было и этой ночью. «Старам стала и умом плохам»,— вспомнил Пушкин слова одного казанского татарина.

Он встал, вышел на крыльцо. Легкий туман оседал за пригорком над рекой. Ночной осенний холод охватил его. Пушкин зябко поежился, вернулся в дом, накинул бекешку и направился к конюшне. Вывел коня, вспрыгнул в седло и выехал со двора.

С голого, без единого деревца холма по ту сторону реки виднелась деревенька. Низкие соломенные крыши отливали лунным серебром. А дальше была степь. И вокруг степь. Только где-то сбоку, ближе к реке, темным пятном проступала Кистеневская роща. Пушкин направил коня в сторону рощи.

Мерно покачиваясь в седле, он почувствовал, как на него нахлынуло спокойствие.

«Что за прелесть здешняя деревня,— подумал Пушкин,— степь да степь, езди верхом сколько душе угодно. Никто не помешает. Вот и под Оренбургом такие же степи.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши»,—

всплыли в памяти записанные под Оренбургом строки.

...Даль был прав, когда восхищался этой глухой, заброшенной стороной. А какие сказки он там записал! Прелесть! Обязательно пошлю ему свою сказку...».

Пушкин вспомнил только что оконченную сказку о золотой рыбке и, довольный, рассмеялся. Смех получился легкий, счастливый.

— Чего тебе надобно, старче! — громко в ночь сказал Пушкин.

Конь покосился на седока и недовольно прибавил шагу.

Пушкин снова окунулся в свои мысли.

Чего тебе надобно, старче?.. Что мне, действительно, надобно? Вот Пугачевым занялся. А пропустит ли царь? Ведь он не истории ждет, а «романа на манер Вальтер Скотта». Пушкин усмехнулся, припомнив эту приписку царя к рукописи «Бориса Годунова».

Как это Пугачев говорил? «Улица моя тесна». Да, тесна моя улица. Все изворачивайся, чтобы на рогатину не наскочить. Шагу свободно, по своей воле не ступишь. В архивы пускают с высочайшего дозволения, печатают с высочайшего дозволения. Верно, и умереть смогу не иначе, как с высочайшего дозволения. Эх, Пушкин, Пушкин, узка твоя улица, у́же некуда!

Роща, неожиданно явившаяся из-за холма, была погружена в полное безмолвие. Холодный прозрачный воздух и мерцающие лунные отблески превратили ее в плоский алебастровый узор. Ветви переплелись со своими неподвижными тенями. Странное и неприятное чувство вызывали эти окоченевшие кусты и деревья. Пушкин резко поворотил коня.

Дом встретил его все тем же безмолвием. Низкий конек деревянной крыши был резко очерчен на фоне светлого неба. Темные окна словно уменьшились в размерах. И вдруг Пушкину захотелось скорее войти в дом, зажечь свет, шуметь, говорить вслух.

— Няня, няня,— сказал он,— милая моя старушка! Как жаль, что тебя уже нет! И как мне без тебя одиноко!

Он прошел к себе в комнату, подошел к столу. Задумался, машинально перебирая разбросанные тут рукописные листы, складывая их в стопку. Вдруг наткнулся на черновик своего письма к Бенкендорфу.

«Я думал некогда написать исторический роман, относящийся к временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю Пугачевщины... Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для Его Величества...»

Вот оно, главное. Вот что его беспокоило все время, не уходило ни на минуту, подспудно возникало и настойчиво впутывалось во все его мысли. Что будет с «Историей Пугачева»? Как провести ее в печать?

Бал у графа Бобринского, как всегда, был одним из самых блистательных в Петер-

бурге. Залы сверкали от обилия свечей, их пылающие отблески золотили бронзовые люстры. Музыка гремела беспрестанно.

Быстрый французский говор проносился по залу. Пушкин стоял у колонны, изредка окидывая хмурым взглядом оживленную толпу. Балов он не любил: на балах ему бывало скучно.

— Неволя, неволя—боярский двор. Стоя наешься, сидя наспишься,— прошептал Пушкин.

Сегодняшнего бала избежать не удалось: ненавистное камер-юнкерство, пожалованное ему недели три тому назад, обязывало быть на балах и раутах с присутствием государя. Тридцатипятилетний Пушкин тяготился и этим званием, более приличным юному искателю придворных отличий, и обязанностями, им налагаемыми. Царская милость была унизительна.

Каждый раз, вспоминая об этом, Пушкин приходил в бешенство. И сейчас он, казалось, ловил чьи-то быстрые насмешливые взгляды. Вдруг рядом с ним оказался царь. Пушкин оторвался от колонны, сделал почтительный полушаг навстречу.

Николай помедлил, ожидая положенного каскада благодарностей за милостивое назначение в придворное звание. Пушкин молчал. Царь сжал губы. Остановившаяся несколько поодаль с двумя своими фрейлинами царица Александра Федоровна, прервав напряженное молчание, подошла с вопросом:

— Куда ездили летом?

— В Оренбург и Казань, ваше императорское величество,—ответил Пушкин, покосив глазом в сторону Николая.

— Генерала Перовского, надеюсь, посетили? Как он?—И, не дожидаясь ответа, добавила:—Милейший человек, честный и преданный. Да, а чем же вы там занимались?

— Пугачевым, ваше императорское величество,— ответил Пушкин с легким поклоном.

Николай усмехнулся.

— Жаль, я не знал, что ты им интересуешься. Я бы тебя познакомил с его сестрицей,—последнее слово он произнес с язвительной иронией. Она тому три недели умерла в крепости.

— В крепости? С 1774 года?

— Что ж, она жила там на свободе.

Николай резко повернулся и пошел прочь.

— Шестьдесят лет в крепости! — прошептал Пушкин.

Спустя несколько дней прибыло приглашение от графа Бенкендорфа. Шеф жандармов и тайной полиции просил явиться в канцелярию III отделения не позднее трех часов дня.

Обычно любезный и словоохотливый, граф встретил Пушкина холодно. Разговор был недолгий. Он выдвинул ящик стола, подал Пушкину толстую папку.

— Государь соизволил поручить мне объявить его высочайшее разрешение на печатание вашей рукописи.

Пушкин взял из его рук папку, нетерпеливо раскрыл ее. На первой странице, поверх заголовка «История Пугачева», перечеркнутого красными чернилами, рукою царя было размашисто написано: «История Пугачевского бунта».

— Весьма признателен,— сказал Пушкин.

Домой он отправился пешком. Решил пройтись по Невскому. Шел медленно. Проспект в этот час был немноголюден. Сухой январский ветер гнал прямо под ноги белые полосы снежной поземки.

За Полицейским мостом показалась карета. Над ней мерно колыхался высокий султан. Ехал царь. Лошади двигались не спеша, высоко поднимая тонкие ноги. Редкие прохожие останавливались, снимали шляпы. Пушкин тоже остановился.

Вдруг из коляски высунулась треуголка Николая.

— Bonjour, Pouchkine! — отчетливо сказал царь.

— Bonjour, Sire — тотчас ответил Пушкин.

И тут же осекся: следовало молча поклониться. Какой-то чиновник испуганно взглянул вслед карете, потом с любопытством стал разглядывать Пушкина.

Николай задернул занавески. Встреча с Пушкиным нарушила его благодушное настроение. Трудно понять этого строптивца, который все делает во вред себе. Допустил его в архивы. Этот беспутный поэт со временем мог бы стать официальным историографом двора. А он занялся историей бунта. Министр народного просвещения граф Уваров назвал его «Историю Пугачева» возмутительным сочинением. Действительно, не такая уж это невинная затея, как могло показаться.

Все, что исходит от Пушкина, приносит неясное беспокойство. Вот Карамзин. Ему брат Александр дал полную свободу и доверенность. И что же? Написал всю историю государства — и ни одной строки возмутительной. А Пушкин...

Николай сделал безотчетное движение к заднему окошку кареты. Пушкин стоял все так же со шляпой в руке, но вслед государевой карете не смотрел. Царь отвернулся. Карета, мягко покачиваясь на рессорах, покатилась дальше по Невскому проспекту. Негустая толпа быстро растаяла.

Пушкин взглянул на папку с рукописью, зажатую под мышкой. «История Пугачевского бунта»,— подумал он.— Пусть так. А все же не так уж и плохи, брат, твои дела.— Он усмехнулся.— Видишь, царь с тобой запанибрата. И «Пугачева» разрешил печатать. Не ожидал от него? Да, что из этого получится, неизвестно, а пока сердце в груди кувыркается то так,

то пятак,

то денежка!»

Рисунок Г. ЧЕЛОВЕЧКОВА.

Спросите меня!

Он руку над партою тянет и тянет.
Неужто никто на него и не взглянет?
Он весь — нетерпенье: «Спросите меня!»
Как будто, загнав по дороге коня,
Сюда он примчался со срочным пакетом,
Со срочным пакетом и точным ответом.
Не нужно отметок в журнал и в дневник.
Довольно того, что он в тайну проник,
Что чудо свершилось,
Задача решилась...
Спросите, пожалуйста! Сделайте милость!

✻

Активист

Вот жизнь! Куда ни заявись,
И сразу видно: активист!

Бывало, в лагерь попадешь,
Со всеми станешь в ряд.
День-два, и ты уже ведешь
Свой пионеротряд.

Чужая школа. Новый класс.
День-два, и ты открыт.
«Он будет старостой у нас!»—
Собранье говорит.

И государственные сны
В то время снились мне:
Я дважды видел до войны
Калинина во сне!

✻

Уроки

Учил уроки. Повторял уроки.
Уроки сделав, на уроки мчал.
Как слушал я уроки на уроке!
Как у доски уроки отвечал!
А заслужив укоры иль упреки,
Я тут же извлекал из них уроки.

За педагогом следовал я взглядом.
Меня не отвлекало ничего.
А кто тогда сидел за партой рядом,
Пусть он простит, не слышал я его.
Ученье... Человеком правят страсти,
А я у этой страсти был во власти.

В любом из нас сидит школяр-невольник,
Боящийся, что вызовут к доске.
В любом из нас живет веселый школьник,
Чертящий теоремы на песке.
За школьный дух без примеси школярства,
Как за коня, готов отдать полцарства!

Вот чудеса!

Вадиму Прохоркину

О как с тобой мечтали мы когда-то!
Их было столько, замыслов и грез,
Что, может быть, по тысяче на брата
Мечтаний тех исполнилось всерьез,
Хоть их не сразу в памяти находишь...
Вот, например: ты—бравый офицер.
Немецкий знаешь, сам машину водишь,
Имеешь настоящий револьвер.
А то, о чем мечтал я, как о чуде,—
Вот чудеса!— исполнилось давно:
Книг в доме у меня полным-полно,
Купался в море, ездил на верблюде
И на любой сеанс хожу в кино.

✻

Дремучий лес

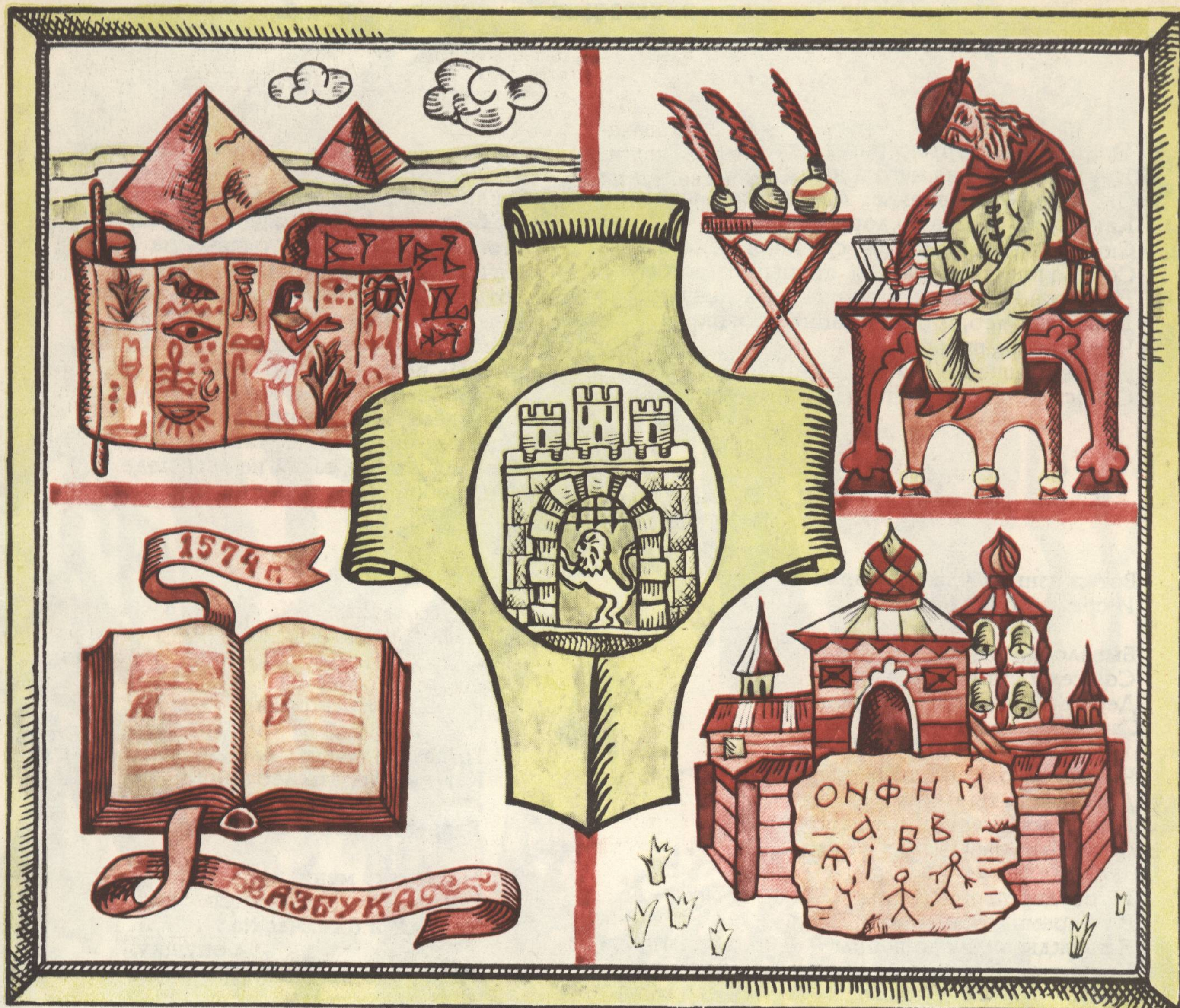
Уж если со мной он
не дружит,
Тогда отпустил бы домой...
Как вышло, что лес меня
кружит?
Ведь я же хожу по прямой!

Но вертит меня, как игрушку,
Несметное множество рук.
Эх, выйти б сейчас на
опушку,
Услышать бы трактора стук!

Прости меня, лес, и не мучай
За то, что я сбился с пути.
Большой, незнакомый,
дремучий...
Поймал, поиграл — отпусти!

Вот девчонка грибы собирает
с отцом.
Прохожу мимо них, и гляжу
молодцом,
И молчу... А спросить бы
не худо,
Как мне выбраться нынче
отсюда.

Я, пожалуй, еще погуляю в
лесу,
Не пустую корзинку домой
принесу,
Да и тем,
Что в лесу заблудился,
Я еще не совсем
Насладился!

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

Букварю — 400 лет

Когда-то люди высекали слова на камнях. В Древней Греции, Египте и Вавилоне школьной тетрадкой служила гладкая земляная площадка или влажные глиняные таблички. Глиняный букварь весил бы, наверное, килограммов пятьдесят! Но в ту пору учебников домой не носили, глиняные таблички хранились в школе, а ученики приходили туда ранним утром и уходили к ночи.

Позднее стали писать на папирусе и пергаменте. В средневековом Новгороде писали на бересте. Во время раскопок археологи нашли берестяную тетрадь мальчика по имени Онфим. Он переписывал в эту тетрадку азбуку и рисовал человечков...

Первые печатные книги

Только в XV веке пришел черед книгопечатания. Нелегко было печатать первые книги. Все слова и рисунки вырезали на доске, но не так, как мы их читаем, а как бы отраженными в зеркале. Потом на доску наносили краску, прикладывали к бумаге, и на листе получался правильный оттиск страницы.

Позднее, в 40-х годах XV века, немецкий изобретатель Иоганн Гутенберг придумал наборный шрифт, который можно было использовать много раз. Буквы вырезались не на одной доске, а каждая на отдельном брусочке. Отпечатал одну книгу, разбери набор, рассортируй и набирай новую...

Трудно назвать более важное изобретение в истории человечества! Если раньше книгу переписывали от руки, она существовала в единственном экземпляре и стоила невероятно дорого, то теперь можно было печатать много книг, и они стали гораздо дешевле.

Государев печатный двор в Москве

Иван Грозный пытался выписать из-за границы мастеров печатного дела. Однако другим государствам было невыгодно, чтобы большая, сильная страна стала еще и страной грамотной. Мастера в Россию так и не прибыли.

И все же в Москве в 1563 году была открыта первая типография — Государев печатный двор. По поручению Ивана IV за дело книгопечатания взялся Иван Федоров. Видимо, это был образованный и знающий человек, если такое важное дело было поручено ему. Первыми книгами, напечатанными в России, были книги церковные.

Однако вскоре Иван Федоров отправился в Польшу. В ту пору в состав Польского государства входила часть украинских и белорусских земель. Ученые долго терялись в догадках: почему он уехал? Сам Федоров в предисловии к «Апостолу», изданному уже во Львове, писал, что вели с ним борьбу «духовные начальники». Долгое время и это было непонятно. Считалось, что Иван Федоров издавал только церковные книги. Казалось бы, это должно было радовать духовенство: нужные церкви книги издаются в типографии большими тиражами...

Долгое время причины отъезда Ивана Федорова из Москвы оставались неизвестными. Тем более, что книги светского, нецерковного содержания стали печатать в России гораздо позже, много лет спустя после смерти Ивана Федорова — так до недавнего времени считали ученые. Он умер во Львове в 1583 году, а первая русская «Азбука», составленная Василием Бурцевым, была напечатана в Москве лишь в 1634 году.

Этот портрет Ивана Федорова нарисовал неизвестный художник XIX века. В левом верхнем углу — печатный знак Ивана Федорова, который стоял на всех его книгах.

«Львовская Азбука»

И вот в двадцатых годах нашего столетия в Риме была найдена небольшая книжка — «Грамматика» («Львовская Азбука»), изданная в 1574 году с друкарской маркой Ивана Федо-

Титульный лист «Грамматики» Ивана Федорова. Посмотри, азбука того времени как будто похожа на нашу. Но есть здесь, особенно в конце, и незнакомые для тебя, умершие буквы. Самая последняя называлась «ижицей», крайний справа в следующем ряду — «юс», над ним — «фита».

рова. Тогда многие печатники-друкари имели свои марки-гербы. Их ставили в конце книги, как мы теперь ставим свою подпись на письме.

На последней странице «Грамматики» два рисунка. На одном из них — герб города Львова, второй — печатный знак Ивана Федорова. Этот знак стоит на всех его книгах. Он напоминает щит, а на щите буквы: «И О А Н».

В послесловии к «Грамматике» Иван Федоров так представил читателю свою работу:

«Не от себя написал это немногое, но от учения божественных апостолов и богоносных отцов и от грамматики преподобного отца Иоанна Дамаскина, сократив до малого, сложил для скорого обучения детей. И если труды мои окажутся достойными вашей милости, примите их с любовью. А я охотно готов потрудиться и над другими угодными вам книгами, если даст бог по вашим святым молитвам. Аминь».

В «Львовской Азбуке» восемьдесят страниц. На титульном листе — все буквы русского алфавита того времени. По первым буквам — «Аз» и «Буки» — книга и получила свое название. После алфавита — таблицы слогов, спряжения. На примерах показано, как меняется значение слова в зависимости от ударения. Букварь заключают молитвы и изречения о пользе грамотности и воспитания.

Подвиг печатника

Не так давно, уже в наши дни, удалось найти еще одно издание «Грамматики» Федорова. Оно вышло в свет через четыре года после первого.

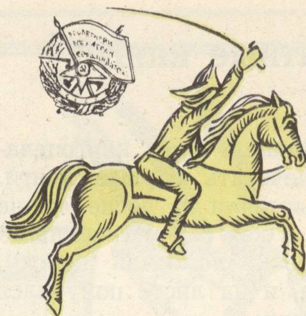
Стало ясно, что Иван Федоров выпускал не только церковные книги. Есть предположение, что он намеревался открыть во Львове русские школы (на территории Польши тогда было много русских). Иван Федоров понимал, что только образование сделает Россию сильной и процветающей. А начинается образование с «Азбуки»...

Так вот почему Федорову пришлось уехать из Москвы! Его настойчивое стремление обучить грамоте народ не могло понравиться духовенству. Его желание печатать «Буквари» и «Грамматики», а не только церковные книги вызвало ярость митрополита и его приближенных. Это и заставило Федорова уехать в Польшу. Он жил в Заблудове, Львове, Остроге и всюду устраивал типографии и выпускал русские книги.

Федоров не сумел сделать всего, что задумал. Но он первым стал выпускать книги для просвещения русского народа. И в этом подвиг Ивана Федорова.

Вот почему день 8 сентября можно назвать Днем русского букваря. Именно 8 сентября 1574 года во Львове, в одной из келий Онуфриевского монастыря, было закончено печатание «Грамматики»...

Г. ДУБРОВСКАЯ

Звезда красноармейца

На улице Горького ломали старые дома. Разбирали ветхие крыши, обрушивали облупившиеся стены. Бульдозер осторожно сгребал в кучу обломки кирпича, глины, стекла, прелых досок, а маленький желтый трактор с ковшом грузил мусор в кузова грузовиков.

Там среди щебня Сережа Анисимов и нашел маленькую пятиконечную звезду. Он положил ее на ладонь. Она была очень старой — краска облупилась, осыпалась. На концах лучей просверлены дырочки. Наверное, когда-то она была пришита к головному убору. Но, главное, в середине ребята разглядели молот и плуг. Решили отнести звездочку в краеведческий музей.

В музее школьников похвалили — находка оказалась редкой и интересной. Вот что рассказали ребятам сотрудники музея:

— Пятиконечная звезда с изображением молота и плуга — знак Красной Армии, введенный весной 1918 года. Вскоре после Октябрьской революции были отменены все царские знаки, медали и ордена. Первое время красноармейцы носили на рукаве или папахе кумачовую ленту. В январе 1918 года В. И. Лениным был подписан декрет об организации Красной Армии и весной учрежден первый знак отличия — пятиконечная звезда.

В листовке военного отдела Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов так рассказывалось об этой эмблеме:

«Почему Красная Армия носит красную звезду? Потому что каждая армия носит изображение того, чему она служит. Что такое изображала кокарда старой армии? Она изображала ленту из царского флага и обозначала то, что солдат служит царю. На красноармейской звезде изображены плуг и молот. Плуг — пахаря-мужика, молот — молотобойца-рабочего. Это значит, что Красная Армия борется за то, чтобы звезда правды светила пахарю-мужику и молотобойцу-рабочему, чтобы для них была воля и доля, отдых и хлеб».

В сентябре 1918 года был учрежден первый боевой орден Советской республики — орден Красного Знамени. Красноармейская звезда с молотом и плугом как часть вошла в первый орден республики.

В. ЧЕСНОК,
г. Ростов-на-Дону

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Итак, жюри закончило свою работу. **Двенадцать снимков оказались лучшими из многих сотен, присланных на наш конкурс.** По мнению жюри, все двенадцать работ в одинаковой степени заслуживают хорошей оценки. Снимки говорят и о сильных и о слабых сторонах юных фотолюбителей. Еще год назад мы бы не получили так много хороших фотографий из разных уголков страны. «Летописцы» неплохо освоили за это время азбуку фотоискусства, ее основы. Но настоящие высоты фотомастерства у многих еще впереди.

Жюри приняло такое решение: в этом году первые премии не присуждать. **Конкурс «Школьная летопись» продолжить до 1 июня 1975 года.** В связи с тем, что все наши победители — члены фотокружков, в будущем году устанавливаются **две первые премии:** одна — для членов фотоколлективов, другая — для тех, кто не занимается в кружках.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛУЧШИХ

Итоги фотоконкурса «Школьная летопись»

Впереди много времени. Можно успеть обработать летние снимки, провести в школах и кружках свои конкурсы и лучшие работы прислать в «Пионер». По решению жюри в будущем году **премия за самый веселый снимок сохраняется.**

А теперь о призерах фотоконкурса «Школьная летопись-74».

«Почетный караул». Владимир Бобов, фотокружок Дома пионеров, г. Рубцовск, Алтайского края.

Пленка 65 ед., диафрагма 5,6, выдержка 1/500 сек.

Снимок красивый и торжественный, но если бы Владимир немного срезал его слева (столб

Владимир точно применил короткую выдержку — иначе не схватишь быстрое движение. Видимо, освещение было слабое, поэтому понадобилась пленка большой чувствительности. Если такой пленки нет, можно выбрать диафрагму 5,6; 4; 3,5; 2,8. Но учтите — уменьшится глубина резкости.

«Субботник». Михаил Соловьев, фотокружок городского Дома пионеров, г. Томск.

Пленка 65 ед., диафрагма 4, выдержка 1/60 сек.

Снимок получился выразительный, с хорошим крупным планом, хотя и делался в пасмурную погоду. Пожалуй, следовало взять более чувствитель-

и деревья), работа стала бы динамичнее и выразительнее. Не совсем оправдана короткая выдержка — движения-то на снимке нет! Можно было дать 1/250 сек., 1/125 сек., тогда диафрагма была бы 8 или 11 и увеличилась глубина резкости. Слишком крупный план и отсутствие фона (пионерского строя сзади или сбоку) уменьшают достоинства снимка.

«Смена на смотре». Олег Ермаков, фотокружок Дома пионеров, г. Борисоглебск, Воронежской области.

Пленка 65 ед., диафрагма 8, выдержка 1/125 сек.

Торжественный шаг ребят и волнение взрослых хорошо переданы на снимке. Наш совет: точнее выбирай точку съемки, если фотографируешь общий план без широкоугольного объектива (такой объектив позволяет снимать с близкого расстояния и получать широкую панораму). А здесь много зрителей и лишь начало строя пионеров.

«Жонглер». Василий Трофимов, фотостудия Клуба юных техников, г. Красногорск, Московской области.

Пленка 250 ед., диафрагма 4, выдержка 1/30 сек.

Снимок точно передает мимолетное движение, удачно схвачена забавная ситуация. Вполне оправдан нерезкий общий план — обычно он получается случайно или при плохой наводке на резкость.

«Велогонщики». Владимир Кияница, фотокружок Дома пионеров, г. Батайск, Ростовской области.

Пленка 130 ед., диафрагма 8, выдержка 1/500 сек.

ную пленку (130 ед.) и увеличить глубину резкости, ставя диафрагму 5,6 или 8. На фотобумаге № 4 и № 5 снимок получился бы более контрастным. Неплохо было бы увеличить пространство на снимке и показать часть двора, изменив точку съемки, например, снять сверху.

«Очень вкусно». Наташа Петрова, фотокружок Дома пионеров, г. Псков.

Пленка 65 ед., диафрагма 5,6, выдержка 1/60 сек.

Снимок живой и веселый. Совет Наташе: снимать так, чтобы тебя не видели, не смотрели в объектив. Если снимок немного обрезать слева и внизу, он станет насыщеннее и выразительнее.

«На этюдах». Александр Никишкин, фотокружок Дома пионеров Невского района, г. Ленинград.

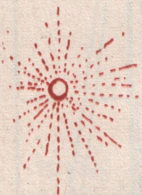
Пленка 65 ед., диафрагма 5,6, выдержка 1/250 сек.

Снимок выгодно отличается от остальных — снят против света. В нем есть сосредоточенность и даже таинственность, передающая состояние художников.

«Делай, как я». Игорь Зеленецкий, фотокружок Дворца пионеров и школьников имени П. П. Постышева, г. Харьков.

Пленка 250 ед., диафрагма 3,5, выдержка 1/60 сек.

Очень славный снимок, но и его следовало бы точнее кадрировать и девочку в центре снять во весь рост. Жаль, что снимок обрезан снизу.

«Из пионерского металла». Александр Янин, фотокружок Дворца пионеров и школьников имени П. П. Постышева, г. Харьков.

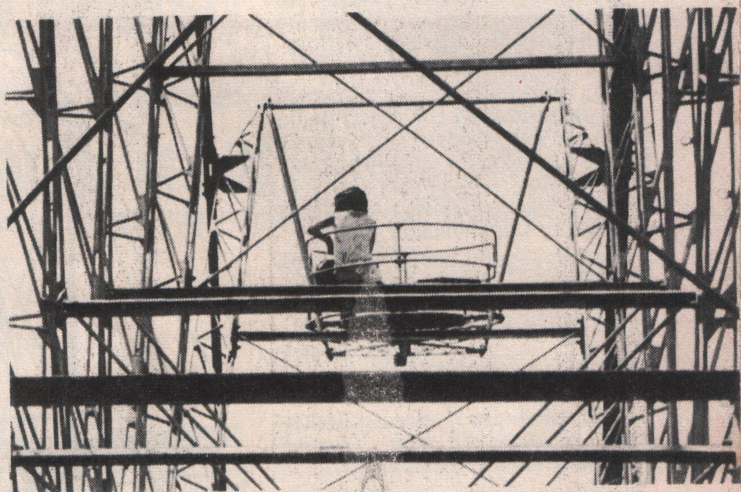
Пленка 65 ед., диафрагма 11, выдержка 1/160 сек.

Здесь очень точно выбрана диафрагма, и все машины получились резко, отчетливо. Диафрагма 5,6 этого не дала бы — резкими были бы только первые два трактора.

«На спектакле». Виктор Иванов, фотокружок Дома пионеров, г. Псков.

Пленка 130 ед., диафрагма 8, выдержка 1/30 сек.

Снимок сделан с фотовспышкой. Обычно при этом исчезает глубина резкости, снимок получается плоским, так как свет распределяется неравномерно. Контраст можно ослабить при печатании снимка на фотобума-

ге № 2. И все же снимок очень хорош своим настроением, энергией, задором!

«Геометрия высоты». Юрий Коверзнев, фотостудия Дворца пионеров, г. Симферополь.

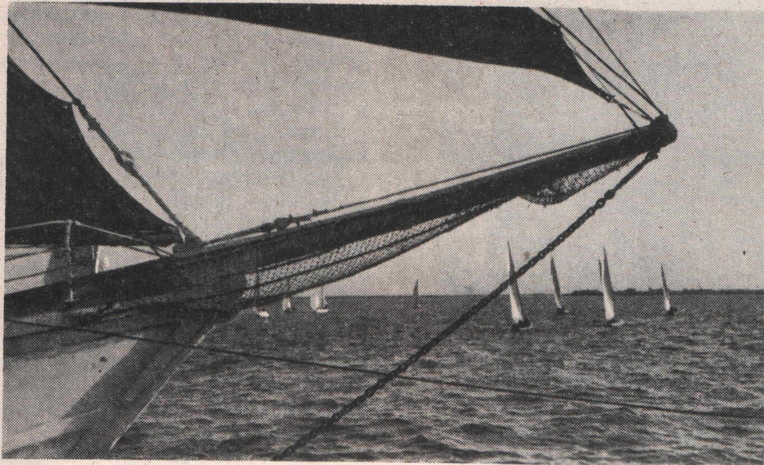
Пленка 65 ед., диафрагма 8, выдержка 1/250 сек.

Работа привлекает интересным графическим решением. Юрий увидел и передал красоту четких конструкций на фоне светлого, безоблачного неба.

«На просторах Северной Двины». Лена Белова, фотокружок «Беломорец» Дворца пионеров имени П. И. Галушина, г. Архангельск.

Пленка 65 ед., диафрагма 11, выдержка 1/60 сек.

Выразительно передано стремительное движение яхт, летящих по ветру. Корма судна, его оснастка, взятые крупным планом, как бы приближают нас к участникам соревнований.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Каждый получит книгу по фотоискусству и юбилейный значок «50 лет «Пионеру».

Премия за самый веселый снимок присуждается Василию Трофимову за работу «Жонглер». Согласны?

Вот еще несколько адресов, где интересно работают наши читатели-фотолюбители (хотя они и не стали в этом году победителями):

фотокружок Дома пионеров г. Выкса, Горьковской обл.

фотокружок Дворца пионеров г. Губкина, Белгородской обл.

Саша Шебалин, пос. Санчурск, Кировской обл.

Саша Волков, р. п. Новый Зай, Татарской АССР.

Света Саркисова, г. Ташкент.

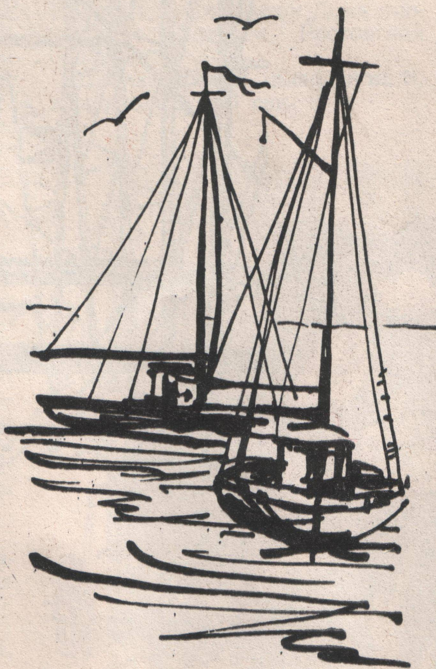
Е. Житарев, пос. Львовский, Московской обл.

Юра Севрюгин, Москва.

Внимание, юные защитники природы!

Фотоконкурс «Родная природа» продолжается (условия в № 1 за 1974 год). Снимки можно присылать до конца сентября.

Фотоуроки «Пионера» продолжаются!

Рисунки А. АЛЕКСЕЕВА.

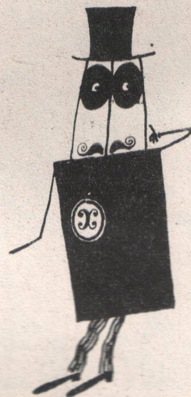
Разминка после лета

ЗЕТ. С новым учебным годом, коллеги! Что это написано на доске?

Мяжя Дяма клёнгё бряшэд,
Юлёмыря ф лэщгю нащыг.
Дыжэ, Дямэщгя, мэ брящъ,
Мэ юдёмэд ф лэщгэ нащ.

Непонятно, но чувствуется нечто знакомое...

ИКС. Это шифр. Над ним недавно ломали голову шестиклассники Юношеской математической школы Ленинградского университета. Буквы здесь разбиты на пары, и каждая заменена на другую, составляющую с ней пару. Расшифруйте это четверостишие.

ЗЕТ. В Ленинграде любят математику! Ровно сорок лет назад, в 1934 году, ленинградские школьники участвовали в первой в стране математической олимпиаде. А сейчас в олимпиадах по всей стране участвуют сотни тысяч ребят!

ИКС. В этом году ленинградские школьники отмечают еще один математический юбилей. Десять лет назад в 30-й школе прошел первый математический бой.

ИГРЕК. Математический бой?

ИКС. Бой! Вернее, математическое соревнование. Его придумал ленинградский учитель Иосиф Яковлевич Веребейчик. Сегодня я и хочу рассказать о правилах такого боя читателям «Пионера».

Сражаются две команды. Задачи подбирает жюри (обычно задач столько же, сколько человек в каждой команде) и вручает их капитанам команд. Задачи одни и те же для обеих команд.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Мяжя Дяма кленгё брящэд,
Юлёмыря ф лэщгю нащыг.
Дыжэ, Дямэщгя, мэ брящъ,
Мэ юдёмэд ф лэщгэ нащ.

ИГРЕК. А почему бы не сделать так, как было в XVI веке в Италии? Соперники подбирали задачи друг для друга. Побеждал тот, кто за определенное время, скажем, за пять часов, успевал решить больше задач.

ЗЕТ. Но тогда получалось состязание в поиске трудных задач, а не в решении их. Участники находились в неравном положении. Вот пример.

22 февраля 1535 года начался поединок между итальянскими математиками Тартальей и Фиори. Тарталья знал, что Фиори очень гордится своим методом решения кубических уравнений, и рассчитывал получить от него задачи такого рода. Задолго до состязания Тарталья настойчиво работал над их решением и даже открыл свой метод. Этот метод помог ему решить тридцать задач, предложенных Фиори, всего за два часа! А бедняга Фиори и за пятьдесят дней не решил ни одной задачи Тартальи.

У нас по-другому

ИКС. Значит, мы делаем правильнее, вручая капитанам одни и те же задачи. Затем определяется время на решение — от двух до пяти часов. Получив одинаковые задачи, команды, скажем, Синие и Зеленые, расходятся в разные комнаты. Капитаны вручают участникам задачи. Как только кто-то один решит задачу, остальные уже не тратят на нее время. Капитаны определяют «специалистов» по каждой задаче — они и будут защищать свое решение перед соперниками.

Один и тот же боец может быть «специалистом» по нескольким задачам.

Время! Команды выходят из своих комнат и предстают перед жюри и болельщиками. Жребий решает, кто первым пошлет вызов или — как у шахматистов — сделает первый ход.

ИКС. Итак, Синие вызывают Зеленых на одну из задач.

Зеленые могут отказаться, если задачу не решили.

Но предположим, вызов принят. К доске выходят «специалисты» обеих команд по предложенной задаче. Зеленые подробно излагают свое решение. Нелегко рассказать задачу так, чтобы никто не мог придраться. Оппонент Синих имеет право прервать соперника, задать ему вопрос или попросить повторить неясное место. Ни жюри, ни остальные члены команд (а тем более болельщики) не имеют права вмешиваться в этот диалог. Только если дискуссия затянется и уйдет в сторону, жюри может прекратить ее и задать вопросы отвечающему.

Затем жюри распределяет очки за решение задачи. Каждая задача, независимо от ее трудности, оценивается одним и тем же числом очков, например, 6 очками. Из них несколько (0, 1, 2, 3, 4, 5, 6) получает команда отвечающего, остальные — команда оппонента.

ИГРЕК. А если Зеленые откажутся принять вызов?

ИКС. Тогда Синие сами рассказывают решение, а один из Зеленых становится оппонентом. Может случиться, что Синие сами не решили эту задачу. Тогда их вызов объявляется «некорректным», и жюри наказывает команду. Во-первых, из шести очков 3 передаются соперникам как штраф (а остальные 3 очка жюри делит между «некорректным» отвечающим и оппонентом). Во-вторых, команда после некорректного вызова обязана повторить его. Это — наказание, так как отвечающему обычно легче заработать очки, чем оппоненту.

ИГРЕК. Один тур прошел. Что потом?

ИКС. Если не было некорректности, то Зеленые, в свою очередь, вызывают Синих решать новую задачу. Идет вторая схватка. Дальше команды по очереди посылают вызовы (очередь нарушается только при некорректности). Если одна из команд отказывается или иссякнет запас нерассказанных задач,— конец. Побеждает, естественно, тот, у кого больше очков.

ИГРЕК. Нельзя ли продемонстрировать, как проходит схватка?

Корректный диалог

ИКС. Пожалуйста. Вот задача и диалог по ее поводу.

Из города Ы выехали два автомобиля («Волга» и «Жигули») в одном направлении, но с разными скоростями. Через час в том же направлении выехал «Москвич». Еще через час расстояние между «Волгой» и «Москвичом» сократилось в 1,5 раза, а между «Жигулями» и «Москвичом» — в 2 раза. Найти отношение скоростей «Волги» и «Жигулей».

Зеленые вызывают Синих.

СИНИЙ. Пусть скорость «Волги» x км/час, «Жигулей» — y км/час и «Москвича» = z км/час. Надо найти отношение x/y. В момент выезда «Москвича» расстояние от города и от него до «Волги» равнялось x км, а до «Жигулей» — y км. Через час «Волга» была в 2x км от города, «Жигули» — в 2y км, «Москвич» — в z км от города. Значит, расстояние между «Волгой» и «Москвичом» равнялось (2x — z) км, а между «Жигулями» и «Москвичом» (2y—z) км. Получаем уравнения:

$$1{,}5\ (2x - z) = x$$
$$2\ (2y - z) = y$$

Из первого уравнения следует, что $x = \frac{3}{4}z$, а из второго, что $y = \frac{2}{3}z$. Значит, $x/y = 9/8$. Задача решена.

ОППОНЕНТ (представитель Зеленых). Расстояние между «Волгой» и «Москвичом» будет равно не (2x — z) км, а абсолютной величине этого числа, то есть |2x — z| км. Уравнения должны быть такими

$$1{,}5\ |2x - z| = x;$$
$$2\ \ |2y - z| = y.$$

Надо по отдельности рассмотреть четыре случая

1) $2x - z < 0$, $\quad 2y - z < 0$;
2) $2x - z < 0$, $\quad 2y - z \geqslant 0$;
3) $2x - z \geqslant 0$, $\quad 2y - z < 0$;
4) $2x - z \geqslant 0$, $\quad 2y - z \geqslant 0$.

СИНИЙ (после продолжительного размышления). Совершенно верно... Выражая в каждом из этих случаев x и y через z (пусть читатели сами произведут эти вычисления), получаем что x/y равно 15/16, 9/16, 15/8 и 9/8 соответственно.

ОППОНЕНТ. Надо еще проверить, во всех ли четырех случаях полученные значения удовлетворяют неравенствам.

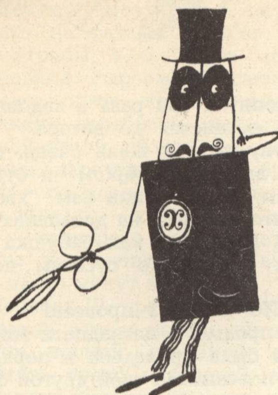
ЖЮРИ. Отвечающий из команды Синих рассмотрел только один случай из четырех равноправных, поэтому команде отвечающего — 2 очка, команде оппонента — 4 очка.

Математический бой в твоей школе

ИКС. Надеемся, многие из наших читателей попробуют сразиться с товарищами по классу или математическому кружку. Вот задача для начала полегче.

Во всех клетках таблицы 4x4 написаны цифры 1, 2, 3, 4, причем так, что ни в одном столбце и ни в одной строке нет двух одинаковых цифр. Затем 12 цифр стерли, остались только 4 (они на рисунке).

4			
		1	
	2		
			3

Восстановите запись (сколькими способами можно это сделать?).

А эти три задачи — с математического боя в ЮМШ при ЛГУ.

1. С числом можно делать следующее: а) приписать 4 в конце; б) разделить на 2, если оно четное. С помощью этих операций получить из числа 4 число 1973.

2. На клетчатой бумаге отмечено 5 узлов (то есть вершин клеток). Доказать, что из них можно выбрать два узла так, что на соединяющем их отрезке лежит еще по крайней мере один узел.

3. Найти определенную на множестве натуральных чисел функцию $A(Z)$, такую, что $A(1) = 1$ и $A(x+y) - A(x) - A(y) = xy$ для любых натуральных чисел X и Y.

ЗЕТ. Решения этих задач нам не присылайте. МЫ ЖДЕМ ОТ ВАС СООБЩЕНИЙ О МАТЕМАТИЧЕСКИХ БОЯХ. Как они прошли у вас? Какая задача была самой интересной? Корректно ли вели себя команды? Какие были трудности?

Задачи ваше жюри может подобрать и другие.

На конверте напишите: «Математический бой».

НЕИЗВЕСТНЫЕ — МОСКВИЧАМ

В октябре начинаются занятия в вечерней математической школе для 6—8-х классов. Хотите попасть? Позвоните во второй половине сентября по телефону 291-85-72.

Я — личность серая

Гале было холодно и грустно. Шел дождь. Она стояла у окна, кутаясь в пуховый платок и смотрела на растрепанного воробья, который раскачивался на ветке. «Завтра в школе концерт самодеятельности, — думала Галя, пытаясь сосчитать капли на стекле, — и, конечно, во всех номерах будет участвовать Оля Икотина, как всегда. — Галя вздохнула. — Везет же некоторым! Вот Оля, например, все успевает, все умеет: и танцует, и поет, и спортсменка, и учится отлично, и ребята ее уважают. Хотя ничего особенного в ней нет...»

Галя вспомнила лыжные соревнования, Олю в теплом шерстяном костюме, похожую на неуклюжего медвежонка, мокрая прядь волос прилипла ко лбу, нос картошкой, но буквально весь шестой «А» переживал за Олю, все кричали, подбадривали. И никто ни разу не крикнул Гале: «Давай, жми!» У Гали защипало в носу. Конечно, кому она нужна? Учится хорошо, но в самодеятельности не участвует. На физкультуре весь класс хохочет, когда она болтается на канате и не может подняться выше, чем на метр. Серая личность. А как бы хотелось пройтись в задорном молдавском танце, отстукивая каблучками. Пробежать на соревнованиях по конькам так, чтобы даже Оля не могла ее догнать! Петь, чтобы все затихали, слушая ее. Придумывать такие сборы, чтобы весь класс рот разинул... Э, да что там говорить! Разве можно всему этому научиться? Может Олю попросить помочь? Нет, у нее и без того забот хватает. В конце концов не может Оля только тем и заниматься, что делать из Гали интересного человека, из Толика — шахматиста, из Лены — образцовую звеньевую. Оля и так всем помогает.

Значит, надо самой сделать из себя нужного всем человека. Но как? С чего начать? Как завоевать авторитет? Почему иногда бывает так: человек — отличник, но никто его не уважает, или отличный спортсмен, но никто не подойдет к нему, не попросит: «Потренируй нашу команду, помоги».

Так думала ученица шестого класса Галя, стоя у окна в дождливый день. А мы узнали об этом из ее письма в редакцию.

Ребята! Посоветуйте Гале, как перестать считать себя серой, никому не нужной? Как завоевать авторитет?

Пишите нам.

Рисунок Б. ПОЛЯНСКОГО.

Академия Домашних Волшебников

Калинка отпустила свой кораблик — калиновый листок, как обычно, на балконную стоянку, и, ловко перепрыгнув через перекладину форточки, сманеврировала на широкий кухонный подоконник, недавно протертый быстрыми Лёкиными руками — вот и след влажный поблескивает. Сегодня суббота, девочки всегда в этот день надраивают всю квартиру, как самое драгоценное цветное стеклышко.

Что такое? Лёка сидит на столе и, закрыв лицо ладонями, плачет. Мокрое пятно все шире расплывается по веселенькому ее, ситцевому в красных горошинах фартуку.

Калинка скорее сняла шапочку-невидимочку и — динь-дон-динь — помахала ею, но Лёка даже не повернулась.

— Эгей, Лёка! Ты плачешь понастоящему или из-за лука?—как могла громко крикнула Калинка, и наконец-то Лёка отбросила мокрые ладони.

— Калинка! Я тебя ждала-ждала, грибов привезла полную корзинку, даже десять беленьких,— выпалила Лёка, и слезы снова побежали по щекам.— Я так мечтала научиться готовить грибные су-у-упчики. Лучше всех на све-е-е-ете. И все погибло.

Калинка облегченно вздохнула. Чего не передумаешь, глядя на плачущего человека, тем более всегда такого стойкого, как Лёка. За пять почти лет дружбы с Лёкой Калинка всего разочек видела ее плачущей, да и то давным-давно.

— Что погибло? Расскажи.

— Ой, не видишь разве? На столе-то я почему сижу?— И Лёка показала на пол.

Вот в чем дело! Лёка, видно, как всегда, слишком стремительно искала на полке крупу, переворошила пакеты, и от неловкого движения они упали и рассыпались по всем закоулочкам кухни. Перловая крупа перемешалась с рисом и пшеном, да еще пачка соли туда обрушилась, и перцем-горошком сверху присыпало.

— Да-а! Ералаш несъедобный.— Калинка безнадежно махнула рукой.— Между прочим... закономерно...

— Закономерно? — Слезы на Лёкиных глазах высохли в одну секунду.— Я такая неумеха и у меня все из рук валится?

— Нет, совсем нет... но не удивлялась ли я много раз тому, что в вашем таком милом доме страшный беспорядок на кухонных полках?

— Ты права,— вздохнула Лёка.— Я даже банки для крупы собиралась купить, да они мне не понравились. Ты еще предложила насыпать крупу в обычные стеклянные банки и закрыть обычными полиэтиленовыми крышками. Да ведь скучно!

— Скучно... Зато вот такая катастрофа намного веселее,— засмеялась Калинка.

— Очень весело,— уныло согласилась Лёка.

— Ну, не грусти. Кухню сейчас приведем в порядок, да начнем колдовать над грибными супчиками. С банками, пожалуй, можно тоже поколдовать. Попросим Алешу, чтобы он разрисовал их масляными красками. Хочешь, я покажу, какая чудо-полка будет через месяц?

И Калинка накинула свою шапочку-невидимочку сразу на себя и Лёку. Давно известно, что ее маленькая шапочка со звонким колокольчиком может не только двух и даже четырех человек спрятать, но и... Ой, нет... тайна... Сняли шапочку, и Лёка глазам своим не поверила.

— Красиво?

— Красиво? — Переспросила Лёка.— Уникально! А почему банки разные?

— Самая большая банка — трехлитровая — для муки. Двухлитровые — для гречневой, пшена и геркулеса — самые любимые ваши каши. Литровые банки для манной, риса, перловой, гороха, фасоли, лапши, вермишели, картофельной муки. Полулитровые для сухой зелени — укропа, петрушки, сельдерея. Маленькие баночки из-под горчицы — для перца, лаврового листа. Бочоночек из-под меда Алеша превратил в такую красивую чайницу, что твоя мама даже отнесет ее в свой институт показать друзьям.

— Вот эта с краю? Очень красивая.— Лёка восхищенно оглядывала полку, потом задумалась и, хитровато взглянув на Калинку, сказала:— Зачем время терять, Калиночка, пусть полка остается навсегда, а то тебе придется так много трудиться, эту отправлять куда-то...— Лёка неопределенно покрутила руками,— в тартарары, а прежнюю возвращать...

— Из тартарары, — продолжала Калинка, так же хитровато взглянув на Лёку.— Ох, Лёка, Лёка! Прекрасно ведь знаешь, что не оставлю. Только то, чего добивался, к чему приложил усилие, умение, старание, приносит радость и удовлетворение.

Калинка хотела было опять набросить шапочку на себя и Лёку, чтобы вернуть все на свои места, но неприглядность неряшливой полки была так несимпатична самой Калинке, что она решительно спрятала свою зеленую шапочку.

— Так и быть. Пусть сегодня, пока ты премудрость грибных супчиков освоишь, останется эта полка. Для вдохновения.— И Калинка хлопнула три раза в ладоши.— Пусть останется до вечера.

Крупу хоть и жаль очень, придется вымести веником и отдать птицам, а для супов нам хватит той, что осталась на донышках пакетов. Помнишь, как бабушка колобок пекла? По сусекам помела...

— По пакетам провела!

Не прошло и пятнадцати минут, кухня была приведена в порядок. Лёка повязывала свой другой фартук, в синих васильках, а Калинка, уже в белоснежном, туго накрахмаленном фартучке, перебирала крупу.

— Ты не хотела бы, Лёка, сначала записать все в свою книжку?

— Обязательно! Ой, Калинка, ты мне должна помочь. Девочки и мальчики — сотни человек — просят мою книжку с калиновым листком, кто на три дня, кто на неделю. Перепишем, говорят, и вернем. Мне не жаль, но если отдавать всем по очереди, моя книжка не вернется ко мне никогда, а она мне почти каждый день нужна. Подскажи, как мне поступить?

— Действительно, беда. Не знаю, что тебе и посоветовать...

— Эх, была бы такая книжка настоящая, отпечатанная в типографии, чтобы всем ребятам досталась. Подумай, Калинка, пожалуйста, как сделать, чтобы меня не считали жадной.

— Подумаю, хорошо. О, Лёка! Время! — Калинка сокрушенно покачала своей толстой косичкой влево-вправо — тик-так. — Через час и двадцать минут я должна улететь. За дело!

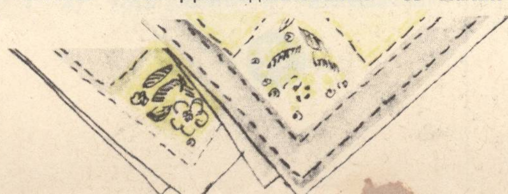
— Скорее, скорее,— забеспокоилась Лёка.— Можно, я буду готовить в чугунках? Мне так нравится готовить супчики в чугунках.

— Нравится, так и готовь. В кулинарных делах очень важно, чтобы нравилось. Доставай свою корзину. Какие грибы, один к одному! Крепенькие!

СУП КАРТОФЕЛЬНЫЙ

Грибы, картофель, морковь, лук, петрушка, масло

Этот суп получается вкусным только из разных грибов. Любые грибы, 4—5 видов (белые, осиновики, сыроежки, свинушки, маслята, опята, козлята, лисички, рыжики), перебрать, промыть холодной водой, обдать крутым кипятком, нарезать тонкими брусочками — по полной горсти на каждую тарелку — и потушить в масле — сковорода разогревается, и грибы постепенно сыпют в горячее масло минут на 10.

Морковь ($1/3$ средней моркови на тарелку), лук и корень петрушки очисть, промой холодной водой. Морковь тонко нашинкуй, лук и петрушку целыми положи в грибы. Посоли, чуть посахари ($1/2$ чайной ложки) и туши минут 10.

Переложи грибы и овощи в чугунок, залей холодной водой (1,2 стакана на каждую тарелку), доведи до кипения, сними пену и опусти картошку (очистить, промыть холодной водой, нашинковать соломкой) на каждую тарелку примерно одну среднюю картофелину. Попробуй, достаточно ли соли. Пусть слегка кипит минут 15, потом добавь горсть зелени петрушки, ложку сливочного масла, и через минуту суп готов!

В ЧЕМ СЕКРЕТ ВКУСНЫХ СУПОВ. Лук, корень петрушки, сушеные грибы опускают в холодную воду — холодная вода, постепенно нагреваясь, как бы вбирает овощной и грибной вкус. **Остальные овощи, крупу, лапшу опускают в кипящую** воду. Кипящая вода как бы окутывает каждую картошинку, каждую крупинку, не позволяя им развариваться.

Количество воды берут разное. Чем меньше времени варится суп, тем меньше он выкипает и тем меньше воды наливаешь в чугунок. Для скорых супов — на тарелку — чуть больше стакана — 1,2 или 1,3 стакана. Для долгих — щей или супов из сушеных грибов — полтора стакана.

Овощи чистят и моют непосредственно перед тем, как опускают в суп. Держать долго овощи очищенными или в воде нельзя: в них уменьшается содержание витаминов и ухудшается вкус.

Зелень петрушки и укропа промывай в воде внимательно, чтобы не осталось песка, и хорошенько отряхни от лишней влаги или даже обсуши в полотенце.

Солить иногда приходится два раза — первый, когда опускаешь овощи, второй, когда суп почти готов. Но не пересоли!

В суп стоит добавить чуть сахару — чайную ложку или чуть меньше или больше. **Когда суп уже снимаешь с огня, добавь для придания более тонкого вкуса ложку сливочного масла.**

СУП С БЕЛЫМИ ГРИБАМИ

Грибы, рис, морковь, укроп, масло, помидор.

В чугунок налить холодной воды (1,2 стакана на тарелку), бросить туда луковку, разрезанную на 5—6 частей. Дать закипеть, и пусть булькает, пока готовишь грибы.

Грибы перебрать, промыть, нашинковать, потушить в горячем масле минут 10—15, добавить тертую на терке морковь ($1/3$ средней морковины на тарелку), еще ложку масла и рис, предварительно промытый холодной водой (на тарелку неполную столовую ложку).

Когда все потушится 5 минут, лук из чугунка вылови шумовкой, воду посоли и опусти в кипящую воду грибы, рис и морковь. Огонь самый сильный. Крышкой в первую минуту не закрывай, рис дает обильную пену, и суп может убежать — вся вкуснота уйдет. Как только суп закипит, огонь убавь, закрой крышкой, и пусть тихонько булькает. На сковороду положи немного масла, потуши в нем 2 минуты один-два мелко нарезанных помидора с ложкой нарезанной зелени укропа — и в суп. Попробуй, достаточно ли соли. Сахару не надо — белые грибы и без того сладкие. Суп, с момента закипания, варится минут 15—20. В тарелку можно положить сметаны и зелени.

ЩИ ИЗ ЛИСИЧЕК ИЛИ ОПЯТ

Грибы, капуста, морковь, зелень, лук, масло, помидоры.

Лисички или опята перебрать, промыть холодной водой, разрезать пополам или даже оставить целыми (горсть на тарелку), чуть посолить и потушить слегка на сковородке в горячем масле. Переложить в чугунок, залить холодной водой (1,3 стакана на тарелку), довести до кипения, снять пену, убавить огонь, и пусть кипит минут 30. Тогда только добавь нарезанную кубиками картошку ($1/2$ средней картошины на тарелку) и тонко шинкованную капусту (горсть на тарелку). Минут через 15 добавь слегка подтушенные в масле мелко резанные помидоры, тертую на терке морковь ($1/4$ морковины на тарелку), зелень укропа и петрушки. Пусть все это еще поварится минут 15, и тогда добавь ложку сливочного масла. Попробуй, не надо ли соли. В общей сложности с момента закипания щи варятся час.

СУП ИЗ СУХИХ ГРИБОВ

Грибы, перловая крупа, лук, картофель, морковь, масло.

Замочи часа на 2—3 (отдельно) сухие грибы (1 средний гриб на тарелку) и перловую крупу ($3/4$ столовой ложки на тарелку).

Грибную воду осторожно процеди через марлю в чугунок, добавь еще воды (из общего расчета 1,5 стакана на тарелку). Грибы промой холодной водой, опусти в чугунок с луковкой, поставь на огонь. Минут через 40 луковку выбрось, грибы вытащи шумовкой, остуди, мелко нашинкуй, подрумянь на сковороде в горячем масле с чайной ложкой муки и положи в грибной отвар с перловкой, отцеженной от воды.

Пусть грибы и крупа варятся вместе еще минут 40. Добавь резанную соломкой картошку ($1/3$ картошки на тарелку) и морковь ($1/5$ морковины на тарелку), резанную кружочками. Пусть все вместе слегка кипит еще минут 10. Добавь лавровый лист, несколько горошин перца, свежей или сушеной зелени. Через 5 минут снимай с огня. Сметану — к столу.

ГРИБНАЯ ЛАПША

Сушеные грибы, лапша, лук, морковь, зелень, масло.

Если хочешь приготовить лапшу, разболтай стакан воды, 2 яйца и соль, постепенно всыпь примерно 3 стакана муки, замеси крутое тесто. Помеси его внимательно минут 10, потом накрой разогретой на огне кастрюлей и дай полежать в этой баньке минут 20. Потом раскатай тесто тонко-претонко, дай пласту подсушиться минут 10—15, присыпь мукой, сверни рулетиком и нашинкуй тонко, чуть наискосок, чтобы лапшинки получились не чрезмерно длинные. Рассыпь лапшу на доске и дай подсохнуть 2—3 часа. Ссыпь в банку. Лапшу лучше готовить впрок.

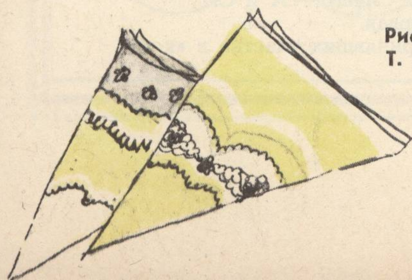
Если ленишься, можно суп готовить с покупной лапшой или даже с вермишелью.

«Грибная лапша» — король среди грибных супов. Очень важно, чтобы грибов было много, чтобы лук не пережарился, чтобы суп был густоват, но не слишком, и лапша бы сварилась, но ни в коем случае не переварилась.

Сушеные грибы замочи на 2 часа (2 средних гриба на тарелку). Процеди, свари. Лук ($1/2$ средней луковки на тарелку), морковь ($1/4$ средней моркови на тарелку) и грибы нашинкуй и слегка поджарь в горячем масле (сначала лук, потом морковь, потом грибы). Ссыпь все в кипящий грибной отвар, посоли и чуть посахари. Минут через 20 добавь лапшу (горсточку на тарелку). Лапша варится минут 10—15, вермишель—5—6 минут. Попробуй, достаточно ли соли. К столу — зелень и сметану.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Живживка и квадрат

— Ты, наверно, и считать-то за лето разучился,— пошутил кто-то, когда Живживка пришел в школу.

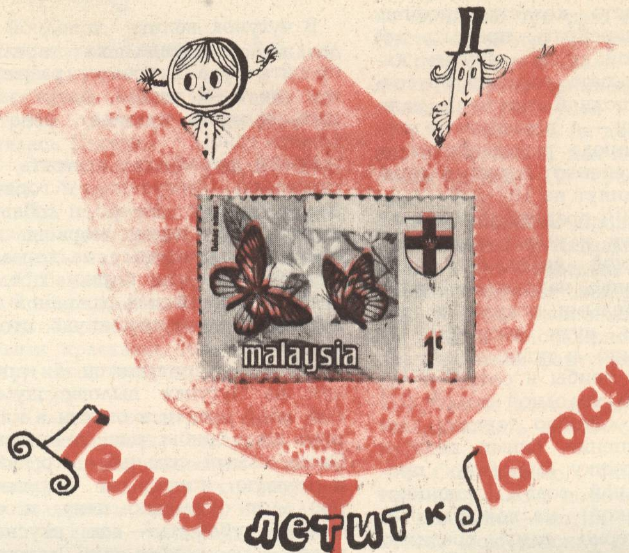
— Давайте проверим,— спокойно сказал Живживка.— Есть у кого-нибудь календарь? Обведите квадратом любые девять чисел, и я сразу скажу вам их сумму. Можете даже не показывать мне календарь, только назовите наименьшее число из девяти.

Ребята не поверили Живживке. Но когда он несколько раз очень быстро назвал суммы чисел, все были удивлены. Они стали просить Живживку раскрыть секрет своих вычислений. Но тот объяснил только, что помогли ему плюс, знак умножения, восьмерка и девятка. Как он ими пользовался, Живживка никому не сказал. «Все остальное — моя тайна!»

Кто из вас раскроет секрет Живживки?

СЕНТЯБРЬ

П	В	С	Ч	П	С	В
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

Делия летит к Лотосу

Семь марок стран Азии: Индии (1), Бирмы (2), Лаоса (3), Вьетнама (4), Камбоджи (7), Таиланда (8), Малайзии (11) расположены в квадратах под теми номерами, которые указаны в скобках.

Видите бабочку делию, изображенную на марке Малайзии? Помогите ей перелететь в пятый квадрат. Передвигая марки, помните: рядом должны лежать только марки граничащих между собой стран.

Составил эту задачу Пинцет. Лупа решала ее и напевала такую песенку:

Неужели в самом деле я
Не придумаю маршрут!
Погоди, бедняжка делия,
Дай еще мне пять минут.

Мы надеемся, что бабочке не понадобится больше времени для того, чтобы попасть в пятый квадрат.

1	9	10
2		
3	8	11
4	7	12
5	6	

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

Кенийский маркофон.
Марки могут быть в таких положениях: 123; 268; 617; 148; 729; 431; 456; 591; 942; 257; 364; 582; 789; 374; 835; 693; 815; 976;

Капитан Перо ищет помощника.
Замки обозначены бувами А, В и С. У Зеленого Карандаша ключи А и В, у Желтого — В и С, у Синего — А и С.

Шесть цепей. Самая длинная цепь первая.

Живживка благодарит всех ребят, принявших участие в «конкурсе болтунов».

Где и когда

Сценарий Живживки

Расставьте в правильном порядке
Четыре кадра бурной схватки.
И вы узнаете мгновенно,
Где разыгралась эта сцена,
Где бились эти господа.
Не только где, но и когда

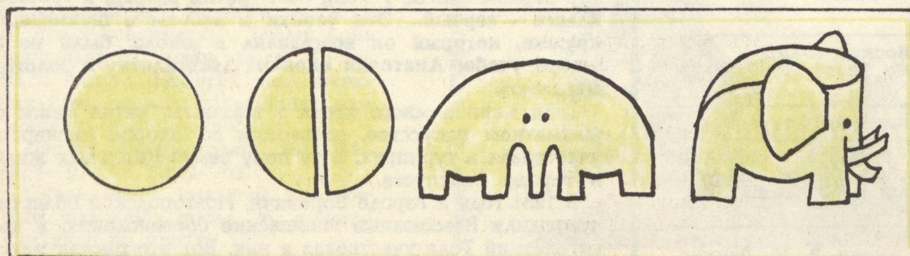

Слоны из луны

Когда тебе нужны слоны,
Ты можешь двух слонов
Прекрасно сделать из луны,
Не тратя лишних слов.
Сначала вырежем луну,
Разделим пополам,
А весь дальнейший путь к слону
Проделаешь ты сам.

Перед тобою мой чертеж
И тут же образец,
Не торопись, а то порвешь!
А уши? — Молодец!
Я вижу, ты наморщил лоб.
В чем дело? Может быть,
Уже ты думаешь, кого
Из солнца смастерить?

Живживка.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/VI 1974 г. А 01451. Подписано к печати 1/VIII 1974 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1948. Заказ № 2559.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КТО БУДЕТ ИГРАТЬ С ФИШЕРОМ?

Скоро произойдет важное событие—матч между гроссмейстерами Анатолием Карповым и Виктором Корчным. Победитель получит право сражаться с чемпионом мира американцем Робертом Фишером.

Понятно, что матч волнует и ребят. Пешкин получил много писем и отвечает на вопросы корреспондентов.

Сколько в матче будет сыграно партий и где будут играть Карпов и Корчной?

Будет разыграно 24 партии. Победит тот, кто первый одержит пять побед. Если после 24 партий это не удастся никому, победа будет присуждена участнику, имеющему преимущества в счете. Матч начнется 15 сентября в Москве.

Сколько партий сыграли между собой Карпов и Корчной до матча, с каким результатом?

Пять партий. У каждого по две победы при одной ничьей.

Как и когда начинал свой спортивный путь Анатолий Карпов?

В одном из номеров еженедельника «Неделя» Евгений Степанович Карпов, отец Анатолия, рассказал о своем сыне.

«Шахматное детство Толи началось рано, в четыре с половиной года и было коротким. Толя забавлялся шахматами как занимательными игрушками, быстро запомнил названия фигур, выучил ходы и стал играть сам с собой.

В первом классе у Толи был третий разряд, в третьем классе — первый... Эти успехи и заботы о шахматном кружке, который он возглавлял в школе, были не в ущерб учебе: Анатолий окончил десятилетку с золотой медалью».

Толя Карпов много играл в шахматы, читал книги о шахматном искусстве, занимался во Дворце пионеров, участвовал в турнирах. В ту пору семья Карповых жила в городе Златоусте.

В 1961 году в городе Боровичи, Новгородской области, проходили Всесоюзные юношеские соревнования, и десятилетний Толя участвовал в них. Вот что писала местная газета «Красная искра» об его игре:

«Как и в предшествующих турах, особенно многолюдно было у стола, за которым играл Толя Карпов, самый юный из участников. Сидя на обычном стуле, он даже не видит всей доски. Пришлось сделать для него специальную подставку».

Толя набрал пять очков из десяти возможных, опередив более сорока старших ребят. Большой успех!

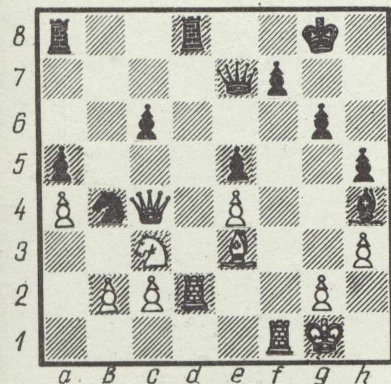
Но Толя не обольщался достигнутым. В нескольких партиях он потерпел поражения, значит надо было внимательно проанализировать, почему он проиграл, продумать свои ошибки. Анатолий еще с большим упорством занимался шахматами.

В пятнадцать лет он стал мастером. Три года спустя завоевал звание чемпиона мира среди юношей. Играл в крупных международных турнирах и выдвинулся в группу ведущих гроссмейстеров.

Кое-кто считает, что шахматы мешают хорошо учиться в школе. Анатолий Карпов с этим никак не согласен. Шахматы, наоборот, учат беречь свое время, правильно распределять его.

Анатолий Карпов учится на четвертом курсе Ленинградского университета, ведет большую общественную работу. Он был делегатом Семнадцатого съезда комсомола. На съезде его избрали членом ЦК ВЛКСМ.

Стиль игры Анатолия Карпова, международного гроссмейстера, удивительно многогранен. Он превосходно атакует, с громадной изобретательностью защищается и маневрирует.

Перед вами позиция, которая возникла в девятой партии матча Карпов—Спасский (он проходил недавно в Ленинграде). Положение черных, казалось бы, не вызывает никаких опасений, но неожиданный ход Карпова 24. Кс3-b1 сразу все изменил. Белый конь направляется через поле d2 на b3,c4 или f3. На всех этих пунктах конь окажет сильнейшее давление на позицию черных.

Партия продолжалась так: 24... Фе7—b7 25. Крg1—h2!

Снова очень сильный ход. Белые угрожают после 26. g3 нанести удар по пункту f7.

25... Крg—g7 26. c2—c3 Kb4—a6 27. Лd2—e2!

Не опасаясь уступки открытой линии «d», белым надо сохранить обе ладьи для атаки.

27... Лd8—f8 28. Kb1—d2 Ch4—d8 29. Kd2 — f3 f7 — f6 30. Ле2 — d2 Cd8—e7 31. Фс4—e6 (решающее вторжение) 31... Лa8—d8 32. Лd2 : d8 Ce7 : d8.

Приходится брать ладью слоном, на 32... Л : d8 выигрывает 33. К:e5! 33. Лf1 — d1 Ka6 — b8 34. Ce3 — c5 Лf8—h8 35. Лd1 : d8!

Черные сдались. Если 35... Л : d8, то 36... Ce7, и поражение черных неминуемо.

Анатолий Карпов.

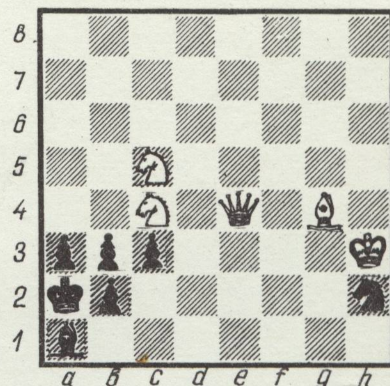
Какое ясное и простое окончание! Но эта простота требует высочайшего мастерства.

«Приходилось ли вам играть с Фишером?» — спросили корреспонденты у Карпова после окончания его матча со Спасским.

«С Фишером я не встречался за шахматной доской,— сказал Карпов.—Наверное, он сейчас сильнейший шахматист, и поединок с чемпионом будет тяжелым. Однако я считаю, что в матче с любым современным шахматистом у меня есть шансы на победу. Играю каждую партию на выигрыш не испытываю чувства боязни перед противником».

Премии Пешкина

25 книг, в которых рассказывается о первом турнире команд Дворцов пионеров, с автографами гроссмейстеров приготовил Пешкин для тех, кто правильно решит новую задачу и ответит на три вопроса.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в четыре хода.

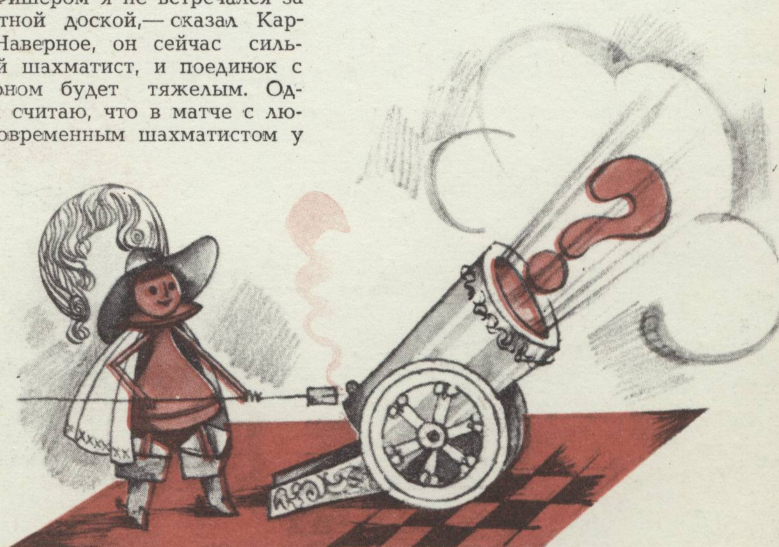
ВОПРОСЫ:

С какого времени проводятся матчи претендентов на первенство мира?

Назовите гроссмейстеров, выступавших в этих матчах.

Какие матчи были ими сыграны и с какими результатами?

В конкурсе Пешкина могут принимать участие все любители шахмат. Задания конкурса можно решать и коллективно на занятиях школьной шахматной секции. Решения присылать не позднее чем через две недели после получения журнала.

Рисунки А. АСТРЕЦОВА.

Звездочка

Музыка Вяч. ВЕТРОВА.
Слова Г. ЛАДОНЩИКОВА.

Маму видит вся столица,
Мама строит новый дом,
Да такой, что поселиться
Полрайона может в нем.

Дом заметно вырастает
Каждый день и каждый час,
Будто небо подпирает
Металлический каркас.

А над самой верхней балкой,
Где подъемный кран стоит,
Огонек электросварки
Яркой звездочкой горит.

Это мама, сварщик смелый,
Держит звездочку в руках,
А над нею стайкой белой
Проплывают облака.

Оживленно

МА-МУ ВИ-ДИТ ВСЯ СТО- ЛИ ЦА
МА-МА СТРО-ИТ НО-ВЫЙ ДОМ ДА ТА-КОЙ ЧТО ПО-СЕ-ЛИТЬ-СЯ ПОЛ-РАЙ-
О- НА МО-ЖЕТ В НЕМ. ДОМ ЗА-МЕТ- НО ПОД-РАС- ТА - ЕТ КАЖ-ДЫЙ
ДЕНЬ И-КАЖ-ДЫЙ ЧАС, БУД- ТО НЕ- БО ПОД-ПИ-РА - ЕТ МЕ-ТА-
ЛИ- ЧЕС-КИЙ КАР- КАС БУД- ТО НЕ- БО ПОД-ПИ-РА - ЕТ МЕ-ТА

Для повторения — ЛИ-ЧЕС-КИЙ КАР-КАС
Для окончания — ТА-ЮТ ОБ-ЛА-КА

Цена 25 коп.
Индекс 70694